ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

(ДИСКУССИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМАЦИЯХ)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. ЗАЙДЕЛЯ, З. ЛОЗИНСКОГО,
А. ПРИГОЖИНА и С. ТОМСИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОЛЕТАРИЙ»
1930

Библиографическое описание этого издания помещено в „Літопису Українського Друку“, „Карточном репертуаре“ и др. указателях Украинской Книжной Палаты.

Напечатано во второй типографии
Издательства „Пролетарий“
Харьков, ул. К. Либкнехта 38.
в колич. 4.000 экземпляр.
15 печатн. листов.
Укрлит № 2370.
Зак. № 470.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Предлагаемый сборник является результатом дискуссии, происходившей в объединенном заседании Ленинградского Отделения О-ва историков-марксистов и Института истории и посвященной ряду спорных проблем марксистской исторической науки.

Доклады Малышева и Кудрявцева содержат подробный критический разбор механистической концепции, данной в работе С. Н. Дубровского „К вопросу о сущности „азиатского“ способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала“.

Прения, развернувшиеся по докладам, приняли весьма широкие размеры, при чем в центре их оказались проблемы конкретно-исторического анализа отдельных общественно-экономических формаций. Такое направление дискуссии, конечно, не случайно, — оно отражает поворот марксистской исторической науки в СССР в сторону углубленной разработки основ марксистско-ленинской методологии.

Сборник составлен по стенограмме дискуссии. В виде исключения, там, где этого требовали условия технического порядка, стенограмма пополнена письменными формулировками, уточняющими и дополняющими положения, защищавшиеся в дискуссии отдельными товарищами (доклад Малышева, выступления некоторых оппонентов).

А. КУДРЯВЦЕВ.

Товарищи, дискуссия, открываемая настоящим докладом, несомненно, отвечает назревшей в нашей среде потребности пересмотреть и уточнить те социологические понятия, которыми мы всегда пользуемся в нашей работе, но которые по существу дела нами не продуманы и методологически не обоснованы. Кстати, я должен напомнить, что уже несколько лет тому назад, правда, не в этих стенах, но в этом учреждении, мы уже вели дискуссию на сходную тему. Разумеется, с тех пор много воды утекло,—многие из нас продолжали работать над этими вопросами, и, я полагаю, проблемы, встающие перед нами сейчас, мы сумеем поставить более четко и на более твердых основаниях.

Удобным поводом для нашей дискуссии по вопросу об общественных формациях несомненно является и недавно выпущенная книжка Дубровского, который попытался вскрыть существо целого ряда эпох, применив для этого определенные методологические приемы. Этот опыт ни в коей мере нельзя назвать удачным. Легко показать, как неправильно взятая с самого начала методологическая установка приводит автора к искажениям, я бы сказал,—механистического характера выводам о самом существе исторического процесса. Если присмотреться к методологическим приемам Дубровского, то станет очевидным, что все свои концепции о формациях он строит на анализе высказываний Маркса, Энгельса и Ленина, искусственно их вырывая из определенного контекста, проделывая поразительные операции с отдельными местами текста, чтобы заставить их говорить в пользу того или другого положения. Даже в тех случаях, когда тот или иной цитируемый автор говорит противоположное тому, что утверждает Дубровский, последний все же ухитряется зачислить его в свои сторонники. Я не привожу примеров ради экономии времени, но рекомендую в качестве образца пересмотреть его главу о торговом капитале

и формах государственной власти, особенно стр. 112—118, где он приводит цитату из „Что такое друзья народа“ Ленина по вопросу о роли капитала купцов в процессе образования национального рынка.

Характерна и другая черта — в подходе Дубровского к своей теме. Он не дает анализа конкретного исторического процесса, не исходит от этого анализа, он довольствуется в большинстве случаев лишь теми конкретными иллюстрациями, какие находит у цитируемых авторов, да и то искусственно их сопоставляя. В результате таких приемов аргументации и получилось, что, отвергая исторические „отмычки“ и цитируя сочувственно известное место из письма Маркса в редакцию „Отечественных записок“, Дубровский все же находит для себя, такую „отмычку“ в виде крепостнической формации. Любопытно, что в данном случае Дубровский пытается опереться на Ленина, который „указания Маркса целиком использовал в своей работе над историческим развитием России“. То, что сделал Ленин это бесспорная истина, но что сделал с Лениным автор — это вопрос другой. Я думаю, об этом мы узнаем из доклада т. Малышева.

Для меня важно подчеркнуть один только момент в рассуждении Дубровского. Признавая, что данные русского исторического опыта нельзя механически переложить на другие страны, он все же заявляет, что „метод, разработанный Лениным, на основании анализа именно русского общества... дает много для уяснения истории и других стран, в частности восточных“. Применение „метода Ленина“ свелось, однако, к отысканию универсальной „отмычки“, и „крепостническая формация“ грезится ему везде, не только на востоке, но даже на крайнем западе, и он как-будто жалеет о том, что в Англии никак не найти этого крепостника. Для меня ясно, что если мы хотим от общих фраз, от бесплодных дискуссий подойти к действительному существу дела и в форме точно выясненных понятий получить орудие исследовательской работы, которое помогло бы нашим изысканиям, мы прежде всего должны исходить из анализа конкретных исторических процессов.

Я и ставлю своей задачей, опираясь на анализ европейского исторического процесса, попытаться установить, с какими фор-

мациями мы имеем дело в диалектическом ходе европейского развития, каковы их хронологические рамки и каковы их характерные признаки. Меня в особенности будет интересовать так называемая „эпоха торгового капитала“, в понимании которой нет единства даже в среде историков-марксистов. Между тем, не уяснив себе существо этой фазы европейского развития, мы не разрешим и более широкой проблемы европейских формаций.

Но, перенося в своей аргументации центр тяжести на анализ конкретных исторических процессов, я отнюдь не отодвигаю на задний план методологические замечания основоположников марксизма. Наоборот, было бы вполне своевременно заняться углубленным изучением изысканий Маркса, Энгельса и Ленина о ранних формациях, об отдаленных периодах европейской истории. В результате могла бы получиться серьезная научная работа, которая положила бы конец произвольным, искусственным операциям с текстом цитируемых авторов. Печальный опыт Дубровского подводит нас вплотную к этой задаче, но в своем изложении я ее для себя не ставлю. Замечания Маркса, Энгельса и Ленина будут для меня отправными точками для наблюдений над конкретным ходом европейской истории.

Я должен с самого начала высказать ряд принципиальных положений, без которых немыслимо, на мой взгляд, подойти к существу поставленных вопросов. Одно из этих положений гласит, что мы должны рассматривать европейский исторический процесс как цельный и внутренне связанный в своих составных частях, что это не простая механическая совокупность отдельных линий развития, объединяемая лишь географическим названием. Если взять ближайшие к нам исторические периоды, то в правильности этого утверждения едва ли кто станет сомневаться, но в отношении эпох более ранних оно нуждается в доказательствах. Можем ли мы, в самом деле, и если можем, то в каком именно смысле, говорить о единстве европейского исторического процесса применительно к эпохе феодальной и эпохе торгового капитала? Не является ли термин „европейская история“ простым собирательным названием, употребляемым ради удобства изложения, или за ним скрывается вполне реальное и оправданное фактами содержание?

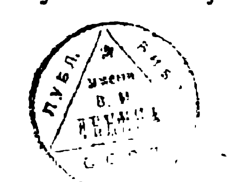
Мне думается, что это не условное только обозначение, а вполне определенное понятие, отражающее реальную связь явлений и фактов европейской истории. Это понятие о единстве и органичности европейского исторического процесса является для меня исходным положением, но я не могу приводить здесь всей цепи доказательств в его защиту, опасаясь слишком затянуть свой доклад. Такая тема заслуживала бы даже нашего специального внимания и особого доклада. В данный момент я ограничусь наиболее важными соображениями и прежде всего сошлюсь на Энгельса, у которого в „Диалектике природы“ есть место, подтверждающее правильность выставленного мною положения. В разделе „Различие между положением мира в конце древности — около 300 года и в конце средневековья — 1453 г.“ мы читаем: „Вместо узкой культурной полосы вдоль побережья Средиземного моря, которая спорадически вытягивала ветви во внутренность материка до Атлантического побережья Испании, Франции и Англии и которая поэтому могла быть разорвана и смята немцами и славянами с севера и арабами с юго-востока,—теперь замкнутая культурная область — вся Западная Европа, со Скандинавией, Польшей и Венгрией в качестве форпостов“.

В той же „Диалектике природы“ это положение повторяется: „Вся Западная Европа, включая Польшу, развивается теперь во взаимной связи, хотя Италия, благодаря своей старинной цивилизации, продолжает стоять во главе“. Речь идет о XV — XVI вв., при чем у Энгельса в рамки замкнутой культурной области не попадает только Московское государство. Но мне думается, что, по крайней мере с XVI в., по ряду признаков и оснований можно говорить о вовлечении и самого отдаленного района Восточной Европы в общий ход европейского развития. Уже самый факт развития международных отношений является показателем того, что связь отдельных европейских районов между собою не является чем-то случайным. Мы в праве говорить о процессе образования общеевропейского хозяйства по мере развития производительных сил, развития общественного разделения труда и распределения отдельных отраслей производства по географическим областям. Отсюда возникает обмен— намечаются общеевропейские центры, начиная с шампаньских,

ярмарок. По мере перемещения центров общеевропейского обмена от Шампани к Брюгге, от Брюгге к Антверпену, а затем к Амстердаму и Лондону — и взаимная связанность отдельных частей Европы становится более тесной и более диференцированной. Стоит только прочитать в известном описании Антверпена у Гвиччардини перечень объектов экспорта и импорта в этом крупнейшем центре европейской торговли XVI в., чтобы убедиться в правильности моих утверждений по данному вопросу. Игнорировать этот процесс нельзя безнаказанно, в чем лишний раз убеждает нас опыт Дубровского. Несмотря на то, что он как-будто не отрицает зависимости русского исторического процесса от западноевропейского, он по существу его механически обособляет, что не в малой степени и способствовало неправильному истолкованию крепостничества.

Признание факта единства европейского исторического процесса, взятого в аспекте хозяйственного развития, обязывает нас сделать отсюда необходимые выводы и относительно всего исторического комплекса явлений, и тогда круг доказательств, подтверждающих правильность моего утверждения беспредельно расширится. В самом деле, разве нельзя говорить о внутренней связанности, о единстве в многообразии проявлений той классовой борьбы, какая развернулась в Западной Европе в XIV, XV и XVI веках? Я уже не говорю о таких явлениях общеевропейского масштаба, как первые буржуазные революции в Европе — нидерландская и английская. Так именно их расценивает и Маркс в „Итогах 48 года". Его оценка этих революций слишком хорошо известна и необычайно отчетлива и содержательна. Легко можно было бы показать, какие огромные последствия не только для Англии, но и для всего европейского целого имела Великая революция средины XVII века.

Наконец, не менее убедительными будут и ссылки на явления идеологического порядка, непосредственно связанные с классовой борьбой. Такие, например, яркие фигуры, как Томас Гоббс, вы в должной мере не оцените, если не станете его рассматривать, как определенный этап общеевропейского процесса оформления буржуазного миропонимания. Напомню вам также ту оценку реформационных идей, какую дает Энгельс в предисловии к английскому изданию — „От утопии к науке".

Он рассматривает их в диалектике общеевропейского развития. Нужно ли еще приводить примеры? Я думаю, что мое положение достаточно конкретизировано и обосновано. Оно, помоему, совершенно бесспорно, но, к сожалению, слишком мало нами учитывается.

В неразрывной связи с первым исходным положением я выдвигаю и другое, касающееся отдельных исторических процессов в пределах европейского целого. Общность и единство хода европейской истории коренятся в общности условий для развития производительных сил, но они сочетаются со своеобразием и многообразием отдельных национальных линий развития. Однако, мы должны настаивать на диалектичности этих процессов. Их нужно рассматривать не как механическую совокупность отдельных укладов, а как диалектически развивающийся процесс, где сочетание различных укладов надлежит брать в движении противоречий, в процессе становления, а не статически, как это получается у Дубровского. Эту, казалось бы, бесспорную истину приходится здесь повторять именно в силу того, что о ней забывают при подходе к конкретному содержанию исторического процесса. Кричащий пример такого забвения представляет то место у Дубровского, где он занимается установлением „способов производства“ или „укладов“ и притом отождествляет эти два понятия. Отсюда и его трактовка крепостничества как отдельной формации. Все многообразие проявлений русского исторического процесса он сводит к одной, хотя и существенной, его особенности, а роль торгового капитала явно недооценивает, расширительно толкуя искусственно выдернутые из контекста слова Маркса о том, что торговый капитал проникает в поры чуждых ему формаций.

Наконец, необходимо напомнить и о третьем исходном положении, крайне важном в методологическом отношении. Мы прочно усвоили азбучную истину марксизма, что все изменения в закономерном развитии исторического процесса коренятся в способах производства и, разумеется, правильно поступаем, когда на этом принципиальном положении строим свой анализ конкретных исторических эпох. Но, когда только одна экономическая структура общества берется за основу такого анализа, то неизбежны упрощенное понимание истории, вульгари-

зация наших представлений о том или другом историческом явлении. Такой своеобразный „экономизм“ наблюдался и раньше; теперь он повторяется в наихудшей его форме — механистического подхода к сложному и вечно меняющемуся содержанию диалектического процесса развития. В данной связи стоит напомнить глубоко ценные замечания Энгельса в его письме к Иосифу Блоку. Несмотря на то, что это письмо всем присутствующим хорошо известно, разрешите привести из него наиболее характерные места.

„Согласно материалистическому пониманию истории,— пишет там Энгельс,— в историческом процессе определяющим моментом, в конечном счете, является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждаем. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда это утверждение превратится в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение—это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют, преимущественно форму ее, различные моменты надстройки... Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в которых, в конце-концов, экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечную толпу случайностей... В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решить самое простое уравнение первой степени“.

Энгельс, между прочим, рекомендует своему корреспонденту в качестве „великолепного образца“ применения теории исторического материализма — „18 брюмера Луи Бонапарта“. Об этих образцах анализа конкретных исторических процессов, какие мы находим у Маркса и Энгельса, особенно уместно вспомнить в связи с нашей дискуссией, поскольку речь идет об определении конкретных исторических эпох. Возьмите любую историческую работу или простой исторический экскурс Маркса или Энгельса — перед вами не голые и безжизненные схемы, а многообразный и сложный процесс, взятый в динамике, в столкновении и взаимодействии живых людей, за которыми чувствуется сложное сплетение классов и групп и все изгибы и

поворотные моменты диалектического революционного процесса истории. Кроме этих классических, хорошо всем известных образцов такого анализа, не лишне указать и на такие работы, как статьи Маркса об испанской революции или же его корреспонденции, посвященные Англии.

Не так давно и М. Н. Покровский в своем докладе „Ленинизм и русская история", прочитанном на конференции историков-марксистов, прекрасно показал, каким должен быть наш подход к историческому процесу. Он настаивает там на крайне важной и существенной особенности марксистского и ленинского понимания истории — на признании „революционной диалектики истории". Не менее убедительно он вскрывает на ряде примеров, к каким последствиям идеологического порядка приводит упрощенный „экономизм".

Все эти высказывания основоположников марксизма имеют прямое и непосредственное отношение к тем проблемам, какие стоят в центре нашего внимания на данной дискуссии. Задача марксиста заключается в том, чтобы не упрощать исторический процесс, а вскрывать его сложность, его революционную диалектику. Иначе мы не подойдем более или менее конкретно к историческим эпохам и будем иметь дело лишь с общими и отвлеченными понятиями, лишенными всякого содержания.

На основе высказанных мною трех положений я и попытаюсь ответить на вопрос — о каких формациях и их подразделениях можно говорить применительно к европейской истории. Проблема европейских формаций неразрывно связана с проблемой исторической периодизации. Если нам удастся дать методологически обоснованную и четкую периодизацию, опирающуюся на конкретный ход европейского развития, то тем самым мы разрешим в основном и проблему европейских общественных формаций. Разумеется, всякая периодизация условна, но все же, будучи научно обоснованной и методологически выдержанной, она крайне необходима для марксистского анализа исторического процесса. Для того, чтобы стать орудием нашей исследовательской работы, периодизация должна удовлетворять определенным требованиям, и прежде всего должна строиться на едином принципе деления на периоды. Таким принципом может быть, на мой взгляд, только

один, а именно — самая революционная диалектика исторического процесса, движение противоречий между производительными силами и производственными отношениями. На ряду с этим историческая периодизация должна учитывать и те методологические положения, на которые я указал раньше. Из сказанного, думаю, ясно, что речь идет не только о делении на формации, а о более дробной периодизации, отражающей все наиболее характерные поворотные этапы диалектического процесса развития Европы в пределах отдельных формаций. Поэтому те отдельные периоды, о которых я буду говорить, не охватывают целой формации. Лучше сказать, что каждую формацию необходимо подразделить на отдельные фазы и периоды, чтобы сделать представление о той или другой формации более конкретным.

Вот та задача, которую я ставлю применительно к европейской истории. Если наперед сказать, какие формации я усматриваю в европейском историческом процессе, то можно ответить совершенно определенно: не считая нашей эпохи, весь предшествующий процесс имел две формации — феодальную формацию и капиталистическую формацию. Это мне кажется совершенно несомненным. Никакой новой, третьей формации мы при всех наших усилиях не можем найти или мы станем на путь Дубровского. Вопрос заключается только в том, где наметить грани, отделяющие одну формацию от другой. Вот во что нужно вдуматься и что меня всегда привлекало, когда я брался за изучение этого вопроса. Для этого и необходима более детальная историческая периодизация.

Относительно эпохи феодализма я подробно говорить не буду и ограничусь лишь самым существенным, поскольку это необходимо для определения сущности последующих периодов европейской истории, связанных с появлением и развитием торгового капитала. Недавняя дискуссия по поводу книги Петрушевского обязывает нас более внимательно отнестись и к эпохе феодальной. Историкам-марксистам пора, наконец, освободиться от влияния Бюхеровской концепции. И дело заключается не только в чрезмерном подчеркивании натурально-хозяйственной замкнутости феодального хозяйства, но и в статическом представлении об этой эпохе, в игнорировании ее диалектич-

ности, требующей подразделения и на отдельные фазы развития. Ведь, если ограничиться положением, что феодальная формация определяется наличием феодального способа производства и вытекающих из него своеобразных производственных отношений, то с таким определением нечего, по существу, делать. Необходима конкретизация этого определения, учитывающая диалектику развития во всем многообразии его проявлений. И первым шагом к такой конкретизации будет подразделение на периоды в пределах формации.

Несомненно, нужно говорить о ранней фазе феодализма, вырастающей из родового общества. Вторая фаза совпадает с периодом оформления феодальных производственных отношений, вытекающих из феодального способа производства и эксплоатации. Это классический период феодализма, приходящийся, примерно, на VIII—XI вв. европейской истории. Разрешите не останавливаться на этих двух фазах, а только наметить их условно в набрасываемой схеме периодизации.

Гораздо важнее для меня, в интересах дальнейшего изложения, осветить существо третьей фазы феодализма. И в I томе „Капитала" Маркса и более подробно в „Немецкой идеологии" мы найдем одно очень важное положение, которое поможет нам более или менее четко установить хронологические рамки этого периода. Я ограничусь выдержкой из „Капитала": „Основанием всякого развитого и существующего посредством обмена товаров разделения труда служит *отделение города от деревни* (курсив Маркса). Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этого противоречия". Эта мысль в „Немецкой идеологии" развита настолько подробно, что не оставляет никаких сомнений относительно хронологического определения этого поворотного момента в европейском историческом процессе.

Учитывая всю сумму многообразных проявлений этого перелома, мы с полным основанием можем его приурочить к XI—XII вв. европейской истории, когда происходит распад феодального поместья как цельной хозяйственной единицы и развивается город как сосредоточие промышленности и торговли. Отделение труда промышленного от земледельческого это факт крупнейшего значения, означавший резкий перелом в диалекти-

ческом развитии Европы. Начиная с XI — XII вв. и кончая, примерно, срединой XV в., мы имеем особый период европейской истории, цельный по своему внутреннему содержанию. Он заслуживает нашего пристального внимания еще и потому, что с изучением его связана одна очень важная проблема нашей историографии.

Чем, в самом деле, объяснить, что в европейском развитии стадия феодальная перешла в стадию капиталистическую? Какие же особенности коренились в феодальном способе производства, какие были заложены в нем возможности для дальнейшего развития производительных сил? Ни один исследователь, ни один историк не подходил вплотную к этой проблеме, между тем как она сама напрашивается со страниц Маркса там, где он выясняет историческую роль купеческого капитала. „Степень влияния торговли, — читаем мы там, — на разложение старых способов производства находится прежде всего в зависимости от устойчивости их и от их внутреннего расчленения; куда приводит такой процесс разложения, то-есть, какой новый способ производства заместит прежний, это еще будет зависеть не от торговли, а от характера самого прежнего способа производства".

Сопоставляя дальше роль торгового капитала в античном мире и в новом мире, Маркс констатирует, что столь различные результаты „зависели от совсем иных условий, а не от развития торгового капитала". Отсюда и встает задача, крайне важная для понимания всего европейского исторического процесса, — определить качественные особенности феодального способа производства, приведшие к капиталистическому способу производства. Ключ к разрешению этой задачи можно найти только путем тщательного анализа феодальной эпохи вообще и в особенности—указанного периода.

Как же смотреть на этот период? Какое место ему уделить в общей схеме европейского исторического развития? Обычно мы называем этот период „поздним средневековьем", „поздним феодализмом". Рожков называл его „муниципальным феодализмом". Нет никакого сомнения, что это еще эпоха феодальная, поскольку феодальный способ производства и феодальные общественные отношения еще являются преобладающими. Как помните, и для Маркса это еще „средневековье". В „Немецкой

идеологии“ он включает город с цеховой промышленностью в характеристику феодальной эпохи. На эту характеристику Маркса обычно и ссылаются, когда стремятся определить этот период как типично феодальный. Но мне думается, было бы неправильно ограничиваться констатированием лишь факта преобладания феодальных отношений. Применительно к этому периоду вновь уместно напомнить о революционной диалектике истории, так как, на ряду с процессами феодального характера, мы наблюдаем в течение этих столетий и процессы иного порядка, процессы революционные по существу, вытекавшие из более ускоренных темпов развития производительных сил. Не забывайте, что в этот период впервые развивается, оформляется, превращается в крупную влиятельную силу торговый капитал. Правда, спорадически, в отдельных частях, в Италии преимущественно, но он играет большую роль в Европе. Маркс в главе о первоначальном накоплении точно так же указывает, что крупный капитал, как явление спорадическое, появляется еще до XIV в. Но, во всяком случае, в диалектическом процессе развития Европы, в течение этого периода идет какой-то процесс превращения количества в определенное качество. Если вы учтете всю сумму проявлений в области классовой борьбы (революции, международные войны) и если попробуете все это прикинуть к хронологической и географической сетке, то увидите процесс постепенного нарастания и все более широкого территориального охвата процесса разложения феодальных основ. Это еще феодальная формация, но это последняя ее фаза, которая характеризуется тем, что в эту именно пору не только оформляется феодально-замкнутая цеховая организация, но что она довольно рано, я думаю — с XIII в., претерпевает процесс разложения.

Мне кажется, что можно ставить вопрос о накоплении внутри ремесла для данного периода и для некоторых стран. Для нас важно подчеркнуть, что идет дальнейший процесс разделения труда в пределах города. Моментом такого перелома внутри данного периода по целому ряду признаков можно считать XIV в., когда мы видим, что исключительная роль города, разлагающего ближайшее узкое окружение соседней деревни, кончается; он мало-по-малу включается в сеть более широкого

государственного объединения. Идет процесс собирания земель; процесс образования внутреннего рынка, правда, еще не сформировавшийся в полной мере. К XIV в. в истории Франции, Англии и других стран имеем появление так называемых „nouveaux riches“—богачей, крупного купечества, которые можно назвать первым зародышем туземного капитала и которые выступали как монопольная объединенная сила. Яркие иллюстрации этого процесса дают Франция и Англия XIV в., где туземный капитал выступает против иностранцев. Для конца XIV в. это можно подтвердить фактами: так, например, английское купечество пытается вытеснить Ганзу, правда, частично и не везде; в Данциге они захватили в свои руки торговлю хлебом и, что особенно показательно,—торговали уже сукнами. К XIV в. можно отнести зарождение суконной промышленности в Англии. Эти факты еще единичные, разрозненные, но они свидетельствуют о наличии в Англии широкой хозяйственной системы.

В пределах этого периода наиболее ярким фактом остается развитие ремесла в рамках цеховых организаций. Оно выражается в том, что данный цех подразделяется, что идет процесс большей или меньшей диференциации в зависимости от отрасли и характера производства. Этот процесс диференциации в ряде отраслей заходит очень далеко, при чем имеют место и моменты крупной реорганизации производства. Один наиболее ранний пример, с которым связана судьба раннего европейского крупного капитала, дает текстильная промышленность.

У Маркса в „Немецкой идеологии“ есть место, где он указывает, что в ткачестве заложены большие возможности для дальнейшего развития. „Тот вид труда,—говорит там Маркс,—который предполагал участие машины, хотя бы еще и в самом грубом виде, обнаружил вскоре способность к развитию. Ткачество, которым до того занимались в деревне, между прочим, крестьяне, чтобы изготовить себе необходимую одежду, было первым видом труда, получившим, благодаря расширению сношений, толчок к дальнейшему развитию. Ткачество было первой из мануфактур и осталось главной из них... На ряду с ткавшими для собственного потребления крестьянами, которые продолжали заниматься этим делом и продолжают еще заниматься, в городе возник новый класс ткачей, изделия которых были

предназначены для всего туземного рынка, а большей частью даже для иностранного рынка. Ткачество, эта разновидность труда, требующая, в большинстве случаев, небольшого искусства и распадающаяся на бесчисленное множество отраслей, в силу самой своей сущности должно было бороться с путами цехового строя. Поэтому уже ткачеством занимались вне рамок цеховой организации в деревнях и местечках, которые постепенно превратились в города, и притом самые цветущие города каждой страны. Вместе с появлением свободной от цеховых форм мануфактуры изменились тотчас же и отношения собственности. Первый шаг вперед от натурального, сословного капитала был сделан купцами. Капитал, который был движимым, был капиталом в современном смысле слова, поскольку можно так выражаться в применении к тогдашним отношениям. Вторым шагом вперед было появление мануфактуры, которая, в свою очередь, мобилизовала массу натурального капитала и вообще увеличила массу денежного капитала по сравнению с массой натурального капитала".

Наибольшие возможности для такого развития сказались в суконной промышленности, яркую иллюстрацию чему дает флорентийская промышленность. В числе документов, сохранившихся до нашего времени, имеется трактат из архива шерстяного цеха, изображающий очень детально весь процесс производства, от сырого продукта до готового. Очень показательно, что во Флоренции, по сравнению с Фландрией, а тем более с немецкими городами, этот процесс очень расчленен. Там 30 отдельных операций выполнялись отдельными группами рабочих. Обычно мы имеем два основных момента этого процесса: прядение— деревенское занятие, и процесс ткачества—городское. Во Флоренции этот процесс усложняется. Прежде чем шерсть попадает к крестьянину в деревню, она в городе претерпевает до семи отдельных операций в ее обработке. Для изготовления высокосортных сукон, рассчитанных на широкий рынок, это имело большое значение. Каждая операция производилась отдельной группой рабочих. Здесь уже имеем специализацию рабочих. После обработки шерсть попадала в деревню, в виде пряжи возвращалась снова в город, где она претерпевала длинный ряд превращений, при чем некоторые операции требовали громозд-

ких технических приспособлений. Между прочим, валяльные мельницы, изобретенные во Фландрии, широко стали применять во Флоренции.

Такая диференциация производства требовала крупного купца-предпринимателя. О размерах предприятий можно судить по следующему факту. Во второй половине XIII в., в 1260 г., существовала крупная фирма Гвадалотти, которая насчитывала 26 зданий, занимавших целый квартал. Из них 3 здания машинные, для складов и т. д. Это было целое огромное предприятие, находившееся в руках крупных предпринимателей.

Здесь мы наблюдаем момент реорганизации производства, и флорентийский капитал уже сильно отличается по своему характеру от венецианского капитала, типично посреднического. Отсюда я и делаю вывод, что в тех случаях, когда торговый капитал внедряется в производство, рассчитанное при этом на широкого и разнообразного потребителя, в данном случае в суконную промышленность,— он приобретает огромную устойчивость. Здесь, очевидно, дело не в торговом капитале, а в условиях и возможностях производства. Во Флоренции, по существу, мы уже имеем дело с мануфактурой и домашней системой промышленности. То же мы наблюдаем и в шелковой промышленности. Замечания Маркса блестяще подтверждаются, и таких иллюстраций можно найти сколько угодно. Этот технический опыт, накопленный в XIV в., стал в дальнейшем общим достоянием; на эту же ступень поднялась и фландрская промышленность к XV в.

Я привел в качестве примера флорентийскую промышленность, не забывая о том, что Италия, и в частности Флоренция, далеко опередили Европу того времени. Но исторический пример Флоренции крайне важен в методологическом отношении: он вскрывает перед нами качественные особенности феодального способа производства, наглядно показывает, как происходит переход от феодальных отношений к капиталистическим. Такие же предпосылки для перехода на высшую ступень развития имелись налицо и в остальной Европе, только самый процесс перехода совершался там в более медленном темпе и в более сложной обстановке. Это и заставляет относить данный период еще к феодальной эпохе, так как более медленный темп раз-

вития означает преобладание феодальных отношений. Процесс распада последних не заключал еще в себе сколько-нибудь заметных моментов хозяйственной реорганизации на основе товарно-денежных отношений.

Но ко второй половине XV в. наступает такая пора и для всей Западной Европы. Внешним показателем этого крупнейшего перелома в европейском развитии, гораздо более значительного по глубине и характеру изменений, чем перелом XI — XII вв., явилась широкая полоса революционных движений и международных столкновений, заполняющая европейскую историю данного отрезка времени.

Если мы не хотим вступить в острое противоречие с фактами, то мы должны признать, что XV в. завершает феодальную эпоху, а с конца этого столетия, и тем более с XVI ст., уже наступает новая эпоха — не феодальная, а капиталистическая. Переход к этой эпохе сопровождается грандиозным хозяйственным переворотом, принявшим повсеместный и всеобъемлющий характер. Необходимо, однако, констатировать, что самое понятие этой ранней хозяйственной революции в нашей исторической науке не получило точного определения, не установлена его сущность с точки зрения исторической закономерности. Маркс и Энгельс именно к этому времени относят момент перелома в европейском развитии. Энгельс неоднократно говорит о том, что в конце XV в. наступил конец средневековья.

В „Диалектике природы" у него есть характерное место. Он там касается развития естественных наук, но попутно высказывает ряд интересных замечаний:

„Если после темной ночи средневековья вдруг заново возрождаются науки, начинающие развиваться с чудесной быстротой, то этим чудом мы опять-таки обязаны производству.

Во-первых, со времени Крестовых походов промышленность колоссально развилась и добыла массу новых механических (ткачество, часовое дело, мельничное дело), химических (красильное дело, металлургия, алкоголь) и физических (очки) фактов, которые не только представляли огромный материал для наблюдений, но доставляли также сами собой совершенно иные, чем раньше, средства для экспериментирования и допустили построение *новых* инструментов. Можно сказать, что, собственно,

систематическая экспериментальная наука стала возможной лишь с этого времени. До сих пор хвастали лишь тем, что производство обязано науке, но наука обязана производству бесконечно бóльшим.

Во-вторых, вся западная и центральная Европа, включая Польшу, развивается теперь во взаимной связи, хотя Италия, благодаря своей старинной цивилизации, продолжает стоять во главе.

В-третьих, географические открытия, произведенные в погоне за барышом, то-есть, в конечном итоге, под влиянием интересов производства,—доставили бесконечный, до того недоступный материал в области метеорологии, зоологии, ботаники и физиологии.

В-четвертых, появилась *печатная пресса*".

В другом месте он говорит: „Современное естествознание—единственное, о котором может итти речь (как о науке) — в противоположность гениальным догадкам греков и спорадическим, случайным исследованиям арабов, начинается с той грандиозной эпохи, когда буржуазия сломила мощь феодализма, когда на заднем плане борьбы между горожанами и феодальным дворянством показалось мятежное крестьянство, а за ним революционные пионеры современного пролетариата, с красным знаменем в руке и коммунизмом на устах, начинается с той эпохи, которая создала монархию Европы, разрушила духовную культуру папства, воскресила греческую древность, явившись вместе с нею зачинательницей периода высочайшего развития искусства в новом времени, разбила границы старого мира и впервые, собственно говоря, открыла землю (оно революционно, как и вся эта эпоха).

Это была величайшая из революций, какие до тех пор пережила земля..."

Маркс в главе о первоначальном накоплении совершенно определенно указывает, что капиталистическое летосчисление ведет свое начало именно с XVI в., а в III томе „Капитала"—в главе об исторической роли купеческого капитала — он связывает именно с этим периодом понятие переворота. Попытаемся возможно более точно определить это понятие, использовав и методологические замечания Маркса и Энгельса и наши наблю-

дения над конкретным ходом европейского развития. При этом заранее следует сказать, что задача определения понятия хозяйственного переворота неразрывно связана и с определением существа так называемой „эпохи торгового капитала".

Остановимся прежде всего на высказываниях Маркса по этим вопросам. Для нашей цели чрезвычайно важен один раздел главы о купеческом капитале, где Маркс предупреждает против ложного истолкования переворотов в европейской торговле XVI—XVII вв. Приведем это место в выдержках: „Не подлежит никакому сомнению, — а именно этот факт дал повод к совершенно ложным взглядам,—что великие перевороты XVI и XVII вв., совершившиеся в торговле вследствие географических открытий, которые дали толчок для быстрого роста купеческого капитала, были существенным моментом, побудившим к переходу феодального способа производства в капиталистический...: Между тем, новейший способ производства в первый свой период, в период мануфактуры, развивался только там, где условия для этого были даны еще в продолжение средних веков... А когда в XVI и частью в XVII ст. внезапное расширение торговли и создание нового мирового рынка оказали преобладающее влияние на гибель старого способа производства, то это, наоборот, совершилось на основании уже созданного капиталистического способа производства. Сам всемирный рынок образует основание этого способа производства. С другой стороны, та же самая внутренняя необходимость производить в постоянно расширяющихся размерах побуждает к постоянному расширению всемирного рынка, так что при этом не торговля действует на промышленность как революционное средство, а промышленность постоянно производит перевороты в торговле".

В этих замечаниях Маркса имеется ряд чрезвычайно ценных для нас руководящих указаний. Он не только здесь констатирует наличие „великих переворотов XVI—XVII вв.", давших толчок к переходу феодального способа производства в капиталистический, но и дает совершенно четкое объяснение того, что именно в этом процессе является основным „революционным средством". Оказывается, что таким революционизирующим началом является промышленность, развивающаяся в недрах старого способа производства и переживающая процесс реорга-

низации. Роль торгового капитала в этом процессе велика, но ее нельзя признать решающей. Она сводится к разложению старых феодальных отношений. Таким образом, содержание этого периода определяется совокупностью двух моментов: реорганизацией хозяйства, точнее, производства, и разлагающей ролью торгового капитала, при чем момент реорганизации промышленности является основным и определяющим. Мы это видели уже на примере флорентийской промышленности; в XV и XVI вв. еще более яркий пример дает горная промышленность. Здесь мы наблюдаем резкий скачок от самых примитивных способов добывания руд и их обработки, к целому ряду изобретений, которые в своей совокупности дают картину технического переворота.

Кстати сказать, Энгельс придавал большое значение этой технической базе переворота. В „Диалектике природы", откуда взяты приведенные выше выдержки, имеется хронологическая сводка технических изобретений этого периода. К сожалению, настоящий вопрос не привлек к себе должного внимания со стороны исследователей. Мне известна только одна сводка технических достижений ранне-капиталистической эпохи, сделанная Зомбартом, но это простой перечень, не подвергнутый анализу и не увязанный с общим ходом хозяйственного развития. Разумеется — не от Зомбарта нам нужно ждать такого анализа, а от исследователя-марксиста. Материал для такого исследования можно было бы найти. Ведь в XVI в. писались уже целые трактаты по вопросам техники. Достаточно указать хотя бы на знаменитую книгу Агриколы — „О металлургическом деле", снабженную обильными и чрезвычайно ценными для нас гравюрами, которые ярко иллюстрируют весь производственный процесс.

Из всей суммы многочисленных изобретений этого времени для нас важно выделить существовавшие тогда элементы машинизма. В качестве двигателя, кроме человеческой и лошадиной силы, применялись тогда ветряные и водяные мельницы. Большое значение приобрела водяная мельница, которая использовала естественный поток или искусственный. Но самым важным изобретением этого периода несомненно нужно считать изобретение трансмиссионного аппарата. Последующая эпоха его

только усовершенствовала. До этого времени его не существовало. Что касается рабочей части машины, то для нее время еще не наступило. Это является существенной стороной промышленного переворота конца XVIII в.

Но зато в области специализации орудий, в связи с расчленением самой промышленности, были сделаны большие успехи. Если взять всю совокупность изобретений, то можно сказать, что более высокий технический уровень подготовил процесс реорганизации производства.

В горной промышленности мы наблюдаем резкий переход от мелкого производства к крупному. Любопытен самый процесс внедрения торгового капитала в горное дело. Вначале купцы и торговцы не склонны были вмешиваться в процесс. Они довольствовались покупкой продукции через посредников, а потом, мало-по-малу, по мере того, как нужны были оборудования более сложные, они захватывали производство в свои руки, скупали паи товариществ, как, например, знаменитый консорциум Фуггера Турцо в конце XV в. На этом вырос южно-германский капитал, превратившийся во влиятельную силу. Правда, и флорентийский капитал раннего периода, и германский капитал более позднего периода господствуют в Европе, как денежная сила, но он сыграл такую роль только потому, что приобрел себе основу, твердую базу в производстве.

Приведу другой пример, противоположный — известную Равенсбургскую компанию. Она возникла в 1380 году в Верхней Швабии в центре полотняного производства. Более сотни купеческих и дворянских фамилий объединились вместе, создали общий капитал, совершая обширные операции, и потянулись в Испанию. Но это — чисто торгово-посредническое объединение, лишенное производственной базы. Во всяком случае, полотняное производство, в центре которого впервые возникла компания, такой базой послужить не могло. Несмотря на образцовый характер коммерческой техники, Равенсбургская компания не могла конкурировать с Фуггерами и Вальсерами и бесследно исчезла с исторической сцены в 1530 году.

Я привел эту параллель, чтобы рельефнее подчеркнуть значение процесса реорганизации производства и для торгового капитала. Вместе с тем переворот в горной промышленности

XV—XVI вв. составляет характернейшую особенность хозяйственного переворота, но он является как бы высшим моментом того процесса реорганизации промышленности, который начался раньше, в предшествующий период. Для различных отраслей промышленности и степень реорганизации была различна. Если в текстильной и горной промышленностях уже наблюдался непосредственный переход к мануфактуре, то в других отраслях процесс перехода или замещения цехового ремесла мануфактурой происходил без таких резких скачков. Но так или иначе—хозяйственный переворот в ряде отраслей и географических районов Европы создал предпосылки для мануфактурного способа производства, составляющего первую фазу капиталистического производства.

Не вдаваясь в подробности, укажу и на другие характерные признаки хозяйственного переворота. В XVI в. окончательно оформляется внутренний национальный рынок, при чем город и деревня входят уже как составные органические части единого национального хозяйства. Если до XVI в. хозяйственный переворот возникает спорадически и охватывает лишь отдельные города и непосредственно к ним прилегающие деревни, то в XVI в. он протекает уже в рамках национальных объединений, при чем наиболее глубокие изменения и не только хозяйственные, но и социальные потрясения, испытывает деревня. Хозяйственный переворот XVI в.—это, прежде всего, аграрный переворот, выразившийся в процессе земельной мобилизации, в реорганизации аграрных отношений на основе подчинения рынку, как явлению массовому, а не спорадическому, на основе замены феодального господства над мелким производителем господством торгового капитала. В движении противоречий между городом и деревней, о котором говорит Маркс,—это означало уже новый этап. Но хозяйственная реорганизация была вместе с тем и общественной реорганизацией, породившей глубокие социальные антагонизмы и революционные движения и создавшей новую организацию классового господства в форме абсолютизма. Вместе с тем это означало и переворот идеологический, на который указывает Энгельс в „Диалектике природы“.

Несмотря на различные формы своих проявлений, хозяйственный переворот на всем протяжении Западной Европы создает

предпосылки для процесса отрывания производителя от средств производства, для господства капитала на путях колониальной торговли, для так называемого первоначального накопления. Он непосредственно уже подводит нас к эпохе торгового капитала.

Мне остается теперь ответить на последний и основной вопрос моего доклада: каково же существо этой эпохи, каково ее место в закономерном ходе европейского исторического развития. Ответ на этот вопрос, и ответ совершенно определенный, вытекает из всей предшествующей аргументации. С XVI в. ведет свое начало новая европейская формация — формация капиталистическая, и нет никаких оснований относить ее к предшествующей формации—феодальной. Хозяйственный переворот XVI в. кладет резкую грань, отделяющую одну формацию от другой, но и этот переворот является лишь предвестником другого, более радикального переворота, который привел к машинному способу производства и к развитому капиталистическому обществу. Я имею в виду промышленный переворот, происшедший в самой передовой стране, в Англии, в конце XVIII в.

Можно ли считать эпоху торгового капитала особой формацией? Ответ совершенно ясен. Это ни в какой мере не особая формация и быть таковой не может.

Дубровский отрицает наличие торгово-капиталистической формации, но зато устанавливает крепостническую. Некоторые склонны определять эту эпоху как мануфактурную формацию. В этих двух утверждениях, несмотря на их кажущееся несовпадение, кроются методологические ошибки одного и того же порядка. Для подобных утверждений характерна узость методологического подхода, игнорирование сложности и диалектичности исторического процесса, и произвольное толкование текстов Маркса, Энгельса и Ленина. Не сказывается ли здесь тот вульгарный экономизм и притом в наихудшей его форме механистического понимания истории, о котором я говорил в начале доклада?

Мануфактурный способ производства составляет характерную особенность эпохи торгового капитала. Об этом мы найдем совершенно ясные указания и у Маркса, и у Энгельса, и у Ленина. И об этом же говорят конкретные факты европейского развития. Но можно ли отсюда делать вывод о существовании

особой мануфактурной формации? Мне думается, что так даже и вопроса нельзя ставить. Ведь содержание понятия общественной формации далеко не исчерпывается наличием одного только, хотя бы и самого существенного признака — определенного способа производства. Понятие общественной формации должно отражать в себе все многообразие проявлений, вытекающих из данных производственных отношений.

Мне кажется, что иначе как начальную фазу капиталистической формации эпоху торгового капитала рассматривать и нельзя. Если мы в пределах феодализма различаем ряд периодов, ряд фаз, учитывая диалектику истории, если мы говорим о новой фазе капитализма по Ленину, то почему не выделить и начальную фазу капитализма—*период торгового капитала?*

Возникает, однако, новый вопрос: в праве ли мы тогда называть этот период „эпохой торгового капитала" или даже „капитализма"? Не пора ли расстаться с этой терминологией и заменить ее новой? Это, разумеется, не только вопрос терминологический: в нем кроется серьезная проблема, касающаяся исторической роли купеческого капитала. Думается, что из положений Маркса в цитированной уже главе III тома „Капитала"—о том, что торговый капитал разлагает старый способ производства, но сам по себе не в состоянии создать нового способа производства,— никак нельзя делать выводов о ничтожности исторической роли торгового капитала в процессе подготовки капиталистического способа производства.

Такая недооценка чрезвычайно типична для Дубровского, который и в главе своей книжки, посвященной торговому капиталу, строит свою аргументацию на искусственно надерганных цитатах из Маркса. Он совершенно искажает мысль Маркса о том, что купеческий капитал может существовать на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Отсюда он делает вывод, что и его роль в общественном и политическом строе данной страны незначительна.

Но, спрашивается, откуда же возникает купеческий капитал? Неужели же он появляется, подобно Минерве, из головы Юпитера? Каким путем, в частности, образовался английский или голландский торговый капитал, который хозяйничал в чуждой ему формации на побережьи и островах Индийского океана?

Какова была в действительности роль этих капиталов *у себя на родине?* Неужели на английской почве, в ходе английского общественного развития не заметно роли крупного купеческого капитала?

Стоит только эти вопросы поставить, как сразу же станет очевидным, в какое противоречие с подлинной исторической действительностью вступает Дубровский. Если же взять всю указанную выше главу Маркса целиком и внимательно ее прочитать, то станет ясным, что роль купеческого капитала *в условиях европейского развития* весьма значительна. Она будет только различной по отдельным странам, но всюду торговый капитал и стоящие за ним социальные группы оказывают огромное влияние и на политическую надстройку и идеологию. Вот почему и термин „эпоха торгового капитала", поскольку речь идет о ранней, начальной фазе капиталистической формации, мог бы даже и сохраниться.

Я бы не хотел особенно долго останавливаться на Московском государстве, потому что сейчас мы прослушаем более подробный доклад, но свою точку зрения хотел бы высказать. Очень жаль, что тезисы Малышева я получил только сейчас и не успел познакомиться с ними. Насколько я могу судить по первым тезисам, которые я успел прочесть, между нами как-будто крупных расхождений нет. Меня прежде всего интересует вопрос, в какой мере можно говорить о связанности русского исторического процесса с западно-европейским. Мне думается, что в пределах общеевропейского исторического процесса можно выделить различные типы развития, например,— английский тип развития, французский и восточно-европейский, так как всюду мы имеем налицо ряд существенных признаков, характеризующих эпоху торгового капитала. Меньше всего это понятие приложимо к Московскому государству. Но нет никаких оснований говорить, подобно Дубровскому, об особой крепостнической формации на Руси.

Заслуга Покровского остается непоколебленной. Он открыл в России эпоху торгового капитала. В самом деле, надо помнить, что, кроме крепостника, были и Строгановы и купечество, несомненно и социальная структура московского общества была более сложная. Нужно всмотреться и в политику Москов-

ского государства в конце XVII в. Мы говорим о меркантилизме, о развитии мануфактуры. Тенденции торгового капитала были налицо. Торговый капитал здесь играл определенную роль. Нельзя и XVIII в. считать типичной крепостнической эпохой. В качестве иллюстрации сошлюсь на факт появления одной книги. В 1762 г. в Москве был издан перевод одного французского сборника, под названием „Амстердамский торг". В ней имеется такое посвящение: „Всему первой гильдии купечеству сие претрудное, но и преполезное сочинение об амстердамском торге, в знак своего к ним высокопочитания и охотности ко услугам их, приносит и посвящает онаго издатель". Факт появления такой книги сам по себе знаменателен. Может-быть, это не совсем хорошо звучит, но я называю крепостничество формой приспособления к условиям торгового капитала. Москва представляет тип отсталого государства, включившегося в товарные отношения. Мы имеем здесь налицо слабую степень разложения феодальных отношений. Здесь торговый капитал внедряется, все более и более нарастает, но его форма начинает принимать феодализированный облик именно вследствие низкого уровня развития производительных сил. Но это характерно не только для Москвы, а также и для других стран Восточной Европы.

А. И. МАЛЫШЕВ.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ФЕОДАЛИЗМА И КРЕПОСТНИЧЕСТВА.

Мой доклад не является результатом работы над новыми материалами (первоисточниками) по истории феодализма и крепостничества в России, а есть попытка теоретически осмыслить уже имеющийся материал, привести в известную систему те отрывочные обобщения по этим периодам истории, которые у каждого из нас имеются. Непосредственным поводом к такому обобщению послужила книга С. М. Дубровского на тему: „О сущности „азиатского" способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала". В этой книге С. М. Дубровский отвечая давно назревшей потребности, пытается наметить основные характерные черты феодализма и крепостничества (вопроса об оценке точки зрения Дубровского по поводу „азиатского" способа производства я в данном докладе касаться не буду). Он пытается опереться, с одной стороны, на высказывания Маркса о характерных чертах производственных отношений докапиталистических общественно-экономических формаций, с другой стороны, как бы обобщает фактический материал, главным образом из истории России эпохи феодализма и крепостничества.

Я считаю как его характеристику сущности феодализма, так и его попытку выделить крепостничество из феодализма в особую общественно-экономическую формацию методологически неверными, не оправдываемыми ни действительным историческим процессом, ни взглядами Маркса, Энгельса и Ленина по существу затронутых проблем. Я думаю, что в этих вопросах Дубровский отходит от Маркса и Ленина, прикрывая свой отход попытками заранее окрестить всех, не стоящих на его точке зрения, троцкистами и т. д. Истинная политическая позиция

самого Дубровского по целому ряду вопросов нашей крестьянской политики, вскрытая на конференции аграрников-марксистов, дает нам возможность не отвечать на эти выпады Дубровского. В основном буду излагать положения, развиваемые мною в статье, написанной на аналогичную тему для сборника „Крепостная Россия“.

Прежде всего я остановлюсь на изложении моего понимания сущности русского крепостного (барщинного) хозяйства и начну с изложения мнения Ленина по этому вопросу.

I. Характерные черты крепостного (барщинного) хозяйства в России XVII—XIX вв.

Ленин считал русское крепостное (барщинное) хозяйство как по системе производственных отношений и организации труда, так и по его внутренней экономической структуре хозяйством феодального типа.

В своей статье по поводу пятидесятилетия реформы 1861 г. Ленин писал: „Положение 19 февраля есть один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим)“[1].

Говоря о крестьянском и рабочем отделах программы РСДРП, Ленин указывает, что „их коренное отличие состоит в том, что рабочий отдел содержит требования, направленные против буржуазии, а крестьянский — требования, направленные против крепостников-помещиков (против феодалов, сказал бы я, если бы вопрос о применимости этого термина к нашему поместному дворянству не был таким спорным вопросом)“ В подстрочном примечании Ленин заявляет: „Я лично склонен решать этот вопрос в утвердительном смысле“[2].

Исходя из тождества крепостного хозяйства с феодальным, Ленин, опираясь на главу из III тома „Капитала“ о генезисе капиталистической земельной ренты, и дал известную характеристику крепостному хозяйству; я напомню основные моменты этой характеристики. „Сущность тогдашней хозяйственной системы,— пишет Ленин,— состояла в том, что вся земля данной

[1] *Ленин*—собр. соч., том. XI, ч. II. стр. 231.

[2] *Ленин*—собр. соч., том IX, стр. 292.

единицы земельного хозяйства, т.-е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства, например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее свое содержание. Продукт этого труда крестьян представлял собой необходимый продукт, по терминологии теоретической политической экономии: необходимый для крестьян, как дающий им средства к жизни, для помещика — как дающий ему рабочие руки; совершенно точно так же, как продукт, возмещающий переменную часть стоимости капитала, является необходимым продуктом в капиталистическом обществе. Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими тем же инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика.

Эту систему хозяйства мы и называем барщинным хозяйством. Очевидно, что ее преобладание предполагало следующие необходимые условия: во-первых, господство натурального хозяйства. Крепостное поместье должно было представлять собой самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима. Во-вторых, для такого хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности; мало того,—чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки. Следовательно, способы получения прибавочного продукта при барщинном и капиталистическом хозяйствах диаметрально противоположны друг другу: первый основан на наделении производителя землей, второй — на освобождении производителя от земли. В-третьих, условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, „внеэкономическое принуждение“, как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим (подводимый им, как уже

было указано выше, под категорию отработочной ренты)[1]. *Формы и степень этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина*[2]. Наконец, в-четвертых, условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой"[3].

Во втором примечании к этой характеристике Ленин пишет: „Возражая Генри Джорджу, который говорил, что экспроприация массы населения есть великая и универсальная причина бедности и угнетения, Энгельс писал в 1887 г.: *„Но это не совсем правильно и исторически... В средние века источником феодального гнета была не экспроприация земли у населения, а, наоборот, его прикрепление к земле. Крестьянин сохранял свою землю, но был прикреплен к ней, как серв или виллан, и был принужден нести в пользу господина повинности трудом или натурой.* (Энгельс— „Положение рабочего класса в Англии в 1844 году)".

Ссылаясь на указания Энгельса на формы эксплоатации в средние века, т.-е. в эпоху феодализма, Ленин тем самым подчеркивает общность феодальной формы эксплоатации с крепостнической. В своей работе „Что такое друзья народа", высмеивая Михайловского по поводу его утверждения о принадлежности земли землевладельцу в эпоху феодализма, Ленин дает характеристику действительных производственных отношений эпохи феодализма, совершенно тождественную с приведенной выше характеристикой крепостничества[4].

В другом месте Ленин пишет, что „отработка крестьян за „отрезные земли"—прямое переживание феодального способа производства"[5]. Подобная же характеристика отработочной системы как пережитка феодализма имеется и в IX томе Ленина.

Все приведенное выше убедительно показывает, что Ленин считал крепостное (барщинное) хозяйство не особой общест-

---

[1] *Маркс* — „Капитал", т. III, ч. II, стр. 324.

[2] Подчеркнуто как здесь, так и дальше нами.

[3] *Ленин* — „Развитие капитализма в России", т. III, стр. 139—141.

[4] *Ленин* — собр. соч., т. I, стр. 105.

[5] *Ленин* — собр. соч., т. I, стр. 311.

венно-экономической формацией, а типом феодального хозяйства. Ленин считал крепостное хозяйство известной правильной и законченной системой, но в представлении Ленина эта система была хозяйством феодального типа. Характеристика, данная Лениным системе организации труда и производственных отношений крепостного поместья, целиком и полностью может быть применена к феодальному поместью, например, Англии X—XIII вв., и вполне будет подтверждать характеристику феодальных производственных отношений, которую я намечу ниже.

Одно положение Ленина, при буквальном его понимании, не отвечает действительному характеру русского крепостного хозяйства. Ленин пишет, что преобладание барщинного хозяйства предполагает „господство натурального хозяйства". Преобладание барщинного хозяйства в России XVII—XVIII вв. не было связано с преобладанием натурального хозяйства. Крепостное поместье с барщинной системой организации труда, как мы увидим ниже, придет на смену поместью русского раннего феодализма, основанному на эксплоатации крестьян в форме ренты продуктами, в связи с развитием в экономике России *начальных стадий* промышленного капитализма и торгового капитала. Оно не представляло собой „самодовлеющее замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром", а было довольно тесно связано с рынком. Работа помещика на рынок, в полной мере развившаяся действительно, как это указывает Ленин, лишь в последнее время существования крепостного хозяйства, началась еще в XVI в.

Особенно четко и ярко подчеркнул эту связь крепостного хозяйства с рынком М. Н. Покровский в III томе „Русской истории с древнейших времен". Выступая решительно против утвердившегося в буржуазной науке мнения о господстве в экономике России XVIII в. натурального хозяйства, Покровский экономическое развитие России XVI—XVIII вв. поставил в непосредственную связь с развитием торгового капитала, то-есть начальных стадий развития капитализма. Развитие торгового капитала являлось результатом роста общественного разделения труда и усилившейся торговой связи с Западом, начиная с XVI века, и опиралось на господствовавшее в области произ-

водства сельскохозяйственных продуктов барщинное хозяйство, а в области обрабатывающей промышленности—мелкое, ремесленного типа производство, находившееся в стадии перерастания в простую кооперацию и мануфактуру.

Связывая русское крепостное хозяйство с развитием начальных стадий капитализма, Покровский, однако, в полном согласии с Лениным, не считал крепостничество новой общественно-экономической формацией. Крепостничество, по мнению Покровского, есть „новый феодализм", т.-е. феодализм, приспособленный к начальным стадиям развития капитализма.

Крепостное барщинное хозяйство уже с XVI в. выступает, как составное звено в системе общественного разделения труда, в качестве поставщика на формирующиеся внутренний и внешний рынки сельскохозяйственных продуктов, быстрым темпом оттесняя в этой роли мелкое крестьянское производство. В этой объективной роли и заключалась жизненность помещичьего хозяйства и в то же время основная причина его эволюции по пути к разложению.

Основная масса помещиков выступает на рынке не потому, что их хозяйство рассчитано на работу для рынка, а потому, что только через продажу части продукции, произведенной в их хозяйстве, они могут удовлетворить свои качественно и количественно выросшие потребности в условиях начавших усиливаться торгово-денежных отношений. Покровский, совершенно правильно считая, что „разница между богатым помещиком екатерининских времен и теперешним крупным буржуа не в их индивидуальном личном хозяйстве, а в социальной основе этого хозяйства: один эксплоатирует пролетаризованных рабочих при помощи своего капитала, другой—мелких самостоятельных предпринимателей-крестьян при помощи своей власти над ними" [1],—вместе с тем упускает из вида другое принципиальное различие между капиталистическим и крепостническим поместьем, как хозяйствами, в первом случае товаропроизводящим, а во втором — потребительским. Подчеркивание этой характерной черты крепостничества дает нам возможность избежать модернизации крепостничества, сблизить его с феодальным хозяйством и правильно понять, в чем заключалась сущность

[1] *Покровский*—том III, стр. 92.

эволюции помещичьего хозяйства в период XVI—XIX вв. Приводимый там же Покровским в качестве аргумента против оценки крепостного хозяйства как натурального факт о том, что Вольно-экономическое общество задавало „для решения публики“ задачу: как прожить в Петербурге, примерно, на двадцать тысяч рублей в год,—как-раз блестяще иллюстрирует положение: несмотря на то, что помещики стали связываться с рынком, продавая продукты своих хозяйств, они это делали для того, чтобы прилично прожить в изменившихся экономических условиях.

Но если бы мы ограничились констатированием того положения, что крепостное (барщинное) хозяйство как по системе производственных отношений, так и по внутренней экономической структуре является хозяйством феодального типа, и свели бы все отличие его от феодального хозяйства к большей связанности с рынком, мы не оттенили бы этим действительного своеобразия крепостного (барщинного) хозяйства, просмотрели бы действительную историческую роль барщинного поместья как своеобразного пути разложения феодализма и внедрения капитализма. Крепостное хозяйство, если его рассматривать с этой точки зрения, представляет собой (в своем движении) форму разложения феодализма и в то же время форму внедрения капитализма в сельское хозяйство.

Капитализм в сельское хозяйство России внедрялся через помещичье хозяйство, как единственную форму, обслуживающую рынок, начиная с XVI в. (крестьянин был оттеснен с рынка, он превратился в рабочую силу); но, в силу медленного темпа развития рынка для сельскохозяйственных продуктов, этот процесс шел страшно медленно.

Помещик в XVI—XVII вв. расширяет свое хозяйство (запашки), ибо он иначе не получит денег, которые ему нужны для удовлетворения своих выросших потребностей. Он субъективно еще не выступает в качестве сельскохозяйственного предпринимателя, ставящего себе целью работу для рынка и подчиняющего этой цели всю внутреннюю структуру поместья. Он еще потребитель, и свою связь с рынком рассматривает как необходимое звено в деле удовлетворения своих потребностей. Но его хозяйство по отношению к рынку (если смотреть с

точки зрения системы общественного разделения труда) выступает с самого начала как единственная форма сельскохозяйственного производства,— являющаяся составным звеном в системе общественного разделения труда,— могущая удовлетворить объективно развивающийся, вслед за развитием общественного разделения труда, рынок. Крестьянское хозяйство оттеснено с рынка, помещик, не имея возможности использовать крестьянина как денежного арендатора, в виду слабой товарности крестьянского хозяйства, использовал его в качестве рабочей силы. Эта-то объективная роль поместья как звена в системе общественного разделения труда и будет основной силой, толкающей и самого помещика на путь предпринимательства.

Маркс указывает то звено, посредством которого феодал втягивается в предпринимательство. „Конечно,— пишет он,— торговля будет оказывать большее или меньшее влияние на общества, между которыми она ведется; производство она все более и более будет подчинять меновой стоимости, потому что наслаждение и потребление она ставит в бо́льшую зависимость от продажи, чем от непосредственного потребления продукта“ [1].

Процесс эволюции „линяния“ феодального поместья в капиталистическое, в форме барщинного крепостного хозяйства, занял в России долгий период времени, в силу медленности развития рынка для сельскохозяйственных продуктов. Сама эта форма перерастания тормозила темп внедрения капитализма тем, что процесс перерастания шел на основе закрепощения крестьян, а не отделения их от средств производства; в силу этого формирование капитализма, а потому и внутреннего рынка, на другом полюсе — в промышленности — шло очень медленно.

Но именно потому, что крепостное поместье выступает с самого начала как потребительское, феодальное, оно могло основываться на барщинной системе. Процесс внедрения товарности в помещичье (барщинное) хозяйство в течение долгого времени происходил на базе барщинной системы, не ставя вопроса о ликвидации этой феодальной системы организации труда, потому что само поместье вплоть до XIX в. все еще не

[1] *Маркс* — „Капитал“, том III, ч. I, стр. 254.

превратилось в товаропроизводящее. Количественные изменения в помещичьем хозяйстве XVIII в. в сторону усиления в нем элементов товаропроизводства отражались только на усилении эксплоатации крестьян, но пока не ставили вопроса о ликвидации всей системы.

Только в XIX в., в связи с быстрым темпом расширения внутреннего и внешнего рынков, товаризация помещичьего хозяйства решительно пойдет вперед.

И в XIX в. встанет новая проблема — ломки, ликвидации феодальной системы организации труда, чем и будет заполнен XIX в. и часть XX в. Таким образом, с XVI века *торговый* капитал овладевает феодальной системой, постепенно разлагая феодальное хозяйство, не меняя, однако, феодальной системы организации труда и производственных отношений. С начала же XIX в. капитализм начинает овладевать *производством*, начинает менять систему организации труда и производственных отношений, из торгового капитала постепенно превращается в аграрный (производственный) капитализм. С этого исходного момента начинается у Ленина анализ двухвозможных путей капиталистической эволюции русского сельского хозяйства: прусского и американского.

В своей работе „Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 годов“ Ленин следующим образом характеризует эти два возможных пути проникновения капитализма в сельское хозяйство.

„Гвоздем борьбы являются крепостнические латифундии, как самое выдающееся воплощение и самая крепкая опора остатков крепостничества в России. Развитие товарного хозяйства и капитализма с абсолютной неизбежностью кладет конец этим остаткам. В этом отношении перед Россией только один путь—буржуазного развития. Но формы этого развития могут быть двояки. Остатки крепостничества могут отпадать и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т.-е. путем реформы и путем революции. Буржуазное развитие может итти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплоатации буржуазными; оно может итти также, имея во

главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма „нарост“ крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути объективно возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа“.

Действительно, два пути ломки феодальных производственных отношений, феодальной системы организации труда наметились в XIX в.; но предпосылки прусского пути, исторические корни его, уходят в XVI в., и жизненность прусского пути была определена долговековой эволюцией нашего сельского хозяйства, имея во главе этой эволюции помещика. Помещик очень медленно расставался с феодальной системой организации труда; этот факт объясняется (помимо целого ряда экономических моментов) тем, что на этой системе он проделал большую эволюцию в предпринимателя и пытался использовать ее уже будучи предпринимателем.

Конкретный исторический анализ должен отправляться не только от признания решающим в истории аграрной эволюции России XVI—XIX вв. процесса перерастания помещичьего хозяйства из потребительского в товаропроизводящее, изучать не только этапы этого перерастания, но также темп и картину этого перерастания хозяйств различных групп помещиков. Вместе с тем необходимо указать, что и отдельные статьи помещичьего хозяйства, вступившего на путь товаризации, товаризировались по-разному. Медленнее всего товаризировалось собственно зерновое хозяйство, в силу медленности развития рынка для этой статьи. Медленность товаризации зернового хозяйства объясняется вообще медленностью перерождения помещичьих хозяйств. Быстрее товаризировались технические культуры, скотоводство и т. д. На ряду с товаризацией технических культур идет промышленное предпринимательство дворянства; „логически и хронологически,—пишет Покровский,—интенсивное барщинное земледелие пришло у нас позже крепостной индустрии. Хлеб как товар становится очень выгоден в 80—90-х годах, промышленные предприятия давали раньше барыши, с которыми не могло сравниться никакое сельское хозяйство“.

В заключение нужно сказать, что и борьба крестьянских масс, выразившаяся в ряде крестьянских революций, на первый взгляд ведущаяся во имя уничтожения эксплоатации, в условиях развивающегося — хотя и медленно — рынка для сельскохозяйственных продуктов, объективно была борьбой не только за ликвидацию помещичьей эксплоатации, но и за то, чтобы крестьянское хозяйство, а не помещичье, выступило в качестве поставщика сырья на этот рынок, выступило бы в качестве составного звена в системе общественного разделения труда, ибо в основе стремления помещика к усилению эксплоатации лежала его связь с рынком. Таким образом, корни борьбы за второй путь проникновения капитализма в сельское хозяйство через крестьянские хозяйства (американский) уходят также в глубь русской истории.

II. Является ли крепостное хозяйство особой общественно-экономической формацией, отличной от феодализма.

Таким образом, мы считаем крепостное (барщинное) хозяйство хозяйством феодального типа, приспособленным к удовлетворению качественно и количественно выросших потребностей феодала (помещика) посредством продажи на рынке части продуктов, производимых в барщинном хозяйстве.

В своей книге С. М. Дубровский выступил с иным пониманием сущности крепостного хозяйства. Он его считает особой общественно-экономической формацией, принципиально отличной от феодализма.

Так как Дубровский в подтверждение своей характеристики феодализма и крепостничества как особых общественно-экономических формаций ссылается на Маркса, Энгельса и Ленина [1], то мы прежде всего попытаемся установить подлинные взгляды Маркса и Энгельса по этому вопросу [2].

У Маркса и Энгельса мы не найдем указаний на то, что они считают крепостничество особой общественно-экономической

[1] *С. М. Дубровский* — „К вопросу о сущности „азиатского" способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала", стр. 98, глава — „Маркс, Энгельс и Ленин о крепостничестве как особой формации".

[2] Взгляды Ленина, в корне противоположные взглядам Дубровского, были изложены выше в связи с характеристикой русского крепостничества.

формацией, отличной от феодализма и находящейся в исторической последовательности между феодализмом и капитализмом.

Формулируя свою социологическую теорию во „Введении к критике политической экономии“, Маркс указывает на следующие общественно-экономические формации: „В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства могут быть установлены как прогрессивные эпохи экономической формации общества“ [1]. В „Немецкой идеологии“ Маркс и Энгельс, характеризуя историческое развитие форм собственности, связанное с различными ступенями развития общественного разделения труда, перечисляют следующие формы собственности: родовая, античная, и, наконец, феодальная [2].

Как видим, у Маркса и Энгельса нет места для особой крепостнической общественно-экономической формации.

Изучая генезис капитализма, Маркс выводил его не из крепостнической, а из феодальной общественно-экономической формации. „Экономическая структура (хозяйственный строй) капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого“ [3]. Это есть выводы не только из истории происхождения капитализма в Англии, а обобщение исторического происхождения капитализма в странах Западной Европы. Точно так же Энгельс в „Развитии социализма от утопии к науке“ выводит происхождение капитализма из разложения феодализма, давая сжатую характеристику последнего, но характеристики крепостнической общественно-экономической формации и даже указаний на существование таковой в этой работе Энгельса, излагающей основы марксизма (как и в других его работах), мы не найдем.

Сомнений быть не может. Маркс и Энгельс крепостничество не считали особой общественно-экономической формацией, отличной от феодализма. Они крепостнические отношения считали характерной чертой феодальных производственных отно-

[1] *Маркс* — „К критике политической экономии“. Изд. Института Маркса и Энгельса, стр. 56.

[2] Архив Маркса-Энгельса, т. I, стр. 254.

[3] *Маркс* — „Капитал“, т. I, стр. 573.

шений. Давая характеристику феодализму в связи с изучением генезиса капитализма и для того, чтобы ярче оттенить специфические черты капитализма, Маркс и Энгельс неоднократно указывали на крепостничество как на специфическую черту феодальных отношений эксплоатации.

В основе феодализма, в качестве его производственного базиса, по мнению Дубровского, „лежит способ производства, основанный на натуральном хозяйстве непосредственных производителей-землевладельцев, в хозяйстве которых натуральное земледелие соединено с домашней промышленностью“[1]. Дубровский выделяет городское, цеховое ремесло из производственного базиса феодализма, считая его (ремесло) особым укладом в недрах феодализма. „Этот свойственный феодализму способ земледельческого производства и свойственные ему производственные классовые отношения переплетаются с другими общественно-экономическими укладами. В частности при феодальном строе большую роль играют города с их ремесленным строем, а также торговый и ростовщический капитал [2]. В другом месте Дубровский считает города с их ремесленным строем в недрах феодализма представителями другой формации [3]. Выделяя города с ремесленными цехами из производственного базиса феодализма, из феодальной общественно-экономической формации, Дубровский становится на точку зрения Бюхера, выделявшего городское хозяйство в особую ступень хозяйственного развития.

Маркс считает производственным базисом феодализма „мелкое земледелие с его подсобной домашней промышленностью и городское ремесло“ [4]. В другом месте Маркс говорит: „Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать на ряду с капиталистическим производством [5].

---

[1] Указанная книга Дубровского, стр. 63.

[2] Указанная книга Дубровского, стр. 67.

[3] См. статью Дубровского в журнале „Аграрные проблемы“ за 1929 г. № 2, стр. 30.

[4] *Маркс* —„Капитал“, т. I, стр. 290 — 291.

[5] *Маркс* — „Капитал“, т. I, стр. 251.

В „Коммунистическом манифесте“ Маркс и Энгельс говорят о „феодальной организации земледелия и промышленности“ [1]. В „Немецкой идеологии“ они пишут, что „феодальному расчленению земельной собственности соответствовали в городах корпоративная собственность и феодальная организация ремесла“ [2].

Город с ремесленным строем, являясь составной частью феодального способа производства, в то же время выступает как сила, разлагающая феодализм. Феодальный город, по Марксу, выражает собой внутреннее противоречие феодального способа производства, противоречие, которое составляет основную пружину развития феодализма как общественно-экономической формации. Только считая города с ремесленным строем составной частью феодальной системы, мы можем понять эту систему в движении.

Считая, что в основе феодальной экономики лежит не только мелкое крестьянское сельскохозяйственное производство с подсобной домашней промышленностью, но и городское ремесло, т.-е., что в его основе лежит процесс общественного разделения труда в его первичной форме, мы должны решительно выступить против бюхеровского трактования феодального хозяйства как натурального (самодовлеющего, замкнутого, безобменного). Попытка же Дубровского выделить ремесленный город из производственной базы феодализма должна привести к утверждению этого бюхеровского взгляда. Это нужно Дубровскому для обоснования своего основного утверждения о господстве ренты продуктами в эпоху феодализма. Натуральная рента господствовала в силу господства натурального хозяйства.

Маркс не считал феодальное хозяйство натуральным в бюхеровском смысле слова, т.-е. самодовлеющим, замкнутым, безобменным. Он считал его натуральным по системе организации труда и эксплоатации, т.-е. по системе производственных отношений (рабочая сила не выступала как товар, прибавочный труд на феодала непосредственным производителем отдавался во вполне натуральной, осязательной форме, т.-е. в форме барщины или оброка). Экономическую же сущность феодального хозяйства

[1] *Маркс-Энгельс* — собр. соч., т. V, стр. 483, „Коммунистический манифест“.

[2] Архив Маркса-Энгельса, т. I, стр. 255.

Маркс характеризовал не по вторичному признаку — натуральное или денежное, а по внутренней экономической структуре, связанной непосредственно с уровнем развития производительных сил и системой производственных отношений,— как хозяйство, производящее потребительные ценности, а не меновые. Феодальное хозяйство выступает как продуктопроизводящее, а не товаропроизводящее, следовательно, здесь не противопоставление денежного хозяйства натуральному, а товаропроизводящего производящему потребительные стоимости. Но тот факт, что феодальное хозяйство выступает перед нами как хозяйство, основой которого является производство потребительных ценностей, не исключает обмена, товарно-денежных отношений между отдельными хозяйственными единицами. „Денежное и товарное обращение,— пишет Маркс,— может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости“ [1].

И помещичье и крестьянское хозяйство в той или иной мере связано с рынком, выступает в качестве покупающего продукты ремесла и продающего излишки или известную часть продуктов для удовлетворения своих потребностей, которые они не могут удовлетворить силами своего хозяйства. Выбрасываемые крестьянином и феодалом на рынок продукты производятся как потребительные ценности и только в процессе обмена, на рынке, принимают форму товаров.

Как мы указывали, с выделением ремесла начинается развитие товарно-денежных отношений в крестьянских и помещичьих хозяйствах, а развитие этих товарно-денежных отношений и является исходным моментом для нарастания предпосылок нового способа производства, характерной чертой которого будет производство товаров. От глубины и размаха развития самостоятельного ремесла в эпоху феодализма зависят глубина и размах товаризации помещичьих и крестьянских хозяйств, а следовательно, степень разложения феодальной экономики, т. е. степень превращения помещичьих и крестьянских хозяйств из производящих потребительные ценности в товаропроизводящие. Но ремесло не в состоянии разложить феодализм

[1] *Маркс* — „Капитал“, т. III, ч. I, стр. 253.

до конца, оно только подготовляет почву для этого разложения, разрыхляет почву для внедрения капитализма в сельское хозяйство. Разложение феодализма и проникновение капитализма в среду помещичьих и крестьянских хозяйств связано с развитием первых стадий промышленного капитализма, т.-е. простой кооперации и мануфактуры. Только мануфактурный период дает мощный толчок превращению феодального хозяйства в товаропроизводящее и способствует ликвидации старых феодальных производственных отношений в сельском хозяйстве. Но эти начальные стадии промышленного капитализма в своем развитии опираются, с одной стороны, на определенный уровень товарно-денежных отношений, рыночных отношений, созданных периодом феодального ремесла, и, с другой стороны, на ремесленную технику; хотя, развиваясь на основе ремесленной техники, капиталистическая простая кооперация и мануфактура с самого начала выступают как совершенно новые, принципиально отличные от феодального ремесла формы промышленности.

„Спорадическое (в единичных случаях) применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средних веках и современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно—на рабстве. Напротив, капиталистическая форма кооперации уже с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу. Однако, исторически она развивается, как противоположность крестьянскому хозяйству и самостоятельному ремесленному производству, независимо от того, обладает ли это последнее цеховой формой или нет. По отношению к этим формам капиталистическая кооперация выступает не как особая историческая форма кооперации, но самый принцип кооперации противопоставляется им как характерная для капиталистического процесса производства и составляющая его специфическую особенность историческая форма".

В другом месте Маркс пишет: „Таким образом, хотя обособление, изолирование и развитие отдельных отраслей труда цеховыми организациями послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода, тем не менее сами цеховые организации исключали возможность мануфактурного разделения труда.

В общем и целом рабочий срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной, и, следовательно, недоставало первой предпосылки мануфактуры: обособления средств производства, противостоящих рабочему в качестве капитала" [1].

Следовательно, ошибочен и тот взгляд, который считает, что ремесло в недрах феодализма выступает как зачаточная форма капитализма. Капиталистические формы промышленности выступают с самого начала как принципиально противоположные феодальному ремеслу.

Выделяя крепостничество в качестве особой общественно-экономической формации, Дубровский должен связать его с определенным уровнем и типом развития производительных сил, отличным как от уровня и типа развития производительных сил феодальной общественно-экономической формации, так и от такового же в эпоху капитализма. Но этого, при всем желании, сделать нельзя. Между производственным базисом феодализма (мелкое крестьянское производство и городское ремесло) и производственным базисом капитализма, исходным этапом развития какового является простая капиталистическая кооперация и мануфактура, нет никакого промежуточного типа развития производительных сил, общественной формой которых была бы крепостническая общественно-экономическая формация.

Но все же Дубровский пытается наметить производственный базис крепостничества. „Оказывается (как великолепно это „оказывается"! *А. М.*), что этот строй, строй натурального земледелия в соединении с домашней промышленностью и вдобавок с общинной организацией на определенном этапе развития крепостного хозяйства не только не отрицается крепостничеством, а, наоборот, является прочной основой последнего" [2].

В другом месте своей книги Дубровский, в прямом противоречии с вышеприведенной цитатой, пишет, что производственный базис крепостничества отличается от феодального количественным расширением ремесла („Поскольку при крепостничестве отделение ремесла от земледелия делает шаг вперед") и количественным расширением торгово-денежных отношений [„По-

[1] *Маркс* — „Капитал", том I, стр. 271.

[2] См. указанную книгу Дубровского, стр. 81.

следний (т.-е. торговый капитал. *А. М.*) при крепостничестве делает значительный шаг вперед по сравнению с феодализмом"][1]. Итак, в первом случае никакой разницы, по мнению самого же Дубровского, в производственном базисе феодализма и крепостничества нет; во втором же—разница чисто количественного порядка: разница, не выводящая нас из пределов производственной базы феодальной общественно-экономической формации.

Этих количественных изменений в феодальном производственном базисе недостаточно для образования новой общественно-экономической формации. Общественно-экономическая формация, согласно учению Маркса (а не Дубровского), базируется на целом законченном этапе в развитии производительных сил, на определенном типе этих производительных сил. Поэтому Маркс и подчеркивает качественное отличие мануфактуры от ремесла как производственной базы развивающегося капитализма. Вместе с тем (к сведению Дубровского), крепостничество XVI—XVIII вв. в России и Германии как-раз развивается в эпоху, когда ремесло начинает уступать место простой капиталистической кооперации и мануфактуре. Но если исправить эту ошибку Дубровского, то получается еще хуже для его теории. Оказывается, что начальные стадии капитализма в области обрабатывающей промышленности порождают крепостническую общественно-экономическую формацию в деревне. Пусть же сам Дубровский скажет, как можно охарактеризовать „теорию", приводящую к таким бессмысленным, с точки зрения марксизма, выводам.

Для выяснения специфических черт общественно-экономической формации недостаточно указания на характер производственного базиса данной формации. Необходимо остановиться— и это основное—на специфических чертах производственных отношений.

Каково же содержание понятия производственных отношений и чем определяется специфичность их для каждой общественно-экономической формации? Дубровский приводит цитату из III тома „Капитала" („Генезис капиталистической земельной ренты"), где Маркс выдвигает в качестве содержания понятия производствен-

---

[1] Указанная книга Дубровского, стр. 94.

ных отношений отношения собственников условий производства к непосредственным производителям.

„Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям,—пишет Маркс,— отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и производительной силе последнего,—вот в чем мы раскрываем самую глубокую, тайную, сокровенную основу всего общественного строя“ [1]. Но эти непосредственные отношения собственников условий производства к непосредственным производителям есть прежде всего отношения эксплоатации.

„Только та форма,—пишет Маркс,—в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например, общества рабства от общества наемного труда“.

Итак, с одной стороны, специфические формы непосредственных отношений собственников условий производства к непосредственным производителям, а с другой — специфические экономические формы выжимания прибавочного труда,—вот что составляет содержание производственных отношений. Дубровский считает специфическими формами отношений собственников условий производства к непосредственным производителям и специфическими экономическими формами выжимания прибавочного труда: для феодализма — ренту продуктами и денежную, для крепостничества — отработочную ренту.

Мы считаем, что сводить специфические черты производственных отношений феодализма и крепостничества к тому, какая форма ренты господствовала, видеть в формах ренты специфические формы отношений феодала к крестьянам, специфические общественно-экономические формы эксплоатации их феодалом — это значит не понимать того, что Маркс вкладывает в понятие специфических форм отношений между классами, специфической формы эксплоатации. По Марксу, это понятие гораздо глубже, шире, содержательнее.

Для Маркса важны те специфические формы, в которые выливаются отношения владельцев условий производства к непосредственным производителям, а тем самым важны те специ-

[1] *Маркс* —„Капитал“, т. III, ч. II, стр. 327.

фические общественные формы, в которые отливается процесс эксплоатации. В качестве момента, определяющего специфичность форм этих отношений и специфичность форм выжимания прибавочного труда, т.-е. эксплоатации, Маркс выдвигает характер и способ соединения рабочей силы и средств производства.

Маркс во многих местах „Капитала" указывает на ту специфическую форму отношений между рабочим и капиталистом, на ту специфическую форму эксплоатации, которая определяется уровнем развития производительных сил и характером соединения средств производства и рабочей силы, и именно на то, что рабочий продает свою рабочую силу, что отношения между рабочим и владельцем средств производства, отношения эксплоатации принимают здесь форму продажи и покупки рабочей силы.

В противоположность капитализму, наделение средствами производства непосредственных производителей-крестьян, превращение их в мелких самостоятельных производителей — есть наперед данный исходный момент феодального способа производства. Неразвитость производительных сил, господство земледелия, слабое развитие товарных отношений (товарные отношения не захватили еще производства) не превращают здесь средства производства в капитал, землевладельца-феодала — в капиталиста и крестьянина — в продавца своей рабочей силы.

Специфической формой отношений между землевладельцами и наделенными средствами производства крестьянами, специфической формой эксплоатации их будет не та или другая форма ренты, а отношения личной зависимости, внеэкономическое принуждение.

„Но оставим светлый остров Робинзона,— пишет Маркс,— перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы — крепостные и помещики, вассалы и сеньоры, миряне и попы. *Личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные воздвигнутые на этой основе сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, отдельным работам и продуктам не приходится принимать отличную от их реального*

бытия фантастическую форму. Они входят в круговорот общественной жизни в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барщинный труд измеряется временем точно так же, как и труд, производящий товары, но каждый крестьянин знает, что на службе своему господину он затрачивает лишь определенное количество своей собственной личной рабочей силы. Десятина, которую он должен уплатить попу, есть нечто несравненно более отчетливое, чем то благословение, которое он получает от попа. Таким образом, как бы мы ни оценивали те характеристичные маски, в которых выступают средневековые люди друг по отношению к другу, несомненно, во всяком случае, что общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда".

Итак, основу феодального общества составляют отношения личной зависимости. Именно в силу господства отношений личной зависимости выжимание прибавочного труда из непосредственных производителей происходит в совершенно осязательной натуральной форме, в форме барщины или оброка. „Та специфическая экономическая форма,— говорит Маркс,— в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из производства, и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие" [1].

После этого становится совершенно понятным, что Маркс под специфической экономической формой понимал не форму ренты, а те специфические общественные отношения, в которые облекается процесс эксплоатации.

В „Немецкой идеологии" Маркс-Энгельс указанные выше специфические черты феодальной общественно-экономической формации объясняют, исходя из характера господствующего в ту эпоху орудия производства. „Таким образом, здесь выступает

[1] *Маркс* —„Капитал", т. III, ч. II, стр. 267.

различие между данными природой орудиями производства и орудиями, созданными цивилизацией. Пашню (воду и т. д.) можно рассматривать как данное природой орудие производства. В первом случае, в случае данного природой орудия производства, индивиды подчиняются природе, во втором — продукту труда. Поэтому в первом случае и собственность (земельная собственность) представляется в качестве непосредственного, данного природой господства, во втором — в качестве господства труда, в частности накопленного труда, капитала. Первый случай предполагает, что индивиды объединены какой-нибудь связью — семейной, племенной, даже земельной и т. д. и т. д.; второй случай предполагает, что они независимы друг от друга и связаны только обменом...

В первом случае господство собственности над несобственниками может опираться на личные отношения, на своего рода общественную организацию; во втором случае оно должно принять вещественную форму в чем-то третьем — в деньгах" [1].

Дубровский пытается ослабить значение вышеприведенной характеристики общественных отношений эпохи феодализма, данной Марксом, заявляя, что „между прочим, во внеэкономическом принуждении некоторые товарищи пытаются найти основание для затушевывания разницы между феодализмом и крепостничеством. Между тем для каждого марксиста ясно, что внеэкономическое принуждение в различных, конечно, его формах, может быть при разных способах производства, как то—при 1) рабстве, 2) феодализме и 3) крепостничестве" [2]. Принципиальную разницу феодализма и крепостничества Дубровский, по нашему мнению, не доказал. По поводу же рабства мы можем продолжить приведенную цитату из Маркса: „Данная форма как-раз тем и отличается от рабского или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно" [3].

Повидимому, Дубровский вполне сознательно обошел действительно специфические формы, в которые отливаются производственные отношения при феодализме, сведя их просто

[1] Архив Маркса и Энгельса, том, I, стр. 233.

[2] Указанная книга Дубровского, стр. 95.

[3] *Маркс*—„Капитал", т. III, часть II, стр. 266.

к господству той или иной формы ренты, ибо эти действительно специфические формы производственных отношений одни и те же как для феодализма, так и для крепостничества. И там и здесь производственные отношения между феодалами-помещиками и крестьянами облекаются в форму личной зависимости вторых от первых; и там и здесь необходимо внеэкономическое принуждение, которое способствует выжиманию прибавочного труда из наделенного средствами производства непосредственного производителя. Выдвигая же на первый план в качестве характерных черт общественно-экономические формации, форму ренты, Дубровский имеет возможность оторвать крепостничество от феодализма, дав последнему в качестве специфической черты натуральную ренту, а первому — ренту отработочную.

Дубровский, выдвигая на первый план в качестве определяющего момента формы ренты, затушевывает действительные специфические черты производственных отношений. Как это ни странно для историка-марксиста, но Дубровский в специальной главе своей книги, которая носит название—„Основные черты феодального строя", даже не упоминает о действительной основной черте феодального строя — об отношении личной зависимости и о применении внеэкономического принуждения в процессе эксплоатации крестьян. Считая специфическими чертами феодализма формы ренты, Дубровский совершенно не дает оснований для отличия, например, отношений между лэндлордом и фермером и отношений между феодалом и денежным оброчником; и там и здесь рента отдается в виде денег (денежная форма), почему же первую мы называем капиталистической рентой, а вторую докапиталистической? Для объяснения этого необходимо спуститься от формы ренты к тем общественным отношениям, которые складываются между фермером и лэндлордом, феодалом и денежным оброчником.

Фактическая история феодализма в вопросе о формах ренты и о типе отношений между крестьянином и феодалом также не на стороне Дубровского. Не случайно, что он в своей книге не приводит ни одного факта из истории западноевропейского феодализма, могущего подтвердить его теорию господства продуктовой ренты и мелких форм зависимости в эпоху феодализма. А факты нужны. Для того, чтобы перевернуть

установившееся в исторической науке представление о феодализме и оправдать конструирование новой общественно-экономической формации — крепостнической, необходимо было бы привести целую систему фактической аргументации.

Не приводя ни одного факта, Дубровский голословно декретирует, что в эпоху феодализма „крестьяне уплачивали в основном натуральный оброк“, потом появляется барщина. „Однако, появившаяся в рамках феодального хозяйства отработочная рента сначала выражается лишь в нерегулярном труде крестьян в хозяйстве феодала, скажем, один день в неделю; по мере роста эксплоатации она вырастает до двух дней в неделю, но это не создает еще нового качества“ [1].

Господствовавшее направление в западноевропейской исторической науке о феодализме считало *крепостного* крестьянина типичным представителем феодализма, а барщину, доходившую уже в XIII в. до трех дней в неделю,—основной формой эксплоатации этих крепостных крестьян. Эта барщина везде сопровождалась натуральным и отчасти денежным оброком. Нам нет нужды приводить здесь фактическую аргументацию, ибо Дубровский не привел ни одного факта в опровержение установившегося в исторической науке мнения.

Видя, что Маркс и Энгельс считали барщину и крепостного крестьянина категориями феодализма и не имея возможности фактически обосновать свой тезис о преобладании продуктовой ренты и мягких форм зависимости в эпоху феодализма, Дубровский следующим образом пытается найти выход из создавшегося для его теории положения. „Почему же обычно смешивают феодализм и крепостничество? — задает сам себе вопрос Дубровский.—Почему, например, у Маркса, Энгельса и Ленина при наличии определенных указаний о том, что крепостничество является особой общественно-экономической формацией (как мы выше видели, Маркс и Энгельс нигде не высказывали своего мнения о крепостничестве, как особой общественно-экономической формации. *А. М.)*, очень часто в отношении конкретной истории крепостничество и феодализм употребляются как тождественные термины?“ И отвечает: „Последнее объясняется тем, что, в особенности на западе Европы,

[1] Указанная книга Дубровского, стр. 87—88.

мы не имели, пожалуй, чистых форм феодализма и чистых форм крепостничества. Феодально-крепостнические отношения между собой переплетались так же, как, например, при переходе от крепостничества к капитализму, допустим, в России переплетались формы капиталистические с крепостническими. В Западной Европе, например, в эпоху средневековья на ряду с юридически свободными крестьянами, обязанными только рентой продуктами по отношению к землевладельцам, т.-е. на ряду с чисто феодальным хозяйством, имелось и барщинное хозяйство, основанное на труде крепостных крестьян" [1].

Отсюда он вводит для характеристики этого периода, т.-е. периода переплетения, термин „феодально-крепостническая формация [2]. Этот выход, найденный Дубровским, по существу есть самоликвидация его теории. Все, что говорилось Дубровским о крепостничестве как общественно-экономической формации, теряет свое значение, поскольку в конкретной истории Западной Европы нельзя выделить эту общественно-экономическую формацию как господствующую, определяющую весь общественный строй. Указание Дубровского на то, что Маркс, Энгельс и Ленин употребляли очень часто как синонимы термины „феодальный" и „крепостнический" в виду того, что эти формации переплетались, ставит перед нами альтернативу: или в данном случае дело идет об одной формации, тогда теория Дубровского о крепостничестве как особой общественно-экономической формации должна быть отброшена,— или вообще теория общественно-экономических формаций, созданная Марксом и применявшаяся им для анализа капитализма, теряет свое методологически-познавательное значение, ибо какая же это теория, которая при применении ее к конкретному историческому анализу не может отличить элементы одной общественно-экономической формации от другой.

Конечно, в конкретной истории мы не найдем чистых форм. Производственные отношения данной общественно-экономической формации всегда сопровождаются остатками прошлой и зародышами новой; но мы всегда можем вскрыть подчиненное значение остатков прошлого, можем вскрыть, что они при-

[1] Указанная книга Дубровского, стр. 95—96.

[2] Там же, стр. 16, 21 и т. д.

вязаны к отношениям данной общественно-экономической формации, систематически перерабатываются ими, исчезают и т. д. (например, при феодализме — первобытная община, при капитализме—ремесло и т. д.). Что же касается зародышей новой, то ее место и роль в данной общественно-экономической формации рельефно видны, ибо элементы новой уже в недрах старой вступают в противоречие со старой, борются и т. д. (буржуазия городов в недрах феодализма, организации рабочего класса в недрах капитализма и т. д.). Учение об общественно-экономических формациях не есть учение об укладах, мирно сосуществующих в недрах одной общественно-экономической формации, как это думает Дубровский[1], а о господствующем способе производства, о господствующем типе производственных отношений, который подчиняет, перерабатывает элементы старого и вступает в конфликт с элементами нового.

Господствующее старое и возникающее новое находятся в борьбе; в этой борьбе и растут, зреют новые отношения, новые силы, чтобы, созрев, сбросить старые. Поэтому отношения старого и нового не просто переплетаются и потому как бы скрывают свою специфичность, а довольно чеканно выявляются в этой борьбе. Этого чеканного выявления элементов крепостничества в недрах феодализма, как элементов новой принципиально отличной общественно-экономической формации, мы не можем установить при всем нашем желании.

Переплетение барщины и оброка, суровых форм крепостничества и мягких форм зависимости мы можем понять, только отбросив теорию Дубровского о крепостничестве как особой общественно-экономической формации, тем самым ликвидировав и теорию сплетения двух формаций,—рассматривая специфические черты феодализма не с точки зрения преобладания барщины или оброка, а с точки зрения тех специфических форм, в которые облекаются отношения между номинальным владельцем условий производства — феодалом и фактическим их пользователем — непосредственным производителем — крестьянином, следовательно, и с точки зрения тех специфических форм, в которые облекается процесс выжимания прибавочного труда при данных условиях. Переплетение барщины и оброка будет

[1] Указанная книга Дубровского, стр. 19.

ясно именно с той точки зрения, что они являются организационными формами выжимания прибавочного труда на основе одних и тех же производственных отношений.

III. Об условиях, определивших развитие крепостничества в России с XVI века.

Теория Дубровского о крепостничестве как особой общественно-экономической формации, исторически приходящей на смену феодализму, как будто бы находит себе подтверждение в историческом развитии России и Восточной Германии. Действительно, начиная с XVI в. в этих странах происходит ясно выраженный процесс развития барщинных отношений и суровых форм личной зависимости. Ниже, путем анализа процесса развития крепостничества с XVI в. в России (и Германии) и путем анализа сущности крепостничества в России, будет показано, что русское (и германское) крепостничество XVI—XIX вв. не является особой общественно-экономической формацией, а своеобразным путем разложения феодализма посредством приспособления феодальной системы организации труда и производственных отношений к определенному уровню развития общественного разделения труда и роста торгово-денежных отношений.

Я не буду останавливаться на взглядах Маркса-Энгельса на германское крепостничество XVI—XVIII вв.; отсылаю интересующихся к письмам Энгельса Марксу по поводу работы первого по истории германского крестьянства, а в особенности — к Энгельсовой „Марке", которую Дубровский упорно обходит молчанием и в которой Энгельс отчетливо выделил три периода в истории германского крестьянства[1]. Первый период — феодализация и превращение свободных крестьян в крепостных; второй период, с XIII в., — освобождение крестьян, перевод на денежный оброк и, наконец, третий период — вторичное закрепощение с XV в. Прекращение разложения германского феодализма и его консервацию в виде крепостного хозяйства Маркс ставил в непосредственную связь с экономическим упадком

[1] Статья „Марка" приложена к брошюре Энгельса „Развитие социализма от утопии к науке". Изд. Института Маркса и Энгельса.

Германии с XVI в. По этому поводу отсылаю к чрезвычайно интересным замечаниям Маркса в его статье против Гейцена „Морализирующая критика и критизирующая мораль", а также в „Святом Максе". Дубровский явно исказил мысли Маркса-Энгельса о вторичном закрепощении.

Перехожу к анализу причин разложения русского феодализма в форму крепостного (барщинного) и оброчного хозяйства.

Разложение феодализма связано с проникновением в его хозяйственную организацию торгово-денежных отношений. Втягивание крестьянских хозяйств и хозяйств феодалов в рыночные отношения является исходным пунктом процесса разложения феодализма.

„Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги в мировые деньги. Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительную стоимость. Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. И к чему приводит этот процесс разложения, то-есть какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства" [1].

Выше мы указывали, что действительное разложение феодальной экономики начинается в связи с развитием начальных стадий промышленного капитализма в виде простой кооперации и мануфактуры и соответствующего этому периоду расширения торговых связей далеко за пределы европейского континента. Вот почему выяснение причин своеобразного разложения русского феодализма мы и должны начать с выяснения высоты развития процесса общественного разделения труда (выделения ремесла) в эпоху нашего феодализма до XVI в. и с выяснения степени проникновения товарно-денежных отношений в среду

---

[1] *Маркс*—„Капитал", т. III, ч. I, стр. 256.

крестьянских и помещичьих хозяйств в эпоху феодализма (т.-е. до XVI в.).

Производственный базис русского феодализма находился на более низком уровне развития, нежели производственный базис западноевропейского феодализма. Сельское хозяйство в Западной Европе уже с IX в. базируется на трехпольной системе обработки земли; русское сельское хозяйство только в XV—XVI вв. переходит к трехпольной системе, до этого времени господствует подсечная и переложная система ведения сельского хозяйства.

Этот низкий уровень развития производительных сил сельского хозяйства связан с поздно начавшейся колонизацией славянами Ростово-Суздальского края, продолжавшейся вплоть до XVI в., со слабым развитием в этом крае земледелия до славянской колонизации, с плохой почвой, неблагоприятными географическими условиями для ведения интенсивного сельского хозяйства. Длительный отрыв от взаимодействия с более передовыми западноевропейскими странами, эксплоатация со стороны татар, отвлекавших массу прибавочного продукта и труда,—все это, естественно, не способствовало интенсивному росту производительных сил.

Низкий уровень развития сельского хозяйства не давал базы для быстрого процесса общественного разделения труда, т.-е. отделения обрабатывающей промышленности от сельского хозяйства в качестве самостоятельной отрасли производства со своими собственными формами. Русский феодализм опирался только на зачаточную стадию выделения ремесла из целокупного крестьянского хозяйства. В России вплоть до XVI века города не носили ярко выраженного торгово-ремесленного облика. Преобладало географическое, а не общественное разделение труда, оно и составляло основу развития торгово-денежных отношений в эпоху нашего феодализма. Внешняя торговля не затрагивала хозяйства непосредственных производителей—с запада и востока к нам шли предметы роскоши, а из России вывозились, главным образом, предметы охоты (всевозможные шкуры и пушнина) и лесных промыслов. Русский крестьянин эпохи феодализма очень редко выступал на местном или городском рынке в качестве продавца сельскохозяйственных

продуктов и покупателя предметов ремесленных изделий. Связь его с рынком была спорадическая. Русское крестьянское хозяйство до XVI в. было натуральным в своей основе хозяйством.

Действительная эксплоатация непосредственных производителей-крестьян феодалами сводилась в основном к сбору с зависимых крестьян оброков в натуральной форме, в состав которых входили и продукты обрабатывающей промышленности. Следовательно, господствовала рента продуктами. Свое собственное сельское хозяйство феодал вел в небольшом размере.

Русский феодал, в противовес своему западноевропейскому коллеге, до XVI в. лишь в незначительной степени был связан с рынком. Не только слабость развития рыночных отношений, но, главным образом, система ведения сельского хозяйства (подсечная и переложная), а также характер расселения при колонизации крестьян (селились небольшими группами в 2—5 дворов) и разбросанность этих поселений делали нерациональным ведение своего собственного хозяйства феодалами и определяли господство ренты продуктами.

Низкий уровень производительных сил, слабое проникновение торгово-денежных отношений в хозяйство как феодала, так и крестьянина, только наметившийся процесс сближения холопов и крестьян, плюс к этому продолжавшийся до XVI в. процесс феодализации так называемых белых земель и крестьян,—все это, вместе взятое, дает нам основание характеризовать русский феодализм до XVI в. *как незаконченный тип феодализма, находившийся в процессе формирования, как ранний феодализм.*

Характеризуя русский феодализм до XVI в. как ранний, находившийся в процессе своего формирования, мы тем самым ликвидируем один из главных аргументов Дубровского, которым он оперировал при характеристике производственных отношений феодализма, как основанных на ренте продуктами. Ссылка его на русский феодализм, где действительно господствовала рента продуктами, теряет свое значение, ибо мы здесь имеем дело с недоразвившимися формами феодализма.

Вместе с тем необходимо указать, что до сих пор при анализе причин, обусловивших медленный темп развития торгово-денежных отношений в России после XVI в. и своеобразие

развития нашего сельского хозяйства (и промышленности), обращали очень мало внимания на низкий уровень развития экономики нашего феодализма. А между тем в этом низком уровне развития экономики русского феодализма нужно искать исходный момент, определивший своеобразие исторического развития с XVI в.

Перелом в развитии производительных сил России намечается в конце XV в. и в начале XVI в. Сельское хозяйство переходит к трехполью, вместе с тем начинается процесс интенсивного общественного разделения труда—выделяется ремесло. Но, отделяясь от непосредственного сельскохозяйственного производства, ремесло в XVI — XVII вв. уже не могло повторить всех фаз своего развития, оно не выделилось в город, а осталось рассыпанным в порах крестьянских хозяйств нечерноземной полосы, медленно перерабатывая толщу натуральных потребительских крестьянских хозяйств. Процессу выделения ремесла в город мешало, с одной стороны, крепостное право, прикреплявшее крестьян и ремесленников к земле и к личности помещика, а с другой — развитие торгового капитала, опиравшегося как на связь с высокоразвитой Европой, так и на довольно глубокое географическое разделение труда внутри России. Часть ремесла уже с XVII в. преобразуется торговым капиталом в форму „кустарного" производства. Развитие как ремесла, так и начальных форм капиталистического производства пошло мимо русского города.

Организатором работы ремесла для широкого рынка (и для мирового) выступил торговый капитал — скупщик, а не выросший из недр цехового ремесла мастер-предприниматель. Перерастание ремесла в высшие формы пошло по реакционному пути.

Говоря о русском феодализме до XVI в., мы указывали на слабую связь крестьянских хозяйств с рынком, на слабое проникновение торгово-денежных отношений в толщу крестьянских хозяйств. Русский крестьянин вошел в XVI век с натуральным обликом хозяйства. Его хозяйство было приспособлено больше для уплаты натуральной ренты, нежели денежной. С XVI в. в нечерноземной полосе вместе с развитием ремесла в порах крестьянских хозяйств и ростом городов происходит

процесс втягивания крестьянских хозяйств в торгово-денежные отношения. Но внутренняя экономическая организация крестьянских хозяйств очень туго поддавалась разлагающему влиянию рынка. Процесс товаризации крестьянских хозяйств шел очень медленно, а тем самым русский крестьянин очень медленно превращался из плательщика ренты натуральной в плательщика денежной ренты. Западноевропейский крестьянин (Франции, Англии и т. д.) эту эволюцию проделал еще в эпоху феодализма, так как он уже довольно рано был втянут в торгово-денежные отношения в силу развития ремесла и выделения его в город. Русский крестьянин начинал оборачиваться к рынку в основном только с XVI в. Между тем помещик гораздо быстрее был вовлечен в орбиту торгово-денежных отношений; страсть к деньгам как к всеобщему эквиваленту, в связи с открывшейся возможностью получать предметы роскоши Западной Европы и пользоваться плодами городской культуры, развилась у него быстрым темпом. *Крепостное право и явилось тем рычагом, посредством которого помещик стимулировал крестьянские хозяйства к развитию товарно-денежных отношений, к выходу крестьянина на рынок в качестве продавца сельскохозяйственных продуктов для уплаты денежного оброка. Таково, на мой взгляд, чисто экономическое объяснение перехода к крепостному праву вместе с переходом к денежному оброку в нечерноземной полосе.*

Фактическая история крестьянской торговли сельскохозяйственными продуктами показывает, что крестьяне выступали на рынке как продавцы сельскохозяйственных продуктов прежде всего для уплаты денежного оброка помещику и государству. Крепостное право было могучим рычагом товаризации крестьянских хозяйств. Вместе с тем необходимо отметить еще одно важное обстоятельство. Довольно большая масса крестьян нечерноземной полосы чем дальше, тем больше переходила к неземледельческим промыслам—отхожим, ремеслу, сезонным работам и т. д.; свободные отношения означали бы уход этих групп в города из-за эксплоатации помещика. Поэтому, чем мощнее развивались тенденции к внеземледельческим промыслам, тем сильнее помещик зажимал пресс крепостного права, снимая сливки, беря дань с начавшегося процесса раз-

вития торгово-денежных отношений и начальных стадий капитализма. Город, сыгравший в Западной Европе огромную роль в деле освобождения ремесленников из-под власти феодала, в России, в силу слабости ремесла и торговли, до XVI в. не сформировал в своих стенах революционного класса и не создал условий для превращения бегущих в город ремесленников в свободных. Воздух русских городов не делал крестьян свободными. Класс же торговой буржуазии, быстро сформировавшийся в городах, был заинтересован в крепостном праве, так как это было мощным орудием, толкавшим крестьян и ремесленников к выходу на рынок, где они, раздробленные, связанные со своим маленьким наделом внеэкономическим принуждением, подгоняемые на рынок для уплаты денежных оброков, попадали в лапы скупщика-торговца, откупщика и т. д.

Исходя из теории Дубровского, очень трудно объяснить факт широкого развития с XVI в. (в особенности с XVII в.) денежного оброка одновременно с усилением крепостного права. Считать, что мы здесь имеем дело с крепостнической общественно-экономической формацией нельзя, ибо она, по мнению Дубровского, основывается на барщине; считать же, что это пережиток феодализма в крепостной общественно-экономической формации—тоже нельзя, ибо при феодализме, по мнению Дубровского, существуют мягкие формы зависимости, а не крепостное право; вместе с тем нельзя не считать пережитком феодализма в недрах крепостничества огромнейшую полосу (45% крепостных крестьян), при чем как-то странно географически локализированную в определенном районе. Нет, теория Дубровского никак не объясняет развития денежного оброка и крепостного права в нечерноземной полосе. Да он и не пытается объяснить это явление, а просто обходит его. Говоря об остатках феодализма в XVIII в., он указывает только на государственных крестьян (!). „Разумеется,—пишет он,—не следует думать, что в России крепостничество целиком вытеснило феодализм. Даже в XVIII в. имелись феодальные пережитки, которые выражались, например, в наличии так называемых государственных крестьян в северных губерниях, в Сибири и других районах, в наличии казачества... Поэтому строй дореволюционной России сплошь и рядом называют феодально-

крепостническим“ [1]. На кого из историков рассчитаны эти строки — сказать очень трудно.

Медленно развивающийся внутренний рынок для сельскохозяйственных продуктов был первой предпосылкой развития, а в дальнейшем определял собой устойчивость *крепостного (барщинного)* хозяйства. Медленно растущий рынок не давал стимулов для быстрого перехода феодального хозяйства на рельсы товарного производства и капиталистической организации труда. Бурный переворот в английском сельском хозяйстве в сторону капиталистических отношений определился потребностями в шерсти для выросшей суконной мануфактуры, работавшей для европейского рынка. У нас условий для такого переворота не было. К тому же русский феодал (как крупный, так и мелкий) до XVI в. очень слабо был связан с рынком, его хозяйство не было приспособлено к обслуживанию рынка, он пользовался в основном натуральными оброками, так что ему трудно было в XVI в. сразу переходить на капиталистические формы ведения сельского хозяйства.

С другой стороны, он не мог достаточно использовать и крестьян как плательщиков денежной ренты. Не говоря уже о том, что в недрах русского крестьянства не сформировался класс капиталистических фермеров, простым плательщиком денежного оброка, вместо натурального, русский крестьянин в черноземной полосе мог выступить только после длительной эволюции. В нечерноземной полосе, как мы видели, в связи с процессом выделения там ремесла и начальных стадий капитализма, крестьянин мог выступить таким плательщиком, и то лишь подгоняемый крепостным правом, внеэкономическим принуждением.

В черноземной же полосе, где уже с XVII в. слабо развивается ремесло и начальные стадии капитализма, крестьянин еще медленнее мог выступить таким плательщиком денежного оброка. Поэтому помещик свою жажду в деньгах начинает здесь удовлетворять путем выброски сельскохозяйственных продуктов своего собственного хозяйства на медленно растущий рынок, используя крестьян в качестве рабочей силы. Географическая локализация типов эксплоатации: в нечерноземной

[1] Указанная книга Дубровского, стр. 98.

полосе — денежного оброка, в черноземной — барщины, намечается еще в XVI — XVII веках и окончательно кристаллизируется в XVIII в. параллельно сползанию собственно сельскохозяйственного производства на черноземный юг. Систематическое сползание зернового хозяйства на черноземный юг и Поволжье оказало большое влияние на распространение и укрепление барщины. Сельскохозяйственное производство удалялось от рынков сбыта (нечерноземная полоса и города старого Замосковья), южные же города, как центры потребления сельскохозяйственных продуктов, росли очень медленно. В виду отдаленности рынков, крестьянин черноземной полосы менее всего мог выступить продавцом продуктов своего хозяйства. Организация барщинного хозяйства, с доставкой сырья в центр на крестьянских подводах, являлась неизбежным выходом при таком положении.

В этом географическом размежевании феодальных типов эксплоатации непосредственных производителей—крестьян — проявилось приспособление феодальных отношений производства к медленному темпу общественного разделения труда и медленному росту товарно-денежных отношений (или, иначе — к медленному темпу развития внутреннего рынка как для продуктов сельского хозяйства, так и обрабатывающей промышленности).

Выше мы рассматривали процесс развития крепостных отношений, не касаясь сопутствующих этому процессу классовых битв, войн и т. д. Между тем, как видно из приведенных выше замечаний Энгельса, эти моменты играли огромную роль в возобновлении крепостничества в Германии. То же самое и в России. Не вступая в оценку мнения, высказанного в исторической литературе, о том, что темп развития общественного разделения труда и роста товарно-денежных отношений в начале XVI в. сулил быстрый переход на капиталистические рельсы, мы должны указать на действительно энергичный темп развития общественного разделения труда и роста торгово-денежных отношений в начале XVI в. Но этот темп был снижен опричиной, которая ударила одним концом по крупному феодалу, стороннику удельной раздробленности, а другим—по ремесленнику и крестьянину. Участник походов опричников Генрих Штаден в своих воспоминаниях рисует картину грабежа крестьян опричниками. Начавшийся было подъем благосостояния

крестьян опять был нарушен; вместе с разорением крестьянин терял свою сопротивляемость процессу увеличения эксплоатации. На рост денежных оброков и барщины он реагировал массовым отливом на юг. Сельскохозяйственный кризис 70-х гг. XVI в., основной причиной которого является отлив сельскохозяйственного населения (да не только сельскохозяйственного, но и городского) на юг, еще больше снизил темп общественного разделения труда и роста внутреннего рынка. Вместо того, чтобы углубляться, рынок как бы расползался. Отход крестьян вызвал бешеную погоню за рабочей силой различных групп феодалов. Всевозможные законы, регулирующие и, наконец, запрещающие выход, явились результатом этой борьбы.

Ускользающего из рук крестьянина можно было эксплоатировать, предварительно закрепив его за собой, усилив личную власть над ним. Усиление личной власти, рост и усугубление феодального вотчинного режима идет параллельно росту эксплоатации и прекращению выхода крестьян. В этот период крестьяне де-факто начинают превращаться в крещеную собственность, которую продают с землей и без, делят и меняют.

Мощный толчок дальнейшему разорению крестьян и ремесленников был дан в эпоху смуты. Если не в течение целого поколения, как это было в Германии, то в течение многих лет в России тоже хозяйничала разнузданная солдатчина. И после смуты мы видим, как крестьянин за кусок хлеба, за ссуду для нового обзаведения или обновления старого хозяйства идет в личную кабалу, превращается в крепостного. Но эта же смута затормозила и развитие торгово-денежных отношений. Возврат натуральных повинностей (продуктовая рента), на что указывает Покровский, говорит только о натурализации хозяйств непосредственных производителей-крестьян. Тем более на основе экономических итогов смуты должны были расти крепостное право, выжимающее денежную ренту из разоренного крестьянина нечерноземной полосы, и барщина как рациональная форма эксплоатации крестьянина, являющегося плохим плательщиком денежных оброков в черноземной полосе, но зато вполне удовлетворительной рабочей силой, при условии медленного темпа развития рынка сельскохозяйственного сырья и непрекращавшегося роста потребности в деньгах у помещика.

З. Б. ЛОЗИНСКИЙ.

Концепция Дубровского подвергалась здесь вполне заслуженному обстрелу. И Кудрявцеву и Малышеву удалось в основном разоблачить ту методологически неверную, ошибочную, вредную позицию, которую занимает по ряду важнейших вопросов Дубровский. Оба докладчика развернули здесь весьма богатую и убедительную аргументацию. Но если мы внимательно вчитаемся в работу Дубровского, то сможем, пожалуй, без особого труда, привести еще не один аргумент против его методологии, его аргументации и основных положений.

Работа Дубровского отличается не только тем, что она вся построена на цитатах (это вообще основной признак данной работы, и поэтому ее необходимо отнести к младенческому периоду нашей науки), но и тем, что комментарии Дубровского в огромном количестве случаев ни в какой мере не соответствуют мыслям, которые заключаются в приводимых им цитатах.

Я допускаю, что, скажем, по вопросу об азиатском способе производства можно еще с автором спорить, можно даже с отдельными мыслями соглашаться, но зато должна быть полностью, целиком отвергнута наиболее слабая часть работы, Ахиллесова ее пята—раздел о крепостном хозяйстве.

В этом разделе имеется главка, носящая громкое название— „Маркс, Энгельс и Ленин о крепостном хозяйстве“ Казалось бы, что уже самый сюжет этой главки должен был обязать автора ко многому. Увы, как-раз в этой главке Дубровский выявил в полном объеме свою роковую способность бесцеремонного обращения с текстами, по праву заслуживающими большего уважения. Чтобы не быть голословным, я позволю себе привести две-три характерные иллюстрации.

Дубровский не может скрыть того, что у Маркса, Энгельса и Ленина часто „крепостничество и феодализм употребляются

как тождественные термины". Но это мало смущает нашего „комментатора". Все дело, изволите ли видеть, в том, что „феодально-крепостнические отношения между собою переплетались так же, как, например, при переходе крепостничества к капитализму, допустим, в России переплетались формы капиталистические с крепостническими". Приходится только удивляться, что Дубровский сам не замечает предельной нелепости своей, с позволения сказать, аргументации. Ведь тот факт, что в России на известном этапе исторического развития наблюдается более или менее прочное переплетение капиталистических и крепостнических отношений, никогда не давал Владимиру Ильичу повода смешивать воедино, отожествлять крепостничество с капитализмом. А вот термины „крепостничество" и „феодализм" у него выступают частенько действительно рядом, в определенном и совсем не случайном сочетании.

Дубровский в совершенно категорическом тоне утверждает, что, „часто, говоря о феодально-крепостных отношениях в России, о феодально-крепостной эксплоатации крестьянства и проч., Ленин все же четко подчеркивал, что крепостничество являлось особой общественной формацией". Вам нужны доказательства? Вот они: „Ленин еще в брошюре „Что такое друзья народа"... резко критиковал народников за то, что ими „крепостное право изображается не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей такую-то эксплоатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и другие порядки,—а просто, как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам" Для всякого непредубежденного человека ясно, что в этой цитате не содержится и намека на то, что крепостничество, якобы, является особой общественной формацией. В самом деле, в чем смысл этой цитаты? И противоречит ли в какой бы то ни было степени замечание Ленина взглядам на крепостничество, как на определенную разновидность феодализма? Дубровский благоразумно поставил точку там, где следовало поставить запятую. Ему имело бы смысл приводить ленинское замечание, в целях подкрепления своей „теории", лишь в том случае, если бы он взял на себя труд доказать, что всякий, кто не разделяет его, Дубровского, взглядов, неизбежно скатывается

к позиции народников, изображавших крепостное право лишь как „злоупотребления помещиков“... От этой смехотворной задачи Дубровский предусмотрительно уклонился, предпочтя, без лишних слов и утомительных рассуждений, попросту приписать Ленину... свои взгляды.

Все дальнейшие доводы построены подобным же образом, по аналогичному рецепту, с такими же чудовищными натяжками. Чтобы не переутомлять вас, товарищи, я приведу еще только один пример. На стр. 100 Дубровский пишет: „Ленин, ссылаясь на „Письма из деревни“ Энгельгардта, считал совершенно справедливым его указание о том, что „крепостное хозяйство было известной правильной и законченной системой, распорядителем которой был помещик, наделявший крестьян землею и назначавший их на те или другие работы“. Эта цитата столь же мало может помочь Дубровскому, так же бессильна выручить его из затруднительного положения, как и все другие цитаты из Маркса, Энгельса и Ленина, которые Дубровский несколько опрометчиво постарался привлечь на „службу“ своей теорийки.

Всякому, также и Дубровскому, должно быть ясно, что если всякая формация есть система, то не всякая система есть особая формация. Ленинские тексты не могут помочь Дубровскому по весьма простой причине: одно дело—концепция Маркса-Ленина, другое дело—„теория“ Дубровского... Не даром Дубровский не смог привести *ни одной фразы* из работ Маркса и Ленина, в которой содержалось бы прямое и действительно четкое определение крепостничества, как особой общественной формации. Неужели Маркс и Ленин не умели четко излагать свои мысли?

Я полагаю, что критическая часть докладов в общем удалась как Малышеву, так и Кудрявцеву. Доклад Кудрявцева можно разбить на две части. Одна часть, направленная против Дубровского, содержит ряд любопытных аргументов и представляет безусловный интерес, другая же часть—позитивная, где Кудрявцев пытается сконструировать свою собственную концепцию,—внутренне противоречива и возбуждает ряд серьезных сомнений. Кудрявцев в самом начале своего доклада напоминает известные слова Маркса о том, что не торговля производит

переворот в промышленности, а наоборот („не торговля действует на промышленность, как революционное средство, а промышленность постоянно производит переворот в торговле“). Но если этот принцип важно учесть при решении проблемы общественных формаций, то так же важно помнить о нем, когда мы рассматриваем вопрос об отдельных периодах, так как и здесь решающую роль играют не те или иные явления в области обмена, а те процессы, которые происходят в сфере производства.

Поэтому я считаю, что одни положения Кудрявцева противоречат другим. Кудрявцев говорит: „Если мы в пределах феодализма различаем ряд периодов, ряд фаз, если мы говорим о новой фазе капитализма по Ленину, то почему не выделить и начальную фазу капитализма“... Беда не в том, что Кудрявцев выделяет „начальную фазу капитализма“, а в том что он, вопреки им же высказанным принципиальным соображениям говорит о „периоде торгового капитала“ в то время как методологически было бы, конечно, правильнее и последовательнее учитывая весь представленный докладчиком материал, говорить о „мануфактурном периоде“.

Что касается Малышева, то я считаю, что его доклад имеет в методологическом отношении весьма большую ценность. Я думаю, что в основном его концепцию необходимо принять, и поэтому моя критика будет касаться лишь отдельных положений. Еще раз подчеркиваю: я отнюдь не отрицаю важности и обоснованности концепции в целом.

Мне представляется сомнительным один из тезисов, который Малышев в своем докладе неоднократно и на разные лады выпячивал на передний план.

Крепостное хозяйство рассматривается в этом тезисе, как хозяйство, имеющее своей целью производство исключительно *потребительных* ценностей, как хозяйство *потребительского* типа. Малышев явно преуменьшает товарные тенденции крепостного хозяйства. Особенно односторонне обрисован здесь Малышевым характер крестьянского хозяйства. Последнее, по мнению нашего докладчика, не имело никаких связей с рынком, и именно крепостное хозяйство явилось тем рычагом, при помощи которого удалось его вытащить на рынок. Если бы

этого рычага не было, то, в виду общей слабости товарных отношений, в виду того, что они не проникли в сферу крестьянского хозяйства, последнее продолжало бы долгие годы коснеть в условиях „натуральщины“. Такое представление о характере крестьянского хозяйства как-то не вяжется с брошенным здесь Малышевым замечанием, что уже в XVI веке намечалась, правда, в зачаточном состоянии, борьба между американским и прусским путями развития. Надо, товарищ Малышев, быть последовательным, необходимо как-нибудь сводить концы с концами. О каком-таком американском пути может быть речь, если ты так решительно отрицаешь связь между крестьянским хозяйством и развивающимися товарно-денежными отношениями? Здесь, мне думается, было бы уместно резче, значительно резче, чем это сделано в докладе, выдвинуть другую проблему, подчеркнуть другой момент, а именно — как барщина, развивающаяся на фоне потерпевших поражение, разбитых, разгромленных крестьянских движений, заглушала те ростки товарных отношений, которые, несмотря на бесчисленные препятствия, все сильнее и сильнее захватывали крестьянское хозяйство. Мы неоднократно спорили по докладам Томсинского, Мартынова и других о характере крестьянских движений в XVII—XVIII вв. Нет нужды доказывать, что точка зрения Малышева может лишь затруднить решение тех многочисленных вопросов (вопрос о прогрессивности и проч.),которые возникают при изучении крестьянских движений XVII—XVIII вв.

Надо ли выделять крепостничество, как особую общественную формацию? Конечно, нет. Можно ли отожествлять крепостничество с феодализмом? Безусловно, да. Что сближает крепостничество с феодализмом? Тип и способ соединения рабочей силы и средств производства. Этот признак является общим как для раннего феодализма, так и для крепостного хозяйства.

Феодализм определяется натуральным характером хозяйства, не в бюхеровском, конечно, смысле слова. И вот, какое выражение получает этот признак в эпоху крепостного хозяйства? Натуральные отношения в эту эпоху сказываются *больше всего* в формах организации труда, так как отношения между земле-

владельцами и непосредственными производителями продолжают носить тот же натуральный характер, что и при раннем феодализме.

Если вы будете следить за процессом развития крепостного хозяйства, то вы увидите, что для крепостного хозяйства становится все более и более характерным давление товарно-денежных отношений. С другой стороны, натуральная база в виде определенной формы организации труда (барщина) продолжает существовать вплоть до крушения данной системы. Мало того. До *известного предела* развитие товарно-денежных отношений не только не исключает феодальных форм организации труда, но сопровождается усилением их, приводит к такому явлению, как интенсификация барщины.

Таким образом, я считаю, что общей чертой крепостного хозяйства и феодализма вообще является, бесспорно, натуральный характер отношений, но последнее, в условиях крепостничества, следует искать, в первую очередь, в *натуральной организации труда*, в натуральных отношениях между непосредственным производителем и крупным землевладельцем, в *производственной* основе хозяйства. В конечном счете, что больше всего бросается в глаза при изучении эпохи крепостного хозяйства? Не сохранение прежнего потребительского характера, а процесс трансформации, перерождения, преобразования прежнего потребительского хозяйства в товаропроизводящее. Если вы поставите вопрос иначе, то не поймете, не уясните тех условий, которые подготовили торжество капитализма в России и, скажем, в Пруссии. Это ведь, в конечном счете, прекрасно понимает и докладчик, как можно узреть из ряда его положений. Вспомним хотя бы его слова о том, что в основе стремления помещика к усилению эксплоатации лежала именно связь с рынком. Еще резче, еще отчетливее звучит другое замечание Малышева о крепостничестве XVI—XIX вв., как о „своеобразном пути *разложения* феодализма". Как же можно, в свете всех этих положений, твердить, вопреки элементарным требованиям логики, о том, что крепостное хозяйство „выступает хозяйством, имеющим целью производство *потребительских* ценностей, а не меновых"?! Это остается „секретом изобретателя".

Я несколько удивлен тем обстоятельством, что Дубровский почему-то не воспользовался одним замечанием Ленина, которое при комментаторских „способностях" Дубровского, несомненно, побудило бы его написать еще несколько десятков страниц и окончательно почувствовать себя „победителем". Малышев эту цитату знает, но, как он откровенно „разъяснил" мне, он не хотел зря искушать умы своих слушателей и по сей причине не упомянул о ней. Я имею в виду следующую фразу из ст. „Аграрная программа социал-демократии"[1]: „классы рабского и феодального (а *также* и крепостного) общества были также и особыми сословиями" (курсив мой—*З. Л.*). Это очень любопытное положение, и напрасно Малышев замолчал его. Если бы он пренебрег своей боязнью искушать „малых сих" и постарался истолковать как следует ленинскую фразу, то он, быть-может, отказался бы от тех сомнительных положений (об исключительно потребительском характере крепостного хозяйства), о которых я уже упоминал. Это ленинское „*также*", конечно, не случайная обмолвка. Крепостничество является по существу своему тем же феодализмом, но оно имеет целый ряд *специфических* особенностей, превращающих его в *особый вид* феодализма (в стадии *разложения*).

Специфические особенности крепостного хозяйства заключаются, в первую очередь, как это превосходно изображено М. Н. Покровским, в росте связи с рынком. Крепостничество надо рассматривать не под углом зрения потребительских задач, а в процессе ясно обозначившегося *перерастания* потребительского хозяйства в меновое, товарно-денежное.

Кстати отмечу, что никак нельзя, конечно, согласиться с Лященко, рассматривающим в своих работах крепостное хозяйство, как „крупное товаропроизводящее хозяйство" (ср., например, „Историю русского народного хозяйства", стр. 131). Это — непозволительное преувеличение, понадобившееся автору в целях резкого противопоставления крепостного хозяйства феодально-вотчинному и явно противоречащее замечанию Владимира Ильича об „очень слабой связи" крепостного поместья с „остальным миром"[2].

---

[1] *Ленин*—собр. соч., т. XIX, стр, 289.

[2] *Ленин*—собр. соч., т. III, стр. 143.

Теперь, товарищи, другой момент. С одной стороны, Малышев допускает известный перегиб, когда, нападая на Дубровского, несколько смазывает товарные тенденции, развернувшиеся в условиях крепостного хозяйства (подобные перегибы в пылу полемики вполне простительны, такая беда случалась с весьма и весьма выдающимися людьми,— Малышев может легко этот дефект исправить), а с другой стороны, он невольно для себя протягивает руку Дубровскому.

К чему сводится концепция Дубровского? К тому, что эпоху феодализма характеризует рента продуктами, характерным же признаком крепостничества является отработочная рента. Дубровскому чудится в истории резкое „размежевание" этих двух форм ренты. Если хотите, то и у Малышева получилась схожая картина в отношении русской истории: у него эпоха раннего феодализма, затянувшаяся до конца XVI в., характеризуется оброком, затем наступает крепостничество, и оброк уступает место барщине. Спорить по этому вопросу очень трудно, так как количество исторических памятников, которые могли бы пролить свет на эту проблему (особенно для эпохи раннего феодализма), крайне недостаточно. Но и то, что мы имеем, позволяет нам взять под сомнение соответствующие положения, высказанные здесь Малышевым. В качестве примера можно сослаться хотя бы на известную грамоту Константиновскому монастырю, относящуюся к концу XIV в. Затем, мне хотелось бы привести свидетельство, принадлежащее человеку, имя которого не раз упоминалось у Дубровского и неоднократно приводилось в докладе Малышева, — я подразумеваю Владимира Ильича, который в III томе („Капитализм в России", стр. 252) бросил такую мысль: „*Отработочная система* хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времени *„Русской правды"* и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем". Несколько ниже: „Именно потому и прогрессивен капитализм в русском земледелии, что он обнаружил „пренебрежительное отношение" к „исконным", „освященным веками" формам *отработков* и кабалы, которых действительно не могли сломать никакие политические бури до „удельных безурядиц" и „татарщины" включительно" (Курсив мой — *З. Л.*).

Отработочная рента существовала задолго до установления крепостничества, и не с этой стороны нужно искать характерные признаки „нового периода“ в развитии русского феодализма. В эпоху раннего феодализма (до XVI в.) обе формы ренты — отработочная и продуктами — выступали в своеобразном переплете, при чем развитие крепостничества характеризовалось резким усилением эксплоатации непосредственных производителей на базе отработочной ренты, получившей весьма широкое распространение уже в предшествующую эпоху. *Ничего принципиально нового* в отношении ренты, на чем следовало бы фиксировать внимание при разборе занимающих нас сегодня проблем, в XVI в. не произошло.

Дискуссия, развернувшаяся вокруг работы Дубровского, будет иметь своим результатом, как можно предположить, дальнейшее уточнение нашей методологии и уяснение ряда существеннейших моментов марксистской исторической науки. Меньше всего мы будем обязаны подобными результатами Дубровскому, давшему в своей книге печальный образец исключительной методологической путаницы и беззаботного обращения с текстами, в которых каждое слово должно быть на учете, должно являться объектом тщательного и добросовестного изучения.

Н. Н. РОЗЕНТАЛЬ.

Товарищи, мне предлагают здесь защищать мою концепцию „торгового капитализма“. В связи с этим необходимо сделать соответствующие разъяснения.

В рецензии Куниского на мою книжку „История Европы в эпоху торгового капитализма“ („Историк-марксист“ № 7) мне ставится в главную заслугу то, что я рассматриваю торговый капитализм, как особую общественную формацию. Будучи очень благодарен Кунискому за его сочувственный отзыв, должен заметить, что он моей концепции не понял.

Я никогда не говорил об особой торгово-капиталистической формации общества с присущим ей способом производства. Я совершенно согласен с положением обоих докладчиков, что в европейской истории со времени упадка античного мира имели место только две антагонистические общественные формации: феодализм и капитализм. В моей названной книге идет речь о торговом капитализме лишь как об определенной исторической *эпохе* — переходной от феодализма к капитализму. Но и такого рода словоупотребление меня уже давно смущает. В общении с моими товарищами — научными работниками и слушателями — я неоднократно говорил, что если придется переиздавать эту книгу, я назову ее иначе: или „Историей Европы в эпоху первоначального накопления“, или просто „Историей Европы таких-то столетий“, и т. п., но, во всяком случае от термина „торговый капитализм“ откажусь.

Возникает вопрос, каково происхождение этого термина, а также какое содержание вкладывается в него нашей марксистской литературой? В сущности, торговый капитализм редко понимается в смысле особой общественной формации. Таким пониманием его грешил, с некоторыми оговорками, Богданов в своих известных книгах: „Краткий курс экономической науки“ и „Курс политической экономии“. Что касается М. Н. Покров-

ского, то у него выражение „торговый капитализм“ страдает некоторой неясностью. Большей частью М. Н. пользуется им для обозначения определенного общественного *класса*. Но иногда можно подумать, что он понимает торговый капитализм также в смысле формации,— когда он говорит, например, о том, что торговый капитализм уступает место промышленному. Наконец, Дубровский выступил с решительным отрицанием торгово-капиталистической формации, но в то же время вновь пустил ее в обращение под псевдонимом крепостничества. В самом деле, те признаки, которые Богданов и его единомышленники, сознательно или бессознательно, считали характерными для торгового капитализма, как формации, характеризуют, по мнению Дубровского, крепостничество.

Мне думается, что как с богдановским пониманием торгового капитализма, так и со всеми его вариациями нужно решительно бороться. Со времени разложения античного общества и образования классов у германцев и славян до эпохи пролетарской революции в Европе не было никаких других общественных формаций, кроме феодализма и капитализма. В этом отношении оба докладчика, по-моему, безусловно правы. Но в обоих докладах есть и кое-какие неясности, а отчасти и связанные с ними неправильности.

Прежде всего — А. Е. Кудрявцев. Говоря об эпохе торгового капитала в Европе — не о формации, а об эпохе,— Кудрявцев, стремясь к тому, чтобы, в отличие от Дубровского, представить европейскую историю в виде единого целостного процесса, склонен недостаточно учитывать своеобразие отдельных стран и районов. Капиталистический способ производства возник в Европе не везде в одно и то же время. Родиной европейского капитализма было побережье Средиземного моря, в особенности же Северная Италия. Как говорит Маркс, „первые зачатки капиталистического производства мы уже встречаем периодически в XIV и XV столетиях в некоторых городах на берегах Средиземного моря“ [1]. В Северной Италии в XIV—XV вв. феодальные производственные отношения были решительно вытеснены капиталистическими. Вместо феодалов и мелких самостоятельных производителей мы встречаем здесь

[1] *Маркс* — „Капитал“, т. I, гл. 24.

капиталистов и наемных рабочих. Конечно, итальянский капитализм представлял собою *раннюю* фазу капитализма, которую Маркс называл мануфактурным периодом — в отличие от позднейшего периода крупной промышленности. Несмотря на то, что в Италии тогда еще не было мануфактур в собственном смысле слова, мы можем утверждать, что там уже существовал мануфактурный (т.-е. капиталистический) способ производства, осуществлявшийся в форме мануфактурного разделения труда между многими частичными производителями. Во Флоренции и других промышленных центрах Северной Италии мы безусловно находим в XIV—XV вв. совместный труд значительного числа рабочих, объединенных если не в одном и том же помещении, то, во всяком случае, на одной и той же арене труда, для производства одного и того же сорта товаров, под руководством одного и того же капиталиста, что по Марксу, как известно, „и исторически и логически образует исходный пункт капиталистического производства“ [1].

И Маркс и Энгельс понимали мануфактурное производство более широко, чем „совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении“. В „Принципах коммунизма“, являющихся первоначальным проектом „Коммунистического манифеста“, мануфактура определяется вообще как подчинение ремесла купеческому капиталу.

Если в Италии мануфактурный период капитализма наступил уже в XIV в., то в других передовых странах Европы (Нидерланды, Англия) „капиталистическая эра“ началась позже, — только в XVI в. Но зато здесь капитализм получил несравненно более прочные основания и начал отсюда проникать в другие страны. Что же касается Италии, то ранний капиталистический расцвет ее северных государств сменился в XVI в. длительным упадком. В одном из примечаний к 24 главе I тома „Капитала“ Маркс дает сжатое, но безукоризненно точное описание этого процесса: „В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше, чем в других странах, крепостные отношения исчезли также раньше, чем где бы то ни было. Крепостные были здесь освобождены раньше, чем они обеспечили себе право давности на землю, на которой они жили. Эмансипация

[1] *Маркс* — „Капитал“, т. I, гл. 11.

превратила их, следовательно, тотчас же в свободных, как птицы, пролетариев, которые по большей части нашли новых господ в городах, оставшихся еще со времен римлян. Когда переворот, происшедший на мировом рынке в конце XV столетия, уничтожил торговую гегемонию Северной Италии, то возникло движение в обратном направлении. Городские рабочие массами были вытеснены в деревни, что привело к невиданному дотоле развитию мелкой культуры, огородного хозяйства". Специально занимаясь историей Италии, я могу привести в подтверждение этих слов Маркса целый ряд документов. В северо-итальянском обществе XIV—XV вв. действительно совершался переход от феодализма к капитализму, проявлявшийся во всех областях жизни. Мы видим здесь ряд политических революций буржуазии, насильственное уничтожение крепостного права и других феодальных привилегий и, в результате, быстрый рост народного хозяйства на новых, капиталистических, основах. Но в XVI в. этот рост уступил место регрессу, что было вызвано, в конечном счете, передвижением мировых торговых путей со Средиземного моря на Атлантический океан. Поэтому итальянский капитализм не получил общеевропейского значения. Сложившись в строго ограниченных хронологических и территориальных рамках, он может рассматриваться лишь как местный эпизод в истории Европы. Вследствие этого Маркс считал началом капиталистической эры не XIV, а XVI столетие. Лишь XVI, а также XVII века признаются им „периодом детства *современного* буржуазного общества" [1].

Именно в данный исторический период происходит в широких формах исчезновение классически-феодального способа производства — производства мелких самостоятельных производителей. Маркс отметил, что переход от феодального способа производства к капиталистическому совершался двояким образом: „В противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цехами ремеслу средневековой городской промышленности, производитель становится купцом и капиталистом. Или же купец непосредственно подчиняет себе производителя" [2]. Иными словами, в тех областях, где возникает

[1] *Маркс* — „К критике политической экономии", гл. 2, § 3.

[2] *Маркс* — „Капитал", т. III, гл. 20.

капиталистический способ производства, скупщик, торговый капиталист превращается в промышленного (производственного) капиталиста. Но в XVI—XVII вв. этот процесс наблюдался далеко не во всех странах Европы. Основной ошибкой А. Е. Кудрявцева является игнорирование специфических особенностей социального развития различных стран. Если в Северной Италии, Нидерландах, Англии имело место *непосредственное* подчинение производителя купцу, превращение торгового капитала в промышленный, то, например, в Восточной Германии или России купец мог подчинить себе производителя только через посредство феодала. Там производственные отношения продолжали оставаться феодальными.

Отрицать принципиальную, качественную разницу в общественной структуре стран с развивающимися капиталистическими отношениями и с сохраняющимися феодальными, конечно, большая ошибка.

Отсюда следует, что если задать вопрос: о какой же формации нам нужно говорить для Европы, начиная с XVI в.?— то придется ответить: в зависимости от района. В отдельных районах Западной Европы мы видим возникновение капиталистической формации, в большей же части европейских районов еще сохраняется феодальная формация.

Говоря об отсталых странах, в частности о России, А. Е. Кудрявцев напрасно утверждает, что там общественные отношения приспособлялись к капиталу. В действительности в этих странах имело место обратное явление, именно — приспособление торгового капитала к господствовавшим там феодальным отношениям.

Но если согласиться с тем, что в XVI—XVII вв. в Европе сосуществовали различные формации, то спрашивается — как же называть эту эпоху? Какой производственный принцип положить в основу ее наименования — прогрессивный или консервативный? Мне думается, что периодизация исторического процесса должна строиться по линии образования новых общественных форм, а не разложения старых. Поэтому я бы назвал изучаемую эпоху — эпохой раннего капитализма. Если до сих пор мы называли ее торгово-капиталистической эпохой, то этим нами подчеркивалась мысль Маркса о том, что в мануфактур-

ный период развития капитализма торговля господствовала над промышленностью[1]. Но за основу исторической периодизации следует брать отношения производства, а не обмена. Поэтому гораздо правильнее говорить не об эпохе торгового капитала, но об эпохе мануфактурного производства, точнее—о мануфактурном периоде капиталистического производства. Но, конечно, говорящие так не должны забывать того, что в эту эпоху мы имеем капиталистические отношения не только далеко не во всех странах Европы, но даже далеко не во всех областях Зап. Европы. Нужно помнить, что „современный способ производства в своем первом периоде, мануфактурном периоде, развивался только там, где условия для этого создались еще в средние века. Стоит сравнить, например, Голландию с Португалией[2].

Обращусь теперь к Малышеву. Если Кудрявцев недооценивает силы исторической инерции, не замечает за тенденциями общественного развития преобладающих реальных отношений, то Малышев делает противоположную ошибку. По его мнению, феодализм в России оставался неизменным чуть ли не до XIX в. Справедливо упрекая Дубровского в совершенно произвольном конструировании особой крепостнической формации общества, отличной от феодализма, Малышев в пылу полемики не замечает существенных изменений в феодальном строе России XVI и следующих веков, обусловленных развитием торгового капитала. Докладчик недооценивает факт разрушительного, разлагающего действия последнего. Крепостное право, появившееся в России в XVI столетии, было незнакомо более раннему феодальному периоду. Это — продукт перерождения старинной власти сеньора под влиянием торгового капитала. Вспомним слова Маркса: „Торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью, главным образом, потребительную стоимость“[3]. Но из этого, разумеется, вовсе не следует, что развитие торгового капитала в XVI и следующих веках должно было повсюду в Европе привести к возникновению капиталистического способа произ-

[1] *Маркс* — „Капитал“, т. I, гл. 24 и др.

[2] *Маркс* — „Капитал“, т. III, гл. 20.

[3] *Маркс* — „Капитал“, т. III, гл. 20.

водства. „К чему приводит этот процесс разложения,— читаем мы далее у Маркса, — т.-е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство". Интересно отметить, что и впоследствии в отдельных европейских странах расцвет торговли иногда сопровождался возрождением античного рабства. Так было, например, в Сицилии XII—XIII вв., в Португалии XV—XVI вв. Характерно, что в то самое время, когда в Северной Италии развивалось городское ремесло и складывались предпосылки для капиталистического способа производства, Южная Италия и в особенности Сицилия с их классическими латифундиями и дворовой промышленностью вводили у себя рабский труд.

Что касается русского крепостничества XVI и следующих веков, то это, разумеется, феодальная формация, но обнаруживающая тенденции приближения к рабству. Рабовладельческая система, как таковая, в России не могла сложиться, в силу объективных условий, которые направили наше экономическое развитие на путь крестьянского земледельческого (зернового) хозяйства, но феодальная эксплоатация крестьянина приняла у нас, начиная с XVI в., неслыханные раньше размеры. Этот факт не может быть объяснен ничем иным, кроме развития торгового капитала, что, в свою очередь, стоит в прямой связи с возникновением капитализма на Западе. В данном случае мы имеем чрезвычайно яркую иллюстрацию слов Маркса: „как только народы, у которых производство совершается в сравнительно низких формах рабского, крепостного труда и т. д., начинают втягиваться мировым рынком, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. прививается цивилизованный ужас чрезмерного труда" [1].

Только правильное понимание роли торгового капитала в феодальном обществе может помочь нам, в частности, разре-

[1] *Маркс* — „Капитал", т. I, гл. 8.

шить сложный вопрос о классовой природе абсолютизма. Не соглашаясь с пониманием абсолютизма Дубровским как „диктатуры крепостников“, Малышев определяет абсолютизм как такую государственную власть, которая балансирует между двумя классами: феодалами и буржуазией. Это определение является каутскианской вульгаризацией известной мысли Энгельса о том, что „в исключительные периоды, когда борющиеся классы достигают равновесия сил, государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними“... Такой „посредницей“, по Энгельсу, была, в частности, абсолютная монархия XVI—XVIII вв., но Энгельс нигде не дал специального определения абсолютизма. Однако, едва ли можно спорить с тем, что превращение феодально-сословной монархии в абсолютную происходит вследствие обострения противоречий между высшими и низшими классами феодального общества на основе сращивания интересов феодалов и купечества. Феодал, живущий старинным самодовлеющим хозяйством, гораздо меньше эксплоатирует производителя, чем феодал, втянувшийся в торговлю, и поэтому гораздо меньше, чем последний, нуждается в сильной централизованной государственной власти. Абсолютизм, как и крепостное право, возникает в феодальном обществе в результате разложения феодальной экономики торговым капиталом. Мы не можем понять абсолютизм в его феодальном аспекте, не приняв во внимание перерождения раннего феодализма и превращения феодалов в орудие торгового капитала. Конечно, абсолютизм далеко не всегда связан с крепостничеством. Характерно, что абсолютизм присущ всем тем эпохам, когда буржуазия, как новый, экономически возвышающийся класс, еще слишком слаба для того, чтобы захватить государственную власть непосредственно в свои руки. Несмотря на все своеобразие исторического развития отдельных европейских стран, каждая из них в свое время пережила стадию абсолютизма, за исключением только Северной Италии, где буржуазия созрела настолько рано, что могла вырвать власть у феодалов без посредства абсолютного монарха. Во всех же других странах мы видим, раньше или позже, установление абсолютизма, между прочим, и в Англии и даже,

с моей точки зрения, в XV в. в Нидерландах. (*Голос*: В эпоху бургундского владычества?). Совершенно верно, во времена Филиппа Доброго и Карла Смелого. Но, вообще говоря, вопрос об абсолютизме чрезвычайно сложен и, по-моему, нуждается в особой дискуссии.

Вот, приблизительно, все, что я хотел сказать.

А. М. РОЗЕНБЕРГ.

Я сосредоточу свое внимание на тезисе 14 доклада Кудрявцева, где имеется положение, которое мне кажется неправильным. Читаю этот тезис: „XVI в. вводит нас в пределы капиталистической формации, и эпоха торгового капитала составляет начальную ее фазу". Против этой тезы я выставляю три следующих положения: 1) „Эпоха торгового капитала" начинается не в XVI в., а раньше—примерно, в XI—XII вв.; между тем здесь докладчик проводит грань по другому поводу. Говоря, что „эпоха торгового капитала" начинается в XI — XII вв., я этим подчеркиваю, что при всем огромном различии в степени развития капитала, капитал в XI — XII вв. и в XVI — XVII вв. выполнял преимущественно одну и ту же функцию торгового, купеческого капитала. Мне кажется, что употреблять этот термин специально для обозначения эпохи XVI—XVII вв. не следует хотя бы уже потому, что именно в эту эпоху с появлением капиталистического способа производства капитал выступает также и в форме промышленного. Вообще же я полагаю, что, пожалуй, лучше всего совсем не употреблять этого термина. 2) Западно-европейский торговый капитал в XVI — XVIII вв. зиждется преимущественно на элементах не капиталистического, а феодального способа производства. Это подтверждается уже тем, что в это время мы видим господство именно торгового капитала. В III томе „Капитала" Маркс пишет: „Самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т.-е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства"[1]. 3) Капиталистическая формация поскольку в основу каждой формации мы кладем господство определенного способа производства, начинается не с XVI в., а несколько позже. XVI в.

[1] *Маркс* — „Капитал", т. III, ч. I, стр. 252 (Гиз. третье изд.).

можно считать началом капиталистического летосчисления лишь в том смысле, что с этого времени начинается усиленное развитие капиталистического способа производства, но он отнюдь еще не господствует. Надо сказать, что темп разложения докапиталистического способа производства у нас обычно переоценивается. Тут, прежде всего, переоценивается роль скупщиков. История знает множество различных категорий скупщиков, которые по-разному и в разной степени разрушают феодальный способ производства, а также и такие категории, которые старый способ производства не разрушают, а консервируют. Я не согласен с Н. Н. Розенталем, который склонен считать, что с момента появления торговцев-скупщиков имеет место капиталистический способ производства. (*Розенталь:* Я сказал— в определенных районах). Привожу ту же цитату из Маркса, которую приводил и Розенталь, только я ее прочту до конца. „Переход от феодального способа производства совершается двояким образом. В противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цехами ремеслу средневековой городской промышленности производитель становится купцом и капиталистом. Это действительно революционизирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство. Какое бы влияние ни оказывал последний путь исторически как переходная ступень — примером может служить английский суконщик XVII столетия, который подчиняет своему контролю ткачей, все же оставшихся самостоятельными, продает им шерсть и покупает у них сукно, — однако он сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, который, скорее, консервируется и удерживается при этом как необходимое для него самого предварительное условие". И далее: „Такие отношения повсюду являются препятствием для действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития" [1].

Торговый капитал не всегда разрушает феодальные способы производства, а иногда консервирует их. Я могу указать на один любопытный факт, с которым я столкнулся, работая над историей женевских и лионских ярмарок. Обладавший сильно развитой текстильной промышленностью город Фрейбург в западной Швейца-

[1] *Маркс* — „Капитал", т. III, ч. I, стр. 258 (Гиз, третье изд.).

рии в 90-х гг. XV в. и в начале XVI в. работал целиком на южно-немецкую фирму Вельзеров. Вельзеры снабжали промышленность этого города большею частью необходимых материалов. Вельзеры забирали всю продукцию и сбывали ее через Венецию на Восток. Цеховая организация была полностью сохранена, начинавшие было разрушаться цехи снова восстановились, и через них Вельзеры и связывались с производителями, не имея с последними непосредственно никаких дел. При изучении возникновения капиталистического способа производства следует обратить главное внимание на „истинно революционизирующий путь“ (Маркс), когда сам производитель становится капиталистом. Торговый капитал вообще не особенно охотно идет в промышленность, он идет туда широкой волной только при наличии определенных выгодных условий. Такие условия, прежде всего, наступают тогда, когда рынок предъявляет массовый спрос на дешевку. XVI в., когда впервые наблюдается большой приток капитала в промышленность, идет под знаком требования дешевого товара.

Почему требование дешевки играет такую роль? Помимо того, что оно говорит о том, что произошло отделение производителя от средств производства, что былой производитель, удовлетворявший прежде свои потребности в собственном хозяйстве, теперь нуждается в предметах потребления,—оно показывает еще, что масса дешевой малоквалифицированной нецеховой рабочей силы выкинута на рынок труда, и что нужен товар, для производства которого не требуется особой квалификации. Вот выгоды, благодаря которым капитал в это время идет в промышленность, идет, главным образом в форме скупщичьего капитала. Мануфактур в XVI в. крайне мало. Секрет того явления, что в XVI в. растет спрос на льняные материи, которые в предшествующие века постепенно вытеснялись шерстяными, заключается в том, что имеется требование дешевки. Наконец, успех низкосортного английского сукна в эту эпоху объясняется, главным образом, тем же. Кстати, Малышев непочтительно отозвался о немецком полотне. Производство этого полотна в XVI в. объясняется не только тем, что немецкое производство развивалось медленно, но и тем, что в это время рынок требовал дешевого товара, и дешевое

полотно, которое выделывалось в Германии, было в ходу. Указывая на роль дешевки в проникновении капитала из торговли в промышленность, я не упускаю из вида, что в развитии мануфактур большую роль играли как-раз дорогие товары, дешевка же по большей части вызывала к жизни лишь отношения, которые „повсюду являются препятствием для действительного капиталистического способа производства". Такова уж судьба торгового капитала, что главная масса его, соприкоснувшаяся с промышленностью, не привела к созданию действительно капиталистического способа производства. Небезинтересно отметить, что подавляющее большинство немногочисленных в общем попыток крупных торговых компаний эпохи создать капиталистически организованное производство оказались бесплодными. Это лишний раз иллюстрирует „тот закон, согласно которому самостоятельное развитие купеческого капитала находится в обратном отношении к степени развития капиталистического производства" [1].

Однако, я далек от мысли начисто отрицать роль торгового капитала в качестве организатора капиталистического способа производства. Не буду останавливаться, за недостатком времени, на других моментах, которые способствовали притоку торгового капитала в промышленность, скажу только, что даже тогда, когда такие выгодные условия были налицо, все же торговый капитал притекал в промышленность, сравнительно медленно. И вот любопытный факт. На ряду с развитием торгового капитала в XVI в. мы видим возникновение многочисленных новых цехов. В большинстве французских городов большая часть цехов возникает в XVI в. и даже в XVII в.; таких примеров много и в Германии. Это показывает, что новые отрасли промышленности, возникающие в тех или иных пунктах, приобретают преимущественно некапиталистические формы производства, что некоторые организации ремесленников, ранее слишком слабые, чтобы добиться цеховых прав, теперь настолько усилились, что добиваются этих прав. Как бы далеко ни шло капиталистическое перерождение цеховой промышленности (это сам по себе очень важный момент в генезисе капиталистического способа производства), считать цехи XVI века формами капиталистической

[1] *Маркс* — „Капитал", т. III, ч. I, стр. 253 (Гиз, третье изд.).

организации промышленности, лишь замаскированными средневековой цеховой оболочкой, все же, разумеется, нельзя. Таким образом, на ряду с наступлением капитала держится еще и старый способ производства.

Статистики XVI—XVIII вв., которая дала бы нам возможность в цифрах выразить соотношение феодального и капиталистического способов производства, мы не имеем, но я полагаю, что на основании изучения материалов XVI в., — я, главным образом, занимаюсь этим веком,— можно утверждать, что в XVI в., во всяком случае, капиталистический способ производства — еще далеко не господствующий. *Господство* капиталистического способа производства начинается в Западной Европе, на мой взгляд в конце эпохи, в XVII—XVIII вв. Разумеется, для отдельных стран и даже областей — здесь величайшие колебания. Когда же всецело господствует капиталистический способ производства, тогда, как указывает Маркс, сходит со сцены сильный *самостоятельный* торговый капитал.

Вот основные замечания, которые я хотел сделать по докладу Кудрявцева. Но я хотел бы еще коснуться одного положения доклада Малышева. Малышев говорит об экономической деградации Германии в XVI в. О деградации Германии можно говорить, имея в виду лишь западную часть Германии, ибо восточная в эту эпоху экономически как-раз прогрессирует. Что же касается запада Германии, то и тут эпоха деградации начинается, по новейшим изысканиям, лишь в последней трети XVI в. (*Малышев:* Это не моя мысль, это цитата Маркса из „Святого Макса"). Малышев указал, что в России, в противоположность Западу, натуральная рента предшествует отработочной. Этот момент меня заинтересовал. Дело в том, что во многих областях Восточной Германии мы также замечаем аналогичное явление, при чем ранний примат натуральной ренты связан с колонизацией. После доклада Малышева, заинтересовавшись этим вопросом, я постарался выяснить, как обстояло дело в Испании, где также имело место колонизационное расселение. К сожалению, я не мог до конца выяснить вопрос, но, повидимому, и там сперва существует натуральная рента, которая потом заменяется отработочной. Это объясняется, вероятно, тем, что во всех этих странах играет большую

роль колонизационное расселение. Поэтому и в России, и в Испании, и в Восточной Германии мы видим аналогичные моменты. Вопроса о причинах замены в этих странах натуральной ренты отработочной я сейчас не ставлю.

Еще одно краткое замечание по поводу одного утверждения Кудрявцева. Кудрявцев рассматривает появление книги, посвященной российскому купечеству, как известный показатель, свидетельствующий о том, насколько значительно был развит торговый капитализм в России. Я думаю, что поскольку эта книга является не чем иным, как сокращенным переводом знаменитого словаря Savary, переведенного на целый ряд языков, она показательного значения для России не имеет.

П. П. ЩЕГОЛЕВ.

Товарищи, я буду говорить только по первому докладу, по докладу Кудрявцева.

Я должен сказать, что товарищи, занимающиеся изучением эпохи торгового капитализма, как сам докладчик, так и выступавшие в прениях, проявили некоторую робость и нежелание дать законченное определение тем эпохам и формациям, с которыми мы имеем дело в западно-европейском историческом процессе. Так, например, Розенталь, на мой взгляд, правильно отметивший некоторые слабые стороны в докладе Кудрявцева, в конце-концов, не дал никакой характеристики эпохи. Он кончил тем, что согласился и на первоначальное накопление и на мануфактурный период. Это нельзя считать точным определением эпохи. Во всяком случае, я приветствую Розенталя за то, что он отступил от характеристики, данной им в его книге, где эпоха XVI—XVIII вв. определялась как эпоха господства класса торговых капиталистов. С этим ошибочным определением мы уже покончили и к нему больше возвращаться не будем.

Попробуем выяснить, что представляла собою эта эпоха. Я думаю, что нет надобности зачитывать тезисы Кудрявцева— их все знают; укажу только на то, что в них подчеркнуты два момента: разлагающая роль торгового капитала и реорганизация производства.

Прежде всего—о разлагающей роли торгового капитала. Этот момент и в тезисах, и в докладе был взят чисто механически. Феодальный способ производства разлагался и до XVI в. и после, сначала менее интенсивно, потом более интенсивно. У докладчика, таким образом, дан момент количественный, момент же качественный, позволяющий определить, почему так называемый хозяйственный переворот должен быть отнесен не к XIII—XIV вв., а именно к XVI, не был указан.

Правда, докладчик связывает хозяйственный переворот с моментом реорганизации производства. Но что это такое? Ведь это в высшей степени туманное, неотчетливое, я бы сказал, неудовлетворительное понятие. Что такое реорганизация производства? Ведь эту реорганизацию производства можно понимать так, как ее понимал Маркс, и так, как ее понимает Зомбарт. Мне кажется, что уточнение тех определений, с которыми нам приходится оперировать, является делом в высшей степени актуальным. Уточнение это необходимо для успешной борьбы с Зомбартом и с другими представителями буржуазных течений. Сталкиваясь, например, с периодизацией, данной у Зомбарта, и сталкиваясь с данной им характеристикой реорганизации производства в эпоху раннего капитализма, мы должны противопоставить Зомбарту наше понимание этой реорганизации. Маркс дал общие основы периодизации исторического процесса еще в „Коммунистическом манифесте“, при чем уже там немаловажную роль играет *мануфактурный период.* Вопрос о мануфактуре был затронут здесь Розенталем, но хотя Николай Николаевич и говорил о мануфактурном периоде, все же он не дал, в конце-концов, точного определения того, что представляет собою мануфактура. Простое противопоставление мануфактуры крупной промышленности означает механистическую постановку вопроса, означает заострение количественного момента. А нам необходимо установить качественное отличие мануфактуры и место мануфактурного периода в историческом процессе. Уже в „Коммунистическом манифесте“ Маркс говорит об особом мануфактурном способе производства. „Прежний, феодальный способ производства не в состоянии был удовлетворить спрос, развившийся вместе с открытием новых рынков. Это место заняла мануфактура... но рынок все более расширялся, спрос постоянно увеличивался. Мануфактурный способ производства, в свою очередь, оказался недостаточным. Тогда пар и машина произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла нынешняя крупная промышленность“.

Переходя далее к главе XII „Капитала“, мы находим следующее характерное место: „Кооперация, покоящаяся на разделении труда, создала себе классическое выражение в мануфактуре. Как характеристическая форма капиталистического

процесса производства она господствует в течение собственно мануфактурного периода, который тянется, приблизительно, со средины XVI столетия вплоть до последней трети XVIII".

Маркс дал также характеристику предпосылок „мануфактурного периода": „Так как товарное производство и товарное обращение составляют всеобщую предпосылку капиталистического способа производства, то для мануфактурного разделения труда необходимо, чтобы разделение труда внутри общества достигло уже известного развития... Если мануфактурный способ производства захватывает какое-нибудь ремесло, которое до сих пор было связано с другим производством как главное или побочное и производилось одним и тем же производителем, — то немедленно наступает разделение и взаимное обособление этих ремесл"...

„Разделение труда, характерное для мануфактуры — по Марксу — является продуктом капиталистического способа производства. Тогда как разделение труда внутри целого общества — все равно, обусловливается ли оно обменом товаров или нет — оказывается свойственным самым различным общественно-экономическим формациям, мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства".

Далее, чрезвычайно важно отметить, что Маркс свое определение мануфактуры связывал с представлением о решительном преобладании ручного труда. Говоря о развитии машин в мануфактурную эпоху, Маркс неоднократно подчеркивал, что можно говорить лишь о спорадическом развитии машин. В XII главе I тома „Капитала" Маркс пишет следующее: „Мануфактурный период развивает спорадически также употребление машин, особенно в некоторых первоначальных своих процессах, которые приходится выполнять только в больших размерах и с большой тратой сил..." Особое значение Маркс придает производству средств производства и приводит в качестве примера для XVII в. писчебумажные мануфактуры и металлургические заводы. Тем не менее, для Маркса, мануфактурный период остается эпохой господства ручного труда, так что мы имеем право противопоставлять мануфактуре машинофактуру или, иначе говоря, капиталистическую фабрику конца XVIII и

XIX века. Итак, у Маркса мы находим определенное и отчетливое указание на то, что с XVI в. наступает эпоха капиталистического производства, которая выступает перед нами в особой форме, в форме мануфактурной промышленности.

Дальнейшее развитие марксовских положений о мануфактурном периоде мы находим у Ленина. В статье „К характеристике экономического романтизма" Ленин, полемизируя с Николаем—оном бросает ему следующий упрек: „... г. Н.—он отождествляет таким образом *капитализм с машинной индустрией*. Это — грубая ошибка. Значение научной теории в том и состоит, что она выяснила настоящее место машинной индустрии, как *одной стадии* капитализма" [1].

В этой же работе Ленин, анализируя борьбу мануфактуры и фабрики в текстильной индустрии, указывает, что „здесь происходила смена двух форм капитализма".

Дальше Ленин говорит: „г. Н.—он... замалчивает существование капиталистической мануфактуры, этой предшествующей машинам стадии капитализма" [2].

Развернутое определение мануфактуры у Ленина находим в его работе „Кустарная перепись в Пермской губернии". В качестве основных признаков мануфактуры здесь приводится разделение труда между мастерской и мелкими заведениями, ручное производство, нахождение торговца во главе предприятия и переход трудящихся на положение наемных рабочих. „Работа на скупщика принадлежит большей частью к капиталистической мануфактуре... Эта форма промышленности означает уже, как известно, глубокое господство капитализма, будучи непосредственной предшественницей последней и высшей формы его, т.-е. крупной машинной индустрии" [3].

Учение Маркса о мануфактуре встречает до сих пор в высшей степени непримиримое отношение у буржуазных теоретиков. Зомбарт в последнем издании „Современного капитализма" пишет, что ни одно из положений „Капитала" не наделало столько вреда и не было таким ошибочным, как именно положение о мануфактуре. Марксовскому понятию о мануфактуре,

---

[1] *Ленин*—собр. соч., т. II, изд. 1923 г., стр. 208.

[2] Там же, стр. 210.

[3] Там же, стр. 447.

как о начальной стадии капиталистического производства, Зомбарт противопоставляет свое, в котором смешиваются и мануфактура и фабрика. В конечном счете, у него момент машинизации совершенно стирается, у него игнорируется наш основной критерий. У Зомбарта появляется, правда, понятие крупной промышленности и даются всевозможные классификации ее форм, но нет никакой исторической, генетической последовательности между мануфактурой и фабрикой, основанной на машинном труде. Есть параллельное сосуществование этих двух форм, не больше.

Имея в виду теорию Зомбарта, и надо было, говоря о реорганизации производства, точно определить и указать характер этой реорганизации. Я думаю, в данном случае руководящим для нас остается указание Маркса о спорадическом характере применения машин в эпоху мануфактуры. Это основной момент, который позволяет рассматривать мануфактурный период как особую стадию капиталистического производства, к которой могут быть применены четыре признака, указанные Лениным, но стадию, которая резко отличается от стадии машинной индустрии, ибо только в XVIII в. наблюдается переход от ручного труда к машинному.

Тем не менее, учение Маркса о мануфактуре будет неполным, если ограничиться цитатами, которые я привел. Имеется еще одно важное указание, которое завершает собою XII главу I тома „Капитала“: „В то же время мануфактура не могла ни овладеть общественным производством во всем его объеме, ни перевернуть его до основания. Точно красивый шпиль (Sie gipfelte als ökonomisches Kunstwerk) она венчала широкое здание городского ремесла и сельской домашней промышленности, но ее собственный технический базис был узок, и на известной ступени развития он оказался в противоречии с созданными ею же самой потребностями производства“...

Эта цитата наголову разбивает обычные возражения буржуазных экономистов в роде Анри Сэ или Кулишера, сводящиеся к тому, что Маркс, дескать, имел преувеличенное представление о количестве мануфактур и об их экономической значимости. Маркс никогда ничего не говорил о господстве мануфактуры, о том, что именно мануфактура завершает про-

цесс разложения феодального способа производства. Наоборот, как видите, мануфактура была лишь „красивым шпилем“ венчавшим *здание* разлагающегося ремесла. Именно это место имеет в виду Ленин в своем „Развитии капитализма“, когда он подчеркивает двойственную природу мануфактуры. „С мелкими промыслами,— пишет Ленин,— мануфактуру сближает то, что ее базисом остается ручная техника, что крупные заведения не могут поэтому радикально вытеснить мелкие, не могут совершенно оторвать промышленника от земледелия... с фабрикой мануфактуру сближает образование крупного рынка, крупных заведений с наемными рабочими, крупного капитала, в полном подчинении у которого находятся массы неимущих рабочих“ [1].

Покончив с цитатами, я перейду к некоторым критическим замечаниям по поводу доклада. Прежде всего о грани, образуемой XVI в. Я считаю, что ее нужно искать не в торговом капитале. Никто не будет утверждать, что торговый капитал создает особые способы производства, свою общественную формацию; но когда мы берем XVI в., когда мы пытаемся построить периодизацию от XVI в. до XVIII в., то мы должны исходить из марксовского понятия мануфактурного периода. Вопрос этот имеет большое методологическое значение, между прочим, и при изучении так называемого старого порядка во Франции. Общая установка так называемой „русской школы“ привела здесь к тому, что развитие мануфактуры было на все сто процентов затушевано, вследствие чего мы получили картину французской революции, как революции, происходившей в эпоху, когда была лишь ремесленная и „домашняя“ промышленность. Эта концепция „русской школы“ совершенно не совпадает с основными положениями Маркса.

Перехожу к следующему замечанию. Если мы имеем в XVI в. хозяйственный переворот, если мы под ним будем понимать возникновение капиталистического способа производства, создание мануфактуры как первой его стадии, если мы примем все это, то как же придется расценивать эпоху с XI в. до начала XVI в.? Можно ли говорить, что это была эпоха торгового капитала? Я считаю, что самый термин „эпоха торгового капитала“, термин, встречавшийся и в докладе Кудрявцева, должен

[1] *Ленин* — собр. соч., т. III, стр. 299.

быть совершенно устранен. Это понятие эпохи торгового капитала уже сыграло известную методическую и педагогическую роль. Тем более странно, что у Кудрявцева оно вновь расцветает пышным цветом. Для того, чтобы отказаться раз навсегда от подобной терминологии, мы должны расстаться и с половинчатыми формулировками Кудрявцева. Что касается периода XI—XVI вв., то мы должны исходить из того, что здесь имеется разложение феодального способа производства, а также, в связи с этим, рост торгового капитала как фактора разрушения феодального способа производства, как фактора, способствующего скорейшему распаду феодализма. Но торговый капитал в западно-европейском историческом процессе выполняет свою историческую роль только с появлением капиталистической мануфактуры. Он выполняет эту роль не в сфере обмена, а как организатор капиталистического способа производства на определенной его ступени,— на мануфактурной ступени. Мануфактурный период тянется в Западной Европе с XVI в.; при этом необходимо иметь в виду оговорку, сделанную Марксом относительно Италии.

Я считаю, что эта формулировка должна нас избавить от тех многословных и мало конкретных формулировок, которые были предложены выступавшими до меня товарищами. Я думаю, что нам нужно иметь ясное представление о методологических предпосылках исторической периодизации у Маркса. С понятием же торгового капитала, которое еще удержалось у Кудрявцева, нужно будет распроститься, и чем скорее, тем лучше. В конце-концов, о торговом капитале вы можете говорить и в XI и в XVI вв., но это еще не дает нам никакого точного критерия. Одно дело — роль торгового капитала до появления мануфактуры и другое дело — при мануфактуре.

В заключение я приведу еще несколько замечаний, связанных с характером имевших тут место выступлений. Во-первых, полное игнорирование указаний Маркса относительно мануфактуры, полное игнорирование представления о мануфактуре как первоначальной фазе капиталистического производства может привести к целому ряду недоразумений, которые ярче всего проявились в выступлении Розенберга. У него торговый капитализм начинается с XI в. (*Голос:* с XII). Ну, один век ему

можно подарить! Дальше, роль торгового капитала у Розенберга сводится к тому, что капитал этот консервирует отсталый феодальный способ производства. Это есть непонимание роли торгового капитала (*Розенберг*: Не так!). Вы, товарищ Розенберг, это утверждали, мы все это слышали. Вы подчеркивали как один из моментов вашего расхождения с докладчиком то положение, что торговый капитал зиждется на феодальном, а не на капиталистическом способе производства. У вас не только вылетает мануфактура, вы не только ставите себя в невозможность понять марксовскую концепцию мануфактурного периода, вы, кроме того, приходите в противоречие с исторической действительностью. На целом ряде фактов можно было бы показать, что историческая роль торгового капитала в Западной Европе сводится не к сохранению, а к разложению феодального способа производства.

Дальше вы говорили, что хозяйственный переворот, переход к капиталистическому способу производства произошел не в XVI в., а значительно позже. Одно из двух: или вы понимаете под капиталистическим производством машинную индустрию, тогда вас можно упрекнуть в том, в чем Ленин упрекал Н-она, ибо это есть игнорирование мануфактуры, в котором повинны были русские народники... (*Розенберг:* Вы просто извращаете мои слова). Одно из двух, или вы считаете, что в данном случае переход к новому капиталистическому способу производства имел место не в форме мануфактуры, а в форме машинной индустрии, или вы просто отодвигаете возникновение мануфактуры к XVII—XVIII вв., игнорируя опять-таки указание Маркса на то, что мануфактурный период начинается с XVI в. Никаких фактов, противоречащих этому положению Маркса, вы не привели да и вряд ли могли бы привести. В связи с докладом Малышева я перечел мастерский эскиз аграрной истории Германии, данный Энгельсом в его фрагменте о марке. Положения, развитые Энгельсом в этом отрывке, бьют, между прочим, по Дубровскому. У Энгельса прямо говорится, что „капиталистический период" возвещает о себе восстановлением барщины. Между тем, по Розенбергу, оказывается, что восстановление барщины коренится не в усилении эксплоатации крестьянства, не в тех особых условиях, которые создались

в Германии в результате крестьянской войны и последовавшей за нею хозяйственной депрессии, а в колонизации! Тут Энгельс, разойдясь с Розенбергом, стал бы отстаивать свою старую концепцию, которая, на мой взгляд, абсолютно подтверждается новой литературой и сводится к тому, что восстановление барщины явилось результатом усиления помещичьего гнета, усиления эксплоатации крестьянства, на основе присвоения помещиками отработочной ренты. Усиление это стало возможным благодаря целому ряду предпосылок. К этим предпосылкам Энгельс относит крестьянскую войну, Тридцатилетнюю войну, политическую реорганизацию государственного строя Германии, благоприятствовавшую сохранению всевозможных феодальных пережитков, и, в конечном счете, развитие торгового капитала. Таким образом, натиск торгового капитала в условиях отсталого хозяйства может привести к восстановлению барщинных отношений, так что в данном случае торговый капитал до поры до времени действительно консервирует производственные отношения феодальной формации. Против этого я не спорю. Нельзя, однако, не отметить, что Розенберг, перегнувший палку в другую сторону, придавший торговому капиталу характер консервативной силы, охраняющей феодальные отношения, прошел мимо тех моментов, когда торговый капитал действительно выполняет миссию восстановления системы феодально-крепостнической эксплоатации. По мнению Розенберга, распространение барщины связано с успехами колонизации. Колонизационный процесс заменяет у него внеэкономическое принуждение, заменяет страницы, вписанные, говоря словами Маркса, мечом и пламенем в историю человечества!

А. ПРИГОЖИН.

Я думаю, что в задачу всех выступавших сегодя входила не только критика отдельных положений докладов Кудрявцева и Малышева, но, главным образом, освещение вопросов, связанных с проблемой общественно-экономических формаций. Нам, историкам-марксистам, пора уже договориться о том, что мы понимаем под общественными формациями, как мы рассматриваем учение Маркса о феодализме, торговом капитале и т. д.

Выяснение этого кардинальнейшего вопроса марксистской методологии истории тем более необходимо, что выступавшие до меня товарищи, как мне кажется, в этих вопросах безбожно путали: путали не только Розенберг и Розенталь, но, как мне кажется, ошибался в некоторых вопросах и Щеголев. Но рассматривая все эти вопросы, затрагиваемые тем или другим докладчиком, нельзя не остановиться на тех положениях, которые выставлял Дубровский в своей книге „К вопросу о сущности „азиатского" способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала".

Так как концепция Дубровского в основном заострена на методологических проблемах, то мне придется с этих проблем и начать. Методология Дубровского отнюдь не построена на добросовестном изложении или оригинальном толковании учения Маркса и Энгельса. Вместо принципиального обоснования своих положений, мы имеем дело с выдергиванием отдельных цитат и своеобразной их интерпретацией. Что делает Дубровский и до него делали некоторые товарищи, чтобы приобрести марксистообразный вид? Они брали какую-нибудь цитату из Маркса (чтобы не утруждать себя,—первую попавшуюся в руки) и на основании этой цитаты строили теорию, в худшем случае, а в лучшем — объявляли написанное ими стопроцентным марксизмом.

В самом деле, Н. Н. Розенталь в своей книге „История Европы в эпоху торгового капитализма" с первых же строк

объявляет: „Торговым капитализмом называется такой общественный строй, при котором экономическое и политическое господство в обществе принадлежит классу торговых капиталистов". Использовав в дальнейшем цитату из „Коммунистического манифеста" насчет того, что феодальные производственные отношения „оказались не соответствующими вызванным к жизни производительным силам", Розенталь, оторвав эту цитату ото всей концепции Маркса по вопросу о переходе от *феодализма к капитализму*, сконструировал эпоху *торгового капитализма*. Между тем замечание Маркса, даже относящееся к одной и той же формации, не всегда относится к одному и тому же периоду. К сожалению, Маркс не оставил нам подробной концепции докапиталистических формаций, как это он сделал в отношении капитализма, а ограничился лишь отдельными замечаниями.

Обратимся теперь к выяснению учения Маркса и Энгельса об общественных формациях. Но, прежде чем перейти к основоположникам научного социализма, послушаем, что говорит Дубровский. Дубровский обвиняет всех его критиков в том, что они не понимают проблемы формаций и укладов. Дубровский в своей книжке заявляет, что „уклад это совокупность производственных отношений" (стр. 19). Мы знаем, что Маркс неоднократно указывал на то, что совокупность производственных отношений определяет собой способ производства и экономическую структуру общества. Получается, по Дубровскому, что уклад это способ производства или экономическая структура общества. Исходя из такой постановки вопроса, мы придем, следуя за Дубровским, и к тому, что общественная формация определяется укладом и производственными отношениями, ибо и в книжке Дубровского, на странице 59, даже принимая во внимание его поправки, намеченные во „втором издании"[1], сказано: „Всякая общественная формация определяется способом производства и отношениями людей в процессе производства, т.-е. производ-

[1] К книге Дубровского приложен список опечаток, где рядом с настоящими опечатками находятся такие исправления, которые позволяют говорить о „втором издании книги". Так, например, в цитируемом ниже определении формации напечатано: „*расстановкой* людей в процессе производства", а согласно требуемых исправлений: „*отношениями* людей", что нами и сделано, и т. д.

ственными отношениями". Если и к этой формулировке добавить разъяснения, даваемые Дубровским насчет укладов, то мы ни на иоту не разрешим интересующий нас вопрос, а еще больше запутаемся в нем. Собственно говоря, разницы между формацией и укладом сам Дубровский не понимает. Маркс во втором томе „Капитала" указывает, что характерным для системы производственных отношений является способ соединения рабочей силы и средств производства.

„Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение (рабочих и средств производства — *А. П.*), различает отдельные экономические эпохи социальной структуры"[1]. Не понимая этого, Дубровский и мог скатиться к бухаринской постановке вопроса о „расстановке" людей в процессе производства.

Итак, какие основные признаки кладет Маркс в основу формаций? Я считаю, что в наиболее законченном виде характеристика формаций дана во второй части III тома „Капитала", где говорится, что проблема формаций раскрывает „самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя"[2].

Основным элементом общественных формаций Маркс считает, во-первых, специфическую *форму эксплоатации* — „специфическую экономическую форму, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственного производителя"; с формой эксплоатации связана проблема господства и подчинения, каким оно „вырастает из непосредственного производства"; во-вторых, вырастающую на основе формы эксплоатации *экономическую структуру общества*, т.-е. „непосредственное отношение собственников в условиях производства к непосредственному производителю", различие, которое в каждую данную эпоху зависит, между прочим „от развития способов труда". Сюда надо прибавить еще замечание Маркса, сделанное им в I томе „Капитала", где он говорит о том, что при анализе производства надо обращать внимание не столько на то, *что* производится, сколько на то, *как* производится. „Экономические эпохи,— пишет Маркс,— различаются не тем, *что* производится, а *как* производится, *какими средствами труда*"[3]. Этот

[1] *Маркс* — „Капитал", т. II, стр. 12.

[2] *Маркс* — „Капитал", т. III, ч. II, стр. 375.

[3] *Маркс* — „Капитал", т. I, стр. 155.

момент упускают обычно сторонники „азиатского способа производства“, а между тем, уже с точки зрения проблемы развития „способов труда“, „азиатский способ производства“ терпит фиаско, так как „способ труда“, господствующий в „азиатском обществе“,—*феодальный*. Сюда надо еще прибавить вопрос о соединении рабочей силы и средств производства и вытекающий из способов труда характер прибавочного продукта. Несомненно, что для каждой общественной формации, для каждой эпохи мы имеем как своеобразную, специфическую форму соединения рабочей силы и средств производства, так и особую форму прибавочного продукта. В-третьих, формацию определяет политическая форма суверенитета „отношения и зависимости, короче — всякая данная специфическая форма государства“. Я считаю, что эта постановка Маркса не оставляет никаких сомнений насчет сущности формаций.

Это классическое выражение основных признаков, которыми характеризуются общественные формации, является первым основным методологическим положением, которое здесь надо установить. Второе положение заключается в следующем: когда Дубровский выступил по вопросу об укладах и формациях, то он, по-моему мнению, упустил следующий важнейший принцип марксистской методологии — непрерывность исторического развития—принцип, на котором базируется проблема исторического развития,— связь человеческой истории.

В знаменитом письме к Анненкову Маркс совершенно ясно и определенно указывает эти основные принципы историзма: „люди не свободны в выборе производительных сил, так как они наследуют производительные силы предшествующих поколений“. „Благодаря тому простому факту,— пишет Маркс, — что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые предыдущими поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, благодаря этому факту возникает связь в человеческой истории, образуется история человечества“ [1].

Эту же мысль Маркс отмечает в своем „Введении к критике политической экономии“: „Так называемое историческое разви-

[1] Письмо от 28 декабря 1846 г.

тие общества покоится на том, что последующая форма рассматривает предыдущую как ступень к самой себе"[1].

Таким образом, поскольку люди наследуют производительные силы, созданные предыдущими поколениями, постольку они берут из этого наследства материал для нового производства, и благодаря этому развивается человеческая история. Я считаю, что проблема „историзма" является вторым основным моментом марксистской методологии и решает вопрос относительно укладов и формаций. Я несколько забегаю вперед и говорю, что несомненно формация наследует предыдущие остатки формаций, принявших характер укладов, и превращается в своем развитии сама в уклад для будущей формации. Такова, по-моему, зависимость между формацией и укладом при историческом развитии.

Третьим чрезвычайно важным методологическим моментом при анализе исторического процесса, с точки зрения общественных формаций, является вопрос о взаимоотношениях между производительными силами и производственными отношениями, взятыми с точки зрения общей диалектики общественно-исторического процесса. Мне кажется, что лучше всего эту диалектику изобразил Плеханов в своей критике Струве: „Производительное воздействие общественного человека на природу и совершающийся в процессе этого воздействия рост производительных сил это — *содержание*; экономическая структура общества, его имущественные отношения, это — *форма*, порожденная данным содержанием (данной ступенью „развития" материального производства) и отвергаемая вследствие *дальнейшего развития того же содержания*"[2].

Если экономическая структура общества является формой по отношению к содержанию, заключающему в себе проблему производительных сил, то мне кажется, что Дубровский проблемы формаций не понимает; он не понимает той диалектики общественно-исторического процесса, которая находит свое выражение в формациях. Отсюда его страшная путаница в вопросе „формаций" и „укладов".

Таковы те положения, которые нужно взять в основу при

---

[1] *Маркс* — „К критике политической экономии". 28.

[2] *В. Г. Плеханов* — собр. соч., т. XI. „Критика наших критиков".

рассмотрении учения Маркса об общественных формациях и с точки зрения которых концепция Дубровского теоретически не выдерживает никакой критики.

Перейду теперь к вопросу, связанному с периодизацией истории на основе учения Маркса об общественных формациях. Мы, марксисты, делим человеческую историю на три периода: доклассовое общество, классовое общество и бесклассовое общество. Мы сегодня разбираем только формации, относящиеся к классовому обществу. Здесь спор может итти лишь по линии количества формаций—три формации или четыре. В своем знаменитом „Введении к критике политической экономии“ Маркс пишет (стр. 11): „В общих чертах можно наметить как прогрессивную эпоху экономического формирования общества — азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства“. В „Наемном труде и капитале“ Маркс различает три формации: античное общество, общество феодальное и общество буржуазное. „Они являются, — пишет Маркс,— совокупностью производственных отношений, из которых каждое обозначает вместе с тем и особую ступень развития в истории человечества“. На деле у нас, марксистов-историков, наиболее ожесточенный спор идет по вопросу об „азиатском способе производства“ — существовал ли особый „азиатский способ производства“ или „азиатский способ производства“ является разновидностью феодализма.

Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, я начну с *„античного способа производства“*. Предупреждаю, что в своем выступлении я не могу подробно развить учения Маркса о всех общественных формациях, тем не менее основное необходимо здесь изложить.

„Античный способ производства“.

„Античный способ производства“ в основном, по Марксу, характеризуется, по-моему, двумя главнейшими признаками. Прежде всего — *рабовладельчество*. „В античном мире... рабовладельческое хозяйство превращается в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости“[1]. Рабовладельческая система отличается, как ука-

[1] *Маркс*—„Капитал“, т. III, ч. I, стр. 316.

зывает Маркс, от системы наемного труда тем, что раб — несвободный рабочий — сам превращен в средство труда. Наконец, экономическое развитие античного общества характеризовалось также торгово-капиталистическими отношениями, покоившимися на рабстве, растовщичестве и грабеже покоренных народов, при чем развитие этих торгово-капиталистических отношений протекало в своеобразной *античной* форме. „В древнем Риме, начиная с последних лет республики, когда мануфактура стояла ниже среднего уровня ее развития, в античном мире купеческий капитал, денежно-торговый капитал достиг высокого пункта развития *в пределах своих античных форм*"[1].

В чем же характерная особенность этой „античной формы торгового капитала"? „В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала,—пишет Маркс в другом месте,— постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство"[2]. Что происходит в античном обществе? Господствующая рабовладельческая система тесно связана с войной, разбоем, грабежами. На основе развития этих форм эксплоатации и присвоения богатств развивается торговый капитал. Торговый капитал, по учению Маркса, не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости. Его сфера деятельности — обращение, а не производство, но он всегда стремится выйти из сферы обращения в сферу производства с тем, чтобы превратиться уже из торгового капитала в промышленный. Когда торговый капитал в античном обществе, который существует, как указывал Маркс, „как боги Эпикура" в порах всякого общества, стремится попасть в сферу производства, то он попадает в рабовладельческое хозяйство, а рабовладельческое хозяйство не дает возможности торговому капиталу превратиться в промышленный. Наивысшее развитие, к которому приводит торговый капитал в античном обществе, это — мануфактура. Вот в чем, по-моему, проблема „античного способа производства" и связанного с ним торгового капитала в античной форме. Таким образом, „античный способ производства" в тот самый период, когда он достиг своей зрелости, уже таит в себе черты разложения. Поэтому мне кажется, что античный способ производства сложился в своем классиче-

[1] *Маркс*—„Капитал", т. III, ч. II, стр. 107.

[2] *Маркс*—„Капитал", т. III, ч. II, стр. 316.

ском виде, т.-е. в период, когда наиболее ярко обнаружились черты его разложения, в древнем Риме, в конце царствования Антонинов (96 — 192 новой эры). В этот период разбой и завоевания достигли своего предела, и подчинение всего античного мира Риму базировалось, с одной стороны, на неэквивалентном обмене с римскими колониями и, с другой стороны,— на широко развитой рабовладельческой системе, охватывающей как сельскохозяйственное производство, так и производство городах. Говорить, как это делает Дубровский, о том, что „античный способ производства" характеризуется только рабовладельчеством, значит — упрощать проблему. Одно рабовладельчество не определяет отношений собственника средств производства к непосредственному производителю. Одна рабовладельческая система не определяет способов эксплоатации, а тем более „политической формы суверенитета", а ведь эти признаки и лежат в основе учения Маркса об общественных формациях.

Феодализм.

Феодализм представляет собой определенную *общественную формацию* с характерными для нее „специфической экономической структурой", „политической формой суверенитета и зависимости"—специфической формой государства и системой целого ряда надстроек.

Переходя к анализу экономической структуры феодального общества, необходимо в первую очередь отметить ее отличительные признаки. Основой феодального способа производства, по Марксу, является главным образом, *сельскохозяйственное производство* [1]. „Но феодальные отношения, имея своей основной базой сельскохозяйственное производство, не исключают также ремесленного и мануфактурного труда [2].

Сущность феодализма, как общественной формации, с другой стороны, заключается в „отношении господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства". Феодальное производство имеет своим источником фео-

---

[1] *Маркс* — „Введение к критике политической экономии", стр. 29—30.

[2] *Маркс* —„Капитал", т. III, ч. II, стр. 265 и т. I, стр. 251.

дальную *эксплоатацию* — присвоение крупными земельными собственниками, монополизирующими право на землю, труда непосредственных производителей.

Это присвоение труда непосредственных производителей крупными землевладельцами - феодалами значительно затруднено, так как мелкий землевладелец владеет сам, как говорит Маркс, „средствами производства и условиями труда, необходимыми для производства средств *его собственного* существования". В силу этих обстоятельств класс феодалов — земельных монополистов прибегает не только к экономическому, но и *внеэкономическому* принуждению, то-есть к открытому насилию. Последнее же легче всего достигается, когда „непосредственный производитель" выступает как несвободный. Внеэкономическое принуждение и личная зависимость, „принадлежность к земле" феодала и являются той специфической экономической формой, которой в эпоху феодализма „неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей". А на этой форме эксплоатации основана, по словам Маркса, вся структура экономического общества, вырастающего из самых отношений производства, — то, что Маркс называет *экономической структурой общества.*

Выражением феодальной формы производственных отношений является *рента* в своей первоначальной и простой форме: „отработочная рента", „рента продуктами" и, отчасти, уже в эпоху разложения феодализма, „денежная рента".

Отработочная рента соответствует ранней форме феодальных отношений. Она характеризуется, по словам Маркса, тем, что „непосредственный производитель часть недели обрабатывает фактически принадлежащую ему землю при помощи орудий труда (плуг, скот и т. д.), фактически и юридически принадлежащих ему же, а остальные дни недели работает в имении землевладельца, на земле владельца, даром" [1].

Именно при отработочной ренте господствует внеэкономическое принуждение, так как „в состав природы, приносящей ренту, — продолжает Маркс там же, — входит и прикрепленная к земле *человеческая рабочая сила"*. Одним из видов такого внеэкономического принуждения является *барщина*, связанная

[1] *Маркс* — „Капитал", т. III, ч. II, стр. 265—266.

с „неразвитостью всех общественных принудительных сил труда... примитивностью самого способа труда“.

Более высокие формы производственных отношений выступают при „ренте продуктами“. Рента продуктами предполагает „более высокую ступень развития труда (непосредственного производителя—*А. П.*) и общества вообще“. Непосредственный производитель работает уже, как указывает Маркс, „не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя“, а „под своей *собственной ответственностью*, подгоняемый силой *отношений* вместо непосредственного принуждения и постановлениями закона вместо плети“[1]. Признаки, которыми характеризует Маркс эпоху господства ренты продуктами, несомненно, относятся к периоду развитых феодальных отношений, когда неорганизованные возникающие отношения частной зависимости, характерные для раннего периода феодализма, заменяются довольно стройной системой установившихся отношений, освященных законодательной санкцией. Прибавочный продукт выступает тогда уже не в виде барщины, а, главным образом, в виде *оброка*. „Прибавочный продукт,—говорит Маркс о ренте продуктами,—образующий ренту, есть продукт соединенного земледельческо-промышленного семейного труда, причем, как это было часто в средние века, в ренту продуктами могут входить в большей или меньшей мере *промышленные* продукты, или же она доставляется лишь в форме *собственно-земледельческого* продукта. При этой форме ренты, рента продуктами, в которых воплощается прибавочный труд, может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с формой отработочной ренты, больший простор для того, чтобы приобрести время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому“[2].

Обратимся к классовой стороне производственных отношений при феодализме. Уже отмечалось выше, что организация промышленного производства в феодальную эпоху и соответствующие ей формы собственности носят земледельческий характер. Классовые производственные отношения в феодальную

---

[1] *Маркс*—„Капитал“, т. III, ч. II, стр. 270.
[2] *Маркс*—„Капитал“, т. III, ч. II, стр. 270—71.

эпоху характеризуются властью, соединенною с землевладением, лишь номинально объединенною в лице монарха. „Во всех странах Европы,— говорит Маркс,— феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно бо́льшим количеством ленно-зависимых крестьян. Могущество феодальных *господ, как и всяких вообще суверенов*, определялось не размером их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от *числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство*“ [1].

Таким образом, на одном полюсе феодального общества мы видим „господ“ и „сюзеренов“, а на другом —„ленно-зависимых крестьян“. Существование этих двух классов, являющихся основными классами феодального общества, ни в коей степени не противоречит тому факту, что в городах мы имеем торговую знать—„патрициев“ и цеховых мастеров и подмастерьев. „Патриции“ и часть цеховых мастеров принадлежали к классу „господ и сюзеренов“, а обычные мастера и подмастерья — к истинным производителям. Двухклассовое феодальное общество не исключает наличия целой иерархии — лестницы феодальной зависимости, основанной на величине земельного владения и количестве вассалов. „Что касается действительной иерархии средних веков,— пишет Маркс,— то мы замечаем лишь то, что она не существовала для народа, для массы. Для массы существовал лишь феодализм, а иерархия — настолько, насколько она сама являлась феодализмом“ [2]. Присвоение паразитическим классом феодалов в свое монопольное пользование не только прав на землю, но и военных, административных и судебных функций, приводит к тому, что в развитом феодальном обществе порабощением зависимых крестьян классом землевладельцев закрепляется система *привилегированных сословий*, политическим выражением которых была иерархия.

Наконец, феодализм, как экономическая система, имел свою специфическую надстройку в виде феодального государства и феодальной идеологии. „В средневековом феодальном государстве,— говорит Энгельс в своей работе „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ (стр. 112—113),— *политическая власть* соответствовала величине *поземельного*

---

[1] *Маркс*—„Капитал“, т. I, стр. 740.

[2] „Святой Макс“.

имущества... Феодальное государство было органом *дворян ради господства над крепостными крестьянами*".

В заключение необходимо отметить, что феодализму, как особой формации, соответствует переход от *натурального хозяйства к хозяйству товарному.* Внутри феодального общества как бы происходит борьба двух начал — натурального и товарного. Вначале преобладают натуральные отношения, хотя обмен, весьма ограниченный, не перестает существовать, а затем побеждают товарные отношения. Последний период характерен уже для эпохи разложения феодализма.

Таковы основные признаки феодализма, как особой формации, особого способа производства. Существование особого феодального способа производства означает, что всякая страна, всякий народ, нация и т. п. образования, исторический путь которых лежал через феодализм, характеризовались в области своего социально-экономического строя в основном разобранными выше признаками. „Это не препятствует тому, — указывает Маркс, — что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий, — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении *бесконечные вариации и градации,* которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств" [1].

Развитие европейских стран в эпоху феодализма обнаруживает, с одной стороны, проявление основных признаков, характерных для феодального способа производства, о которых шла речь выше, а, с другой стороны, мы видим в этом развитии и „бесконечные вариации и градации", о которых говорил Маркс.

Так выглядит феодализм, как общественная формация, с точки зрения учения Маркса. Посмотрим теперь, правилен ли теоретический анализ Маркса, данный феодализму, как общественной формации, оправдывается ли на конкретном историческом материале анализ феодализма, как особого способа производства. Я утверждаю, что хотя Маркс и не оставил нам историю Запада в эпоху развития феодализма, тем не менее отдельные его замечания по поводу феодализма показывают, что Маркс серьезным

[1] *Маркс*—„Капитал", т. III. ч. II, стр. 267.

образом работал над конкретным историческим материалом и на основании изучения этого материала дал нам глубочайшее понимание движущих сил развития европейского общества и общества других стран в эпоху развития феодализма.

Самая природа феодализма ставит перед нами прежде всего вопрос о генезисе феодального общества и о процессе его развития. Маркс занимался вопросом о происхождении европейского феодализма. В знаменитом „Введении к критике политической экономии" Маркс указывает, что европейский феодализм сложился в результате „взаимодействия, которое дает начало новому синтезу". Этим взаимодействием было взаимодействие общественно экономического строя Римской империи в эпоху упадка и основных тенденций развития древне-германского общества. Это взаимодействие римского и германского „миров" и дало в своем синтезе европейский феодализм. Как шел этот процесс взаимодействия? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить основные тенденции общественного развития Западной Римской империи в эпоху упадка.

„Античный способ производства", господствовавший на территории Римской империи, ко времени нашествия варваров разложился и его место заняли общественно-экономические отношения, развивавшиеся в сторону феодализма. В IV и V веках, накануне окончательной варваризации Римской империи, господствовавшим типом земельной собственности в пределах Западной Римской империи было поместье и преобладающим типом землепользования — колонатное держание.

На территории крупных землевладельческих хозяйств — латифундий — не только экономическая, но и политическая, власть над сидевшим на земле этих поместий крестьянством перешла в руки крупных земельных собственников — магнатов. Рядом с поместьем огромного размера уживалось и римское свободное село, обитателями которого были средние и мелкие собственники крестьяне, уцелевшие от разорения. Хотя роль римского свободного села в хозяйственной жизни страны была не велика, тем не менее с населением этих сел как-раз и были связаны отношения *патроциния* — частного покровительства: мелкий крестьянин-собственник, чувствуя свою беззащитность, стремился вступить в так называемые *прекарные* отношения

с сеньором, поставить свой участок под покровительство крупного земельного собственника. Так на территории Западной Римской империи возникли отношения условного владения землей и частной зависимости.

Процесс феодализации общественных отношений, кроме того, в значительной степени усиливался политикой императорского правительства. Если государственная власть действительно боролась с прекарными отношениями, как подрывавшими основы центрального правительства, то, начиная еще с III века, она вступила на путь государственной регламентации поместных отношений. Прикрепление колонов к земле, передача полицейских, фискальных и судебных функций в руки крупных землевладельцев в действительности были ничем иным, как признанием за поместьями роли одного из верных проводников экономической политики центрального правительства. Но превращение земельных магнатов в чиновников государственной власти не было случайным мероприятием в экономической политике императорского правительства; оно шло параллельно с принудительным привлечением на помощь бюрократической власти других классов римского общества—куриалов и ремесленников.

Таким образом, на территории Западной Римской империи еще до ее варваризации, до ее „падения“ сложились начала поместных отношений — зародыши сеньориальных прав, поместной юстиции и отношений частной зависимости — типичные признаки феодального развития. Феодализм Римской империи эпохи упадка характеризовался, понятно, своими специфическими чертами, своими „вариациями“ и „градациями“, о которых говорил Маркс. Хозяйственный строй Римской империи III — V веков, регрессировавший от господства торгово-капиталистических отношений, достигших в конце республики и в первый период империи высшего расцвета, к преобладанию натуральных отношений, сохранил многочисленные остатки торгово-капиталистических отношений: товарно-денежные отношения, частную собственность, развитую государственную власть и довольно развитую идеологию. Именно этот строй явился одним из элементов взаимодействия, в результате которого создался феодализм.

Другим элементом был социально-экономический строй древне-германского общества. Общественно-экономические от-

ношения германцев до утверждения на территории Римской империи характеризовались в первую очередь существованием общинных порядков, начавших уже, правда разлагаться. Хотя частной собственности на землю не существовало, однако, распределение земель при каждом новом передвижении соответственно социальному положению отдельных лиц привело, несомненно, к неравенству в землепользовании: отдельные семьи, входившие в родовой союз, пользовались пахотной землей в количестве, соответствовавшем их хозяйственной способности, в зависимости от количества орудий и средств производства — скота и рабов. А так как распределение этих средств производства стало уже неравномерным, то общинная собственность ограничивалась исключительно „альмендой", т.-е. общими угодьями: лесами, лугами, водами и т. п. Среди же семейных хозяйств, несомненно, имелись и крупные участки, которые обрабатывались отчасти членами семьи, отчасти трудом рабов, занятых на поле своего хозяина (наподобие римских колонов). Имущественное неравенство приводило к социальному неравенству. Социальная диференциация древне-германского общества нашла свое выражение в существовании, с одной стороны, свободных общинников и германской знати, из числа которых выходил король, и, с другой, — крепостных. Вспомним указание Маркса на то, что у германцев „земледелие с помощью крепостных было обычным способом производства". Наконец, развитие обмена у германцев, как бы незначителен этот обмен ни был по сравнению с римским, постепенно приводило к развитию товарных отношений. В области политической в результате разложения родового строя у германцев создались племенные образования, носившие характер примитивных государственных объединений и возглавлявшиеся королями, стремившимися к завладению новыми, пригодными для земледелия, территориями.

Таким образом, экономическое развитие римлян к моменту завоевания Римской империи и экономическое развитие германцев—завоевателей—в основном соответствовали друг другу. „Экономическое развитие победителей, — говорит Энгельс, — мало разнилось от такого же развития побежденных".

Варваризация Римской империи привела к усилению прекарных отношений, которые последовательно превратились в

бенефициальные и вассальные, пока не превратились в феодальные.

Конкретная история говорит нам, что феодализм уже в самую раннюю эпоху своего развития представляет собой систему, базирующуюся на внеэкономическом принуждении, систему, для которой характерна, как указывал Маркс, отработочная рента или крепостничество. Поэтому абсолютно необоснованно говорить, что крепостничество представляет собой какую-то особую формацию, как это делает Дубровский. Такое утверждение он не будет в состоянии подтвердить на конкретном историческом материале никакой страны.

Не будучи русским историком, я с полной ответственностью заявляю, что и в России, несмотря на своеобразие ее исторического развития, мы не имеем никаких данных, чтобы говорить о крепостничестве, как об особой специфической формации. В этом отношении абсолютно прав Малышев.

Дубровский указывает на крепостничество позднейших веков, которое будто бы дает нам основания утверждать о существовании крепостнической формации. Ответ на этот вопрос лежит в плоскости дальнейшего рассмотрения процесса развития феодализма.

Тот факт, что феодализму соответствует переход от натуральных отношений к меновым, что феодальный способ производства характеризуется соединением сельскохозяйственного производства и домашней промышленности, приводит к тому, что вместе с ростом феодализма усиливается и обмен, в результате чего возникает городской строй, возникают города. Вначале города являются как бы придатком к поместью. Развитие обмена, с другой стороны, приводит к тому, что крепостнические отношения, возникающие в ранний период феодализма и укрепившиеся в дальнейшем, начинают в связи с усилением обмена разлагаться. Таким образом, *разложение сеньориального* строя во Франции к XIV в. приводит к разрушению *„серважа“* — крепостных повинностей крестьян, „формарьяжа“ — брачной повинности, „менморты“ — права наследования и произвольной „талии“.

Еще большее значение имело разложение *мэнориального* строя в Англии. К XIII в. в Англии появляется обширный класс сво-

бодных держателей—„фригольдеров". Эти свободные держатели образовались из вилланов, державших надел в виргату или полувиргату и откупившихся денежными или натуральными платежами от необходимости отбывать барщину в пользу своего лорда.

Далее, начиная с того же XIII в., мы наблюдаем широкую замену барщины, или, как она называлась в Англии, „еженедельной работы", и всех других повинностей денежной платой без перехода к свободному держанию.

Уничтожение крепостничества в Англии в этот период привело к изменению характера обязанностей и другого слоя английской деревни — *коттэров*. Коттэры, принадлежавшие к беднейшим элементам деревни, лишь в исключительном случае могли переходить на денежные повинности. Тем не менее „коммутация"— замена натуральных повинностей денежными — привела к уничтожению не только постоянной барщины, но и работы во время страды и других специальных служб.

Таким образом, крепостничество, возникшее и развившееся в эпоху феодализма, начало разлагаться в связи с разложением под влиянием обмена самого феодального способа производства. Развитие обмена привело к тому, что сеньоры, помещики и лэндлорды под влиянием проникновения меновых отношений должны были выступать в качестве *свободных товаропроизводителей*. Но развитие денежных отношений открывало возможность и для крестьян — истинных производителей — также стать свободными товаропроизводителями. Но старый класс феодалов не во всех странах оказался в состоянии снять с крестьянства внеэкономическое принуждение в виде барщины и дать ему возможность превратиться в свободных товаропроизводителей. Сюда еще прибавился кризис, связанный с „черной смертью" (1348 — 49 гг.). В результате этого, начиная с XIV в., наступает *феодальная реакция*, которая приводит к восстановлению крепостничества уже не на основе старых натуральных, а на основе денежных отношений. Так восстанавливается крепостничество во Франции, в Англии, в Германии. В одних странах,— как, например, Англия, — где лэндлорды были особенно сильны, не только как владельцы крупных земельных поместий, но и как участники развивавшегося процесса обмена, им нечего было

бояться конкуренции крестьян и поэтому они лишь на короткий сравнительно срок возродили внеэкономическое принуждение в виде крепостничества. Вот почему крепостничество в Англии исчезло. В других странах, как во Франции, а в особенности в Германии, где помещики *не* были достаточно сильны, чтобы быть в состоянии экономическим путем эксплоатировать попрежнему крестьян, они прибегли к новому внеэкономическому принуждению; новое внеэкономическое принуждение было уже построено на базе новых меновых отношений, на базе торгового капитала (говоря о торговом капитале, мы, понятно, не имеем в виду торгового капитализма как формации). Получилось, таким образом, как говорил Энгельс, „*два издания*" *крепостничества.* Эти два издания связаны с денежной рентой, а, значит, и с феодальной формацией. Об этих двух изданиях крепостничества говорит Энгельс в своем письме к Марксу от 16 декабря 1882 г. Энгельс интересуется „фактическим исчезновением крепостничества" в XIII и XIV вв. Протестуя против мнения Киндлингера, будто крепостное состояние в XVI в. только возникло, Энгельс писал: „Я не сомневаюсь в том, что оно появилось, только *подновленное вторым изданием.* Мейтцен приводит годы, когда впервые снова заговорили о крепостных в Восточной Пруссии, Бранденбурге и Силезии: средина XIV века"[1].

Несомненно, что вновь возрожденное крепостничество было значительно тяжелее для крестьянства, чем прежнее. Поэтому мы и можем говорить, что крепостничество, связанное с началом феодализма, его созреванием, сопровождается известного рода патриархальными отношениями, существовавшими между сеньорами и их крепостными, а крепостничество эпохи *разложения феодализма,* основанное на денежных отношениях, обрушилось на крестьянство подобно бедствию.

После всего сказанного совершенно ясно, что попытка Дубровского представить крепостничество как отдельную от феодализма формацию оказалась попыткой с негодными средствами. Кудрявцев был совершенно прав, указывая, что Дубровский в своих построениях идет обратным путем: сначала конструирует теорию, а затем пытается подогнать конкретную действи-

[1] *Маркс* и *Энгельс* — Переписка. Изд. „Моск. Рабочий", 1922. стр. 255.

тельность под свою теорию. Для того, чтобы доказать единство своей теории с практикой, он, как мы видели из доклада Малышова, извращает русскую историю и на основе установленных им ее законов пытается навязать свои открытия западноевропейскому развитию. Получается, таким образом, самобытность наизнанку.

Проблема торгового капитала поставлена Дубровским правильно с точки зрения того, что торгово-капиталистической формации в природе не существует. Торговый капитал может развиваться на базе доклассового общества, античного способа производства, феодального способа производства, капиталистического способа производства и даже производства эпохи переходного периода от капитализма к социализму. Торговый капитал, как указывает Маркс, не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости. Его сфера — обращение, а не производство. Вопрос о торговом „капитализме" совершенно ясен — можно говорить и надо говорить о роли торгового капитала, но нельзя говорить о торговом капитализме!

Более интересен вопрос о переходе от феодализма к капитализму, о теоретическом анализе той эпохи, которая некоторыми историками трактовалась и трактуется как эпоха торгового капитализма. Развитие общества в эпоху феодализма приводит к тому, что развитие производительных сил вступает в конфликт с системой производственных отношений. Эпоха разложения феодализма, связанная с системой производственных отношений, выражением которой является денежная рента, представляет собой тот критический момент, когда общество переходит из феодальной формации к капиталистической. Но переход этот не совершается сразу. Для того, чтобы перейти к капитализму, надо перевести развитие общества от системы феодальных производственных отношений к системе капиталистических производственных отношений. Этот переход от старых производственных отношений к новым совершается в эпоху „так называемого первоначального накопления". Маркс не случайно называет эту эпоху „*так называемым* первоначальным накоплением". Она служит у него вспомогательной эпохой, выполняющей роль повивальной бабки для капитализма. Этот анализ развития общества с точки зрения Марксова учения о формациях

недвусмысленно показывает нам, что объяснение эпохи первоначального накопления, которую мы даем в наших учебниках, является весьма упрощенной.

„Азиатский способ производства“.

Перехожу к последнему вопросу — об „азиатском способе производства“. Дубровский утверждает в главе об „азиатском способе производства“, что „нигде Маркс не выделяет какого-либо особого „азиатского способа производства“ (стр. 42).

Выше уже отмечалось, что эта постановка Дубровского неверна. Огонь критики по сторонникам „азиатского способа производства“ должен быть направлен совершенно в иную сторону. Как должна строиться критика сторонников „азиатского способа производства“ — об этом речь будет дальше. Сейчас только нельзя не отметить ряда мест в произведениях Маркса и Энгельса, где основоположники научного социализма выделяют особенности „азиатского восточного общества“. Помимо уже цитированного знаменитого места из „Введения к критике политической экономии“, где говорится о четырех способах производства, в числе которых упоминается и „азиатский“, мы встречаем ряд замечаний об особенностях землевладения в восточных обществах[1], о характере государственной власти на востоке — о „восточной деспотии“[2], и т. д. Как видим, Маркс и Энгельс выделяли особенности „азиатского общества“, но не в этом суть спора. Суть спора заключается в ином: является ли „азиатский способ производства“ особой общественной формацией, предшествующей феодальному способу производства, или же он является разновидностью феодализма на Востоке.

Сторонники „азиатского способа производства“, в роде Мадьяра, определяющие современный социально-экономический строй Китая как переходный от „азиатского способа производства“ к капитализму, дают следующие характерные признаки для „азиатского способа производства“: 1) искусственное оро-

---

[1] „Капитал“, т. III. ч. II. стр. 327; „Теории прибавочной ценности“, т. III стр. 340 и 348; письмо Энгельса Марксу от 6 июня 1853 г.; *Энгельс*—„Анти-Дюринг“, стр. 94.

[2] „Письма об Индии“ —„Летопись марксизма“, кн. III.

шение; 2) национализация земли при отсутствии частной собственности на землю; 3) характерная для азиатского общества форма землевладения вызывает определенную форму отчуждения прибавочных продуктов крестьян: рента и налог совпадают.

К этим моментам Мадьяр добавлял особенности, связанные с техникой земледелия в Китае: 1) поливное земледелие; 2) система удобрения; 3) господство ручного труда; 4) отсутствие скота[1].

В своем докладе „Общественные формации и аграрный вопрос" на всесоюзной конференции аграрников-марксистов Мадьяр пересмотрел свое старое определение „азиатского способа производства" и дал нам новое. (Не имея под рукой печатного доклада Мадьяра, пользуемся его тезисами).

„Если сопоставить высказывания Маркса и Энгельса (насчет сущности „азиатского способа производства" —*А. П.),*—говорится в тезисах,—то характерными чертами этого способа производства являются следующие: а) Он возникает и развивается там, где искусственное орошение является первой предпосылкой земледелия. б) Возникновение классового общества связано с необходимостью организации искусственного орошения; слуги общины,—родовой ли, сельской или религиозной,— выполнявшие функции организации орошения, в ходе развития конструируются в господствующий класс, который угнетает и эксплоатирует общину или род, присваивает труд непосредственного производителя. в) Отсутствие частной собственности на землю является важнейшей характерной чертой „азиатского способа производства". Государство здесь — верховный собственник земли, суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе". Не существует частной земельной собственности, хотя и существует как частное, так и общинное владение и пользование землей. Разумеется, „национализация" земли в восточном обществе и национализация земли в буржуазном обществе — две принципиально различные вещи, и смешивать их — то же, что смешивать раба в античном обществе с наемным рабочим при капитализме. Прибавочный труд присваивается в форме ренты — налога; рента и налог

[1] См. *Л. Мадьяр* — „Экономика сельского хозяйства в Китае". ГИЗ, 1928.

совпадают. г) При „азиатском способе производства“ государственной формой является восточная деспотия.

„Наличие общины и объединение земледелия с крестьянской домашней промышленностью входят в характеристику „азиатского способа производства“, но община и соединение земледелия с домашней промышленностью входят в характеристику всех других докапиталистических обществ.

„Именно поэтому эти моменты не определяют экономической структуры и сущности азиатского способа производства, если недостает других характерных черт“.

Эта постановка Мадьяра, понятно, неправильна и должна быть с точки зрения марксистской методологии истории отвергнута.

В самом деле, по учению Маркса об общественных формациях, проблема формаций сводится к следующим проблемам: 1) способа производства; 2) способа эксплоатации, выражением чего является проблема классов; 3) специфического способа труда и связанной с ним формы продукта, характерной для каждой формации; 4) специфической формы государства. Способ производства, господствующий в азиатском обществе, является способом производства *феодальным;* способ эксплоатации, при помощи которого господствующие классы эксплоатируют истинных производителей, является *феодальным.* Наличие общины и соединение земледелия с крестьянской домашней промышленностью входит в характеристику *феодальной формации.* Государственная форма в виде восточной деспотии является господством *феодальных классов.* Наконец, форма прибавочного продукта, получаемая в восточном обществе, является также *феодальной.* Что из того, что рента и налог совпадают? Разве это совпадение изменяет характер способа производства?

Далее, при объяснении „азиатского способа производства“ Мадьяр оперировал такими моментами, как искусственное орошение, ручной труд, отсутствие скота, система удобрения, которые, несомненно, имеют влияние на способы производства, но не определяют самого способа производства и тем самым не определяют особой общественной формации. „Азиатский способ производства“ является лишь одним из *специфических проявлений феодализма на Востоке.* Можно говорить об „азиатском способе производства“ лишь как об одной из разновид-

ностей феодализма—не больше. Этой точки зрения и держался Ленин, который не только возражал Плеханову по поводу „азиатского способа производства" в Московской Руси и вообще в России, но и в своей работе — „Развитие капитализма в России", рассматривал различные формы докапиталистических отношений и нигде ни одним словом не упоминал об „азиатском способе производства". Таким образом, методологически вопрос совершенно ясно решается в том смысле, что ни о каком „азиатском способе производства", как особом способе производства, говорить нельзя.

Посмотрим теперь, как проблема „азиатского способа производства" решается на конкретном историческом материале. Методология важна, но история богаче методологии. Укажите мне такую страну, в которой господствовал бы „азиатский способ производства". Ведь, когда мы говорим о господстве „азиатского способа производства", то мы этим самым говорим, что данная страна не доросла до феодализма. В Японии, по словам Маркса, был классический феодализм. В Китае, по замечанию самого же Мадьяра, феодализм был еще в Джоусскую и Ханьскую эпоху. Правда, у нас в Восточном институте два товарища, Кокин и Папаян, пытались на основе анализа легендарного периода китайской истории указывать, что в Китае Джоусского периода был „азиатский способ производства". В результате этого получился легендарный „азиатский способ производства". В Египте был феодализм, в Индии тоже. Этот вопрос о странах, где господствовал „азиатский способ производства", я поставил в упор Мадьяру, но получил на него довольно неудовлетворительный ответ в том смысле, что он еще попытается показать на примере Индии, эпохи великих моголов — эпохи Абтара — существование „азиатского способа производства". Несмотря на это, Мадьяр под влиянием критики должен был сдать большую часть своих позиций и заявить буквально следующее: „Ту концепцию, которую я пытался неуклюже развить в своей книге, я снимаю. Я не признаю целиком концепцию Сафарова, но и ту концепцию, которую я развивал, я снимаю"

„Азиатский способ производства" и с точки зрения изучения общественных формаций и с точки зрения конкретного анализа

исторической действительности восточных стран является разновидностью феодализма. Отрицать „азиатский способ производства" вообще, говорить, что нет никакого своеобразия в феодальном развитии восточных стран, как это делает Дубровский, является весьма неудачной попыткой. Надо только не забывать, что феодализм в каждой стране развивался по-своему. Вспомним знаменитое письмо Энгельса к Конраду Шмидту, где он ставил вопрос о том, что в идеально классическом виде феодализм нашел свое выражение лишь в эфемерном Иерусалимском королевстве, в известной иерусалимской Ассизе. Таков по существу комплекс вопросов, которыми должны заняться историки-марксисты не только по случаю выхода книжки Дубровского.

Позвольте теперь высказать несколько замечаний, относящихся к тем докладам, которые здесь были сделаны. Мне кажется, что оба докладчика несколько сползли с основных позиций марксистской методологии истории.

Малышев: С каких позиций?

Пригожин: Сползание у Кудрявцева и меньше у Малышева— с позиций определения формаций.

Малышев: Я дал точное определение формаций.

Пригожин: Нет, товарищ Малышев, вы ничего не говорили о том, что феодализму, как общественной формации, свойственен переход от натуральных отношений к меновым. В вашем докладе проскальзывают противопоставления феодализма меновым отношениям; вы ничего не говорили о различиях в способах производства и отличиях в характере прибавочного продукта. Между тем в ваших тезисах — в третьем тезисе как-то подозрительно указано насчет того, что при развитии вотчинного хозяйства мы наблюдаем замкнутое хозяйство, где никакой роли обмен не играл.

Я утверждаю, не будучи специалистом по русской истории, что и в России никогда не было в природе безобменного общества. Это — бюхеровский вздор, который нужно выбросить из нашего употребления. Другая поправка, которую надо внести в доклад Малышева и которую следует учесть многим нашим русским историкам, относится к вопросу о порядке следования барщинного и оброчного хозяйств в России. Система производствен-

ных отношений в недрах феодального общества — барщина и оброчные отношения в Западной Европе, развитие общества в эпоху феодализма шли от системы производственных отношений, связанных с отработочной рентой, к ренте продуктами, а затем к денежной ренте. Русские историки, а за ними и Малышев, утверждают, что в России было наоборот: вначале оброчное хозяйство, а затем барщинное. Я уверен, что это неправильная постановка вопроса. Я не специалист, повторяю, по русской истории, но считаю, что даже те указания, которые мы имеем в писцовых книгах XV в., говорят о том, что и в России вначале развивались барщинные отношения, а затем оброчные. То, что этот вопрос не доработан до конца, не опровергает моего утверждения. Писцовые книги и другие документы мало еще побывали в марксистских руках, но если у нас в России процесс происходил обратным образом, т.-е. сначала было оброчное хозяйство, а потом барщинное, то надо продумать проблему до конца и сводить концы с концами. По Малышеву, разложение феодализма и наступление эпохи первоначального накопления связано с денежной рентой. Денежная рента получается в результате простой метаморфозы ренты продуктами, т.-е. оброка в товар. Рента продуктами получается из отработочной ренты в результате развития обмена. Если в России все шло наоборот, то каким образом из барщины, из отработочной ренты получилась денежная рента? Каким образом происходила эпоха первоначального накопления в России? Я не буду говорить о такой ошибке Малышева, как отрицание им ренты, как выражения определенных производственных отношений.

С. В. ВОЗНЕСЕНСКИЙ.

Так как, товарищи, время довольно позднее и так как, с другой стороны, я являюсь историком, скорее, России, чем Запада, то позволю себе заняться только докладом Малышева.

Прежде всего должен присоединиться к Лозинскому, выразившему то общее впечатление, которое, несомненно, доклад Малышева здесь произвел. Это один из интереснейших докладов, прочитанных за последнее время в Ленинграде, ибо и проблема, затронутая в нем, чрезвычайно важна, и трактовка этой проблеме дана такая, которая представляется тоже чрезвычайно интересной.

Должен сказать, что со многими основными взглядами Малышева я совершенно согласен и, прежде всего, согласен с той критикой, которой он подверг концепцию Дубровского относительно крепостнической формации общества; в своем слове я хочу остановиться лишь на некоторых вопросах, которые Малышевым или не были продуманы до конца, или были высказаны наспех и с которыми я лично вполне согласиться не могу.

Первый вопрос, на котором я остановлюсь, это вопрос о характере дворянско-крепостнического хозяйства. Малышев определяет это хозяйство как такое, которое носило, в сущности, тот же потребительский характер, ставило те же задачи, что и хозяйство, называемое по терминологии Дубровского „феодальным“. Различие между ними все же было, и заключалось оно в том, что с развитием товарно-капиталистических отношений в стране это хозяйство втягивалось в товарный оборот, и потребительские задачи в нем отступали перед задачами товарного производства. Я согласен с этой характеристикой нашего крепостнического хозяйства эпохи с конца XVI в. и до половины XIX в. но считаю, что характеристика эта слишком суммарна. Мне думается, что Малышев, вообще прекрасно владея

марксистским методом, и в данном вопросе мог бы углубить свой анализ. В этом отношении образцами для него должны были послужить и Маркс и Ленин. Имею в виду образцы изучения внутриклассовых группировок, представленные Марксом в работах о 48-м годе во Франции, а Лениным хотя бы в „Развитии капитализма в России".

Эти образцы, несомненно, должны были бы дать Малышеву возможность углубить общую характеристику крепостного дворянского хозяйства. Это углубление дало бы ему лишние и очень яркие аргументы, чтобы окончательно свалить концепцию Дубровского. В частности, мне представляется, что наше крепостное дворянское хозяйство с XVI в. по XIX в. надо разбить на три вида: мелкопоместное, среднепоместное и крупнопоместное. Если дать характеристику всем этим трем группам крепостническо-дворянских хозяйств в отдельности, то мы придем к следующему выводу. Мелкопоместные дворяне, в роде гоголевских старосветских помещиков, жили в начале XIX в. в таких же условиях и так же вели свое хозяйство, как и мелкие феодалы XIII и XIV вв. Владея небольшим количеством крестьян и земли, они держались барщинной системы, но эта система у них имела в виду не снабжение рынка товарами, а удовлетворение потребностей самой помещичьей семьи. Мелкопоместные дворяне при таком натуральном хозяйстве оставались вплоть до освобождения крестьян, к которому они относились враждебно, так как это освобождение было для них совершенно не выгодно.

Перейдем теперь к группе крупнопоместных дворян, остановившись, например, на графе Шереметеве. Одна из его вотчин — село Ивановское—представляла собой центр хлопчатобумажного производства в конце XVIII в. и начале XIX в., но тем не менее собственное хозяйство Шереметева было типичным феодальным, аналогичным хозяйству какого-нибудь боярина XIV в. Он собирал с Ивановского денежные оброки: в этой вотчине у него не было ни собственных запашек, ни одной собственной фабрики. Последние принадлежали или его крепостным крестьянам, или откупившимся на волю. Таким образом, Шереметев, фигура, типичная для крупных помещиков, ни в коем случае не перерастал в капиталиста, а как был феодалом, так

феодалом и оставался, типичным, по терминологии Маркса, „расточителем"-паразитом. По существу, он никакого хозяйства не вел. В его хозяйстве преобладала внеэкономическая оброчная эксплоатация огромной массы зависевшего от него крестьянства и в среде последнего как буржуазии, так и полупролетариата. Даже после реформы 19 февраля граф Шереметев остался феодалом, перешедшим в деле эксплоатации крестьян от оброка к „продовольственной аренде"

Рассмотренные два типа — крупные и мелкие хозяйства — сохранялись, повторяю, вплоть до отмены крепостного права, и они напоминали собою типичные феодальные хозяйства XIV—XV вв.

Получается лишний аргумент в пользу того, что никакими особенностями крепостная формация общества, никакими особенностями крепостной способ производства от феодального вообще не отличается.

Что касается средней руки помещиков, то к этим помещикам вполне приложима общая характеристика, сделанная Малышевым в отношении дворянского крепостного хозяйства в целом. Здесь действительно совершался переход от потребительских задач в хозяйстве к задачам производства продуктов на рынок, к превращению продуктов в товары, к реализации их на рынке. Вот здесь-то и происходил отрыв от феодализма, рост дворянского хозяйства в сторону капитализма. Но какого капитализма? Отнюдь не торгового, так как сливать помещика и капиталиста-купца воедино абсолютно нельзя. Здесь мы имеем перерастание средних помещиков-дворян в аграрную буржуазию. В конце XVIII в., можно сказать, начался этот процесс. Развивая свое хозяйство, средней руки помещик сталкивался с необходимостью повышения сельскохозяйственной продукции, а повышая ее,— с недостаточной интенсивностью производства товаров при помощи крепостного барщинного труда. Здесь и происходил отрыв от феодальной почвы, возникало стремление капитализировать свое хозяйство, перейти на новый способ производства, на наемный труд.

Таким образом, продолжив анализ, образцы которого имеются у Маркса и Ленина, можно достичь бо́льших успехов, чем Малышев. Я его особенно не упрекаю, ибо его доклад очень богат

содержанием и, конечно, продумать до конца каждую мысль в таком докладе чрезвычайно трудно.

Второй вопрос, на котором я хотел бы остановиться, это сущность феодального способа производства. Я выслушал одну из цитат Маркса, приведенную Малышевым, и мне показалось, что эту цитату он понял, с моей точки зрения, неправильно. Я, к сожалению, под руками ее не имею, но, приблизительно, ее содержание в истолковании Малышева таково: Маркс будто бы понимал под феодальным способом производства не только самостоятельное экономически крестьянское хозяйство, находившееся в ленной зависимости от феодала, но и хозяйство средневекового городского цехового ремесленника. И то и другое, по Марксу, одинаково представляло собой феодальный способ производства. Я считаю, что так истолковывать эту цитату нельзя. Такому пониманию противоречат другие места, имеющиеся у Маркса. В частности позволю себе привести следующую выдержку: „Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством ленно зависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависело от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство". О ремесленниках — ни слова. Чтобы подкрепить мою мысль, остановлюсь еще на другой цитате, которая говорит: „Каков бы способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товар, ни был, будет ли это первобытное общинное хозяйство или производство, основанное на рабском труде, или мелкокрестьянское, или мелкобуржуазное, или капиталистическое производство"... В этом перечислении производств я вижу у Маркса мелкобуржуазное производство, и, мне думается, под феодальным способом он разумел исключительно хозяйство экономически самостоятельного производителя, находившегося в ленной зависимости от феодала. Будет ли этот производитель крестьянин, работающий на своем участке земли, или крепостной ремесленник, принадлежащий к дворне феодала,— и в том, и в другом случае мы имеем, по Марксу, феодальный способ производства. Но когда появляется городское цеховое производство, не только экономически, но и юриди-

чески самостоятельное, это означает, что возникает новый способ производства, не феодальный. И мне думается, к нему вполне приложим термин мелкобуржуазного производства. Этот мелкобуржуазный способ производства появляется на известной стадии развития феодальной формации. Мне представляется, что феодальный способ производства в чистом виде порождает соответствующую ему феодальную общественную формацию. Но внутри феодальной общественной формации происходит стихийно развивающийся процесс общественного разделения труда, в результате которого в известный момент появляется ремесленник, освободившийся от ленной зависимости в отношении того или другого феодала. Такие ремесленники концентрируются в городах, и здесь, в городах, начинает развиваться свободное мелкобуржуазное производство в виде организованного в цехи ремесла. Этот способ производства, мелкобуржуазный, ремесленный, цеховой, конечно, не является превалирующим. Существует попрежнему феодальная формация, она остается господствующей и в известной мере влияет на самостоятельное развитие самой городской жизни. Вообще мелкобуржуазный способ производства не в состоянии никогда — по крайней мере, в истории таких случаев не было — создать соответствующую ему надстройку в виде особой общественной мелкобуржуазной формации. Этот способ производства, повторяю, возникает и развивается на определенной ступени общественного разделения труда внутри феодальной общественной формации.

С такой точки зрения я бы сказал, что дальнейшее разделение труда создает еще новый способ производства внутри феодального общества — именно тот, о котором сегодня так ярко и отчетливо говорил Щеголев. Я к нему полностью присоединяюсь, с одной только оговоркой: на известной, уже очень значительной стадии развития общественного разделения труда появляется мануфактурный способ производства, тоже внутри феодальной общественной формации. Этот мануфактурный способ производства Маркс считает уже капиталистическим, но только таким, который еще не способен изменить существующей общественной формации, создать вполне соответствующие ему производственные отношения. До каких пор? До тех пор, пока ручной труд не будет заменен машинами.

Отсюда становится ясным и понятным утверждение Маркса, что современное ему капиталистическое общество, основанное на машинном производстве, возникло в недрах феодального общества. Когда? Во Франции—в эпоху французской революции, которая и расчистила путь для торжества мануфактурного способа производства, как капиталистического, и создала соответствующую ему производственную надстройку. С этой точки зрения я приветствую и вторую мысль, которую высказал Щеголев,—мысль о том, что целая школа буржуазных ученых страшно преуменьшает роль мануфактуры, указывая, что, в сущности говоря, централизованных мануфактурных предприятий, которые Маркс определяет как капиталистические в первой своей стадии, было чрезвычайно немного во Франции в эпоху старого режима. У нас в Ленинграде на такой же точке зрения стоит академик Тарле, и под влиянием Тарле создалась целая школа историков-марксистов, примкнувших к этой же позиции. Я имею в виду Захара и ему подобных. Я сам слыхал от молодых наших марксистов, изучающих историю Запада, что во Франции на исходе XVIII в. никаких мануфактурных предприятий, кроме, может-быть, десятка, не существовало. Я не специалист по Западу, но мне это утверждение не нравилось. Я задавал им такой вопрос: ведь во Франции имелись колонии, с которыми она сообщалась на морских судах; где же строились эти суда? У кустарей и ремесленников или же в мануфактурных предприятиях? И вот, один из здесь сидящих сторонников этой теории должен был согласиться, что, конечно, в мастерскую кустаря большой корабль не вдвинешь. Конечно, и в Марселе, и в Тулоне, и в других портовых городах Франции был целый ряд верфей, т.-е. централизованных мануфактурных предприятий, и хотя я, повторяю, не являюсь специалистом по Западу, все же я мог бы насчитать во Франции в XVII-XVIII вв. большое количество таких предприятий и в других отраслях промышленности, во всяком случае—не меньше десятков трех.

Далее, я не могу согласиться с Малышевым, когда он в одном из своих тезисов пишет такую фразу: „В России торговому капиталу было выгодно сохранить феодальную систему организации труда". С этой фразой я никак согласиться не могу. Надо сказать, что у Малышева, конечно, эта идея не самосто-

ятельная: он идет здесь вслед за М. Н. Покровским. Конечно, Покровский проделал большую работу, и его заслуга заключается в том, что он открыл роль торгового капитала в России. Эту роль торгового капитала он вскрыл и достаточно ясно и четко обосновал уже в своем пятитомнике, который вышел еще до революции. Но затем, в своих последующих работах, Покровский делает целый ряд таких парадоксальных заявлений, которые могут быть поняты и истолкованы людьми, малоискушенными в Марксе, Ленине и в Плеханове, не так, как надо; эти люди, несомненно, поддались авторитету, обаянию и талантливости Покровского и пошли вслед за ним и в его парадоксальных утверждениях. В одной из последних книг Покровского мы читаем: „В шапке Мономаха в XVI-XVII вв. гулял по России торговый капитал" или — „Дворяне являлись не более, не менее, как агентами торгового капитала". (*Голос:* Сегодня об этом говорили). Я считаю это совершенно невозможной вещью. Михаил Николаевич в своем пятитомнике говорит об иной роли торгового капитала, о том, как он преобразует феодальное хозяйство, усиливает барщину, вызывает крепостничество и пр., а из вышеприведенных парадоксальных его фраз можно вывести заключение о „торговом капитализме", о котором он совсем не говорит, как об особой общественной формации.

У Маркса тоже можно, и очень многое, прочесть о торговом капитале, но об особой торгово-капиталистической формации, да еще о социальных агентах этой формации — одинаково дворянине и купце,— этого ни у Маркса, ни у Ленина не найдете. И действительно, что говорит по этому поводу Маркс? „Исторически капиталу сначала везде противополагается земельная собственность в форме денег, денежного богатства, капитала торгового и ростовщического". Ленин же прямо указывает, что социальными представителями торгового капитала, по существу, являются лишь те, кто занимается посреднической деятельностью, или иначе — скупщики. Таким образом, Маркс и Ленин считали социальным носителем торгового капитала именно купца, т.-е. человека, который работал по Марксовой формуле — „деньги — товар — деньги". А вот дворянин, хотя бы и связанный на сто процентов с рынком, хотя бы и во второй половине XIX в., все же работал не по этой формуле. Он был связан

с рынком так точно, как капиталист-фабрикант капиталистической эпохи.

Возвращаюсь к фразе Малышева. Он указывает, что торговому капиталу в России было выгодно организовать крепостническое хозяйство и его эксплоатировать. Кого? Крепостника? (*Малышев:* Крестьянина, мелкого производителя). Совершенно неверно. Можно и в одном из последних трудов Покровского прочесть, что торговый капитал создает в России крепостное право для того, чтобы ему, торговому капиталу, оперировавшему на огромных русских пространствах, было удобнее эксплоатировать крестьян, находящихся в крепостной зависимости от феодала. Феодал, так сказать, концентрирует прибавочный продукт массы крестьян и передает этот прибавочный продукт торговцу, представителю торгового капитала. Я позволю себе указать, что русская история этому противоречит. Самые крупнейшие состояния, например, московских гостей — чистокровных представителей торгового капитала — составлялись в XVI-XVII вв. не на эксплоатации крестьян, подчиненных феодалам; торговые капиталы московской Руси, например, состояние Строгановых и других, составлялись, на эксплоатации самостоятельных не только экономически, но и юридически мелких производителей, живших в северной и восточной России, которые не имели над собою власти отдельных феодалов, а подчинялись лишь феодально-крепостническому государству.

Когда Петр открыл двери в Европу не через Белое море, а через Балтийское, когда в русском вывозе доминирующую роль стали играть продукты сельского хозяйства, а не пушнина, деготь, мед, воск и пр., когда усилился к концу XVIII в. вывоз, главным образом, хлеба, то получилась такая вещь, что торгово-капиталистические отношения в стране продолжали ризвиваться, а вместе с развитием внешней и внутренней торговли туземный русский торговый капитал чувствовал себя плохо. Почему? Да потому, что теперь купцу пришлось иметь дело не столько с отдельными мелкими производителями, которых он мог эксплоатировать, сколько хотел, а большею частью со средней руки помещиками-дворянами. Если купец хотел приобрести лен, пеньку или хлеб, он должен был давать дворянину хорошую цену, а если помещик ему не продавал льна, пеньки или хлеба,

то он оставался со своим капиталом, который лежал в мёртвом виде, без движения; дворянин мог прекрасно заставить своих крестьян запрячь лошадей и по первопутку отправить обоз за 400-500 верст к ближайшей пристани или даже в портовый город со своими продуктами, где он мог бы их выгодно реализовать. Таким образом, купец должен был давать дворянину хорошую цену за требовавшееся на рынке сельскохозяйственное сырье, ибо дворянин без купца мог обойтись, а купец без дворянина не мог.

Если мы будем говорить, что торговый капитал, в лице купцов, защищал крепостное право, что ему было выгодно крепостное право, то это значит, что мы ничего не поймем во взаимоотношениях между дворянами и купцами. Несомненно, это два разных общественных класса. Если меня спросят: неужели нет ничего общего между дворянами-помещиками и торговыми капиталистами-купцами,—я скажу, что, конечно, нечто общее у них было: и купец хотел получить побольше прибыли и продать подороже свой товар, и дворянин этого хотел; так что в некоторых вопросах, например, в деле развития торговли, у них были общие интересы, у них мог создаться единый блок, как вообще между классами, признающими частную собственность. Но, на ряду с общими вопросами и интересами, у этих двух классов общества, у каждого из них в отдельности, были свои специфические интересы, и поэтому говорить о том, что торговый капитал создал крепостное право в своих интересах—никак нельзя; наоборот, нужно сказать, что феодалы усиливали крепостничество в своих интересах, что ленная зависимость превращалась в крепостничество под влиянием роста в стране рынка. Но это было выгодно не купцам, а проводилось в интересах исключительно землевладельческого дворянства.

На этом вопросе я мог бы остановиться еще подробнее, мог бы развивать эту точку зрения очень долго, потому что я придерживаюсь этого взгляда в течение десяти лет — времени моего преподавания в высшей школе. Тут я вижу моих учеников, которые в этом вопросе шли от неправильно понятого Покровского, в то время как я шел от Маркса.

Малышев, несомненно, прекрасно разделался с Дубровским, то-есть от крепостнической концепции общества скоро не оста-

нется и воспоминания, и второго издания книжка Дубровского едва ли потребует. Но Малышев увлекся своей критикой и слишком уж сплошь стал критиковать Дубровского. Ведь у Дубровского есть большой плюс и вот какой. (*Голос:* Ого!). Дубровский, как Ленин и Маркс, стоит на той точке зрения, что купцы и дворяне-крепостники — две разные социальные категории. В наше время повторять это, даже мало обосновывая, очень хорошо. Дело в том, что в нашей высшей школе преподается история России в эпоху промышленного и финансового капитала,— это понятно,— и еще в эпоху феодализма, и в эпоху отличного от последнего торгового капитализма, т.-е. фактически в действующих программах признаются те общественные формации, против которых был направлен весь доклад Малышева. Эти же формации, но одна под другим названием, являются и у Дубровского. Однако, он все же сделал попытку — и я бы сказал, что именно в этом заключается здоровая реакция — отделаться от концепции торгово-капиталистической формации. Но вместо нее он выставил свою „крепостническую" формацию.

Я бы в заключение, на месте Малышева, поставил вот какой историографический вопрос. Он врага, в лице Дубровского, повалил. Но нужно было бы, уложив его в гроб со всеми его концепциями,— не физически, конечно, а идейно,— задать себе вопрос: как могла появиться концепция Дубровского? И тогда ясно видно было бы, что она является здоровой реакцией на концепцию, существовавшую среди русских марксистов-историков в последнее время. Эта концепция имеет свое выражение в большой — по численности, конечно,— литературе. Появляется книга Вяткина „Торговый капитализм в Московской Руси XVI-XVII вв.", толкующая об этом периоде русской истории, как об особой если не общественной формации, то особой торгово-капиталистической эпохе. Появляется книга Н. Н. Розенталя. Он уже говорил здесь, что от такого названия эпохи он хотел бы отказаться, а я бы хотел, чтобы он отказался и еще от одного заявления в своей книге: „дворяне суть торговые капиталисты". (*Розенталь*: Класс торговых капиталистов). Не класс торговых капиталистов, а класс феодалов. Появляется статья Меерсона, наделавшая много шума, в особенности в Ленин-

градском университете, где один преподаватель не давал зачета студентам, если они не разделяли меерсоновской оценки пугачевщины, как ранней буржуазной революции.

В этой статье Меерсон договаривался до таких, например, вещей: в лице дворян и купцов он видел представителей привилегированного монополистического капитала, а в лице кулака-крестьянина — представителя какого-то здорового, с его точки зрения, мужицкого капитала. Он признавал, таким образом, два капитала, между тем как в природе существовал один, представленный купечеством. Я только посредников считаю носителями торгового капитала, роль которого сводится к тому, что он расслаивает мелких производителей деревни на крупных крестьян, растущих в капиталистов, и на маломощных, сбрасываемых в ряды пауперов, а затем пролетариев. Что же касается феодалов-землевладельцев, то здесь торговый капитал одних разоряет, других заставляет перерождаться не в торговую, а в аграрную буржуазию.

У меня есть еще несколько вопросов, на которых мне хотелось бы остановиться, но за поздним временем я просил бы аудиторию разрешить мне высказаться по этим вопросам в следующий раз.

Прошлый раз мне не удалось затронуть всех тех вопросов, на которых я хотел бы остановиться. Сейчас[1], я прежде всего намерен внести несколько добавлений к тому, что я говорил в прошлый раз, а именно, что историки-марксисты, которые смешивали в одну социальную группу, в один класс, олицетворяющий торговый капитал, купцов и дворян,— эти историки субъективно вели свое происхождение от М. Н. Покровского. Это видно из тех их высказываний, которые основывались на некоторых фразах Покровского, в роде тех, что я приводил в прошлый раз. Но делать М. Н. Покровского фактическим отцом этой „школы“ я не хотел. В его пятитомнике, который, конечно, вам всем хорошо известен, есть утверждение, что в эпоху Грозного землевладельцы-дворяне представляли собой феодальный вассалитет. Это прямо льет воду на мельницу Малышева.

[1] Эта часть выступления Вознесенского представляет собой продолжение его речи после перерыва.

Действительно, получается такая вещь: в опричине действует не просто торговый капитал, а два класса — феодальный вассалитет и московское купечество, собственно и представляющее собой торговый капитал. Если бы эти товарищи, сторонники торгового капитализма, как особой эпохи, как особой общественной формации, не вырывали отдельных фраз из Покровского, а брали бы его в целом, они не могли бы себя считать происходящими по нисходящей линии от Покровского. Но у них есть этот недостаток — исходить в своих концепциях из отдельных, вырванных из контекста фраз.

В действительности же фактическим отцом этих историков является давно считающий себя ортодоксальным марксистом П. И. Лященко. В 1907 г. вышли его популярные „Очерки аграрной эволюции России", где он всецело примкнул к основным взглядам Зомбарта. В этих „Очерках", при изложении аграрной эволюции России в XVI—XVII вв., он заявляет, что в России первоначальное накопление капитала происходило путем капитализации натуральной земельной ренты. Таким образом, носителем торгового капитала являлся для Лященко наш дворянско-крепостнический класс. Из того, что я сказал о Лященко, следует, что те высказывания, которые на этот счет имеются у него, не самостоятельны, а взяты у немца Зомбарта. За два-три года до „Очерков" Лященко вышло первое издание „Современного капитализма", появившееся затем и на русском языке. Здесь Зомбарт выставляет себя не противником Маркса, а, скорее, сторонником, но таким, который хочет „поправлять" Маркса. В частности Зомбарт вооружился против теории первоначального накопления Маркса, который вообще накопление капитала видел в области торговли, где впервые, по его мнению, стал складываться движимый капитал, где впервые этот капитал овладел обменом и, таким образом, появился уже в форме торгового капитала. Эту точку зрения Маркса Зомбарт отверг. Он старался показать, что средневековая торговля носила мелкий характер, что там капитала не могло накопляться, что и в области ремесл тоже не могло происходить никакого накопления капитала. Единственный класс, который мог накоплять капиталы, это, по Зомбарту, дворянство, переходившее в города и здесь осваивавшее землю и капитализировавшее ренту

с этой земли. Таким образом, Зомбарт является родоначальником указанной нами школы.

Теперь пойдем дальше. Прошлый раз я говорил, что феодальная формация и феодальный способ производства — это понятия не всегда совпадающие. Феодальный способ производства, по Марксу, заключается в хозяйстве мелкого производителя, находившегося в ленной зависимости от крупного феодала-землевладельца. Это тот основной способ производства, на базе которого и выросла феодальная общественная формация. Так было в раннее средневековье, но в дальнейшем общественное разделение труда, развивавшееся внутри этой феодальной общественной формации, привело к тому, что мало-по-малу от земледелия и вообще сельского хозяйства отделилась обрабатывающая промышленность, и на этой почве создалось свободное городское цеховое ремесло. Я назвал это мелкобуржуазным способом производства, но я не говорил о существовании мелкобуржуазной общественной формации, ибо этот мелкобуржуазный, ремесленный способ производства развивался внутри феодальной общественной формации, не будучи в состоянии образовать самостоятельную, соответствующую его интересам мелкобуржуазную общественную формацию. Это будет „позднее средневековье".

Далее, в XVI—XVII вв. мы видим остающимися всецело производственные отношения, свойственные феодальной формации общества. Они сохраняются, но идущее вперед под их оболочкой общественное разделение труда образует еще новый способ производства — мануфактуру, которая начинает эту общественную формацию разлагать, что и приводит к знаменитой формуле Маркса о конфликте производительных сил, олицетворяющихся в этом капиталистическом, в начальной его стадии, способе производства, с наличными производственными отношениями, которые не давали возможности этому способу производства внутри феодальной общественной формации сделаться господствующим.

Перехожу еще к одному дополнительному замечанию. Малышев указывал, что крепостное хозяйство обязано своим происхождением торговому капиталу. Я должен спросить Малышева, не считает ли он, что крепостное право есть опреде-

ленные производственные отношения? Я думаю, он даст утвердительный ответ на это, а также согласится и с тем, что производственные отношения всегда вытекают из соответствующего им способа производства.

Если Малышев очень остроумно и убедительно доказал тождество в основе „крепостнического“ способа производства и так называемого „феодального“, то как он может объяснить возникновение на основе прежнего феодального способа производства в XVI в. в Московской Руси совершенно новых производственных отношений в виде крепостного права? При разрешении этого вопроса, мне думается, нужно пойти по очень радикальной дороге и определенно сказать, что никакого „возникновения“ крепостного права в России, в конце XVI и в начале XVII вв. не было. (Лозинский в ужасе на меня смотрит, а я сам боюсь посмотреть в глаза Грекову). Я думаю, что элементы крепостного права надо искать в ту эпоху, когда происходил процесс феодализации, в ту эпоху, которую в последнее время принято вульгарно называть „эпохой феодализма“, т.-е. в XII—XV вв. В эту эпоху мы видим борьбу „боярщины“ с крестьянской „волостью“ или, иначе, процесс обояривания и окняжения вольной крестьянской земли. В эту эпоху и создаются отдельные группы зависимого от феодалов в той или иной степени населения.

Уже в Киевщине в XI веке мы находим „закупов“, в Великом Новгороде и Пскове—„половников“ и „изорников“, в Северо-Восточной Руси в XIV в.— группу холопов. Все это люди, попавшие в ту или иную зависимость от феодала. В это время был, конечно, разряд населения, которого процесс феодализации еще не успел полностью захватить — крестьянство в массе тогда еще сохранило свой „Юрьев день“. Но если подойти более тщательно к изучению междукняжеских договорных грамот, то мы там увидим первые ограничения свободы передвижения и для известных групп крестьянства. Так, например, численные люди и дворцовые крестьяне переходить из княжества в княжество в Юрьев день уже не могли: князья взаимно обязывались их не принимать. Вот вам территориальное ограничение Юрьева дня. Что касается жалованых грамот монастырям XIV—XV вв., то они свидетельствуют, что монастыри

лишались права принимать к себе определенного рода людей, например, волостных и дворцовых крестьян. Таким образом, уже в „эпоху феодализма“ появляется и расширяется группа людей, для которых пословица „вот тебе, бабушка, и Юрьев день“ начинала приобретать уже вполне реальное значение. Следовательно, в XVI—XVII вв. никакого „возникновения“ крепостного права не было. Откуда же убеждение в этом взялось? Мы здесь видим, как историки-марксисты попали на крючок буржуазной историографии. На самом деле, в конце XVI в. не „началось“ закрепощение, а „продолжалось“, распространяясь на все бо́льшие массы крестьянства и усиливаясь в своем существе.

Я думаю, что нам нужно совершенно заново построить изучение возникновения у нас крепостничества и самой его сущности, исходя из мысли, что крепостничество, как система определенных производственных отношений, складывалось постепенно на основе одного и того же феодально-крепостнического способа производства.

Следующий вопрос, на котором я остановлюсь,— о прусском пути капиталистического развития в сельском хозяйстве России. У Малышева получился здесь маленький ляпсус. Он сам доказывает, что в XVI—XVII вв. помещичье крепостное хозяйство—это хозяйство, носившее потребительский характер, которое лишь начинало, благодаря появлению товарно-денежных отношений, работать на рынок; а дальше он говорит, что, мол, указание Ленина о переходе русского сельского хозяйства после реформы 19 февраля на капиталистический лад, по прусскому образцу, возможно, так сказать, передвинуть чуть ли не в XVI в. или XVII в. Но ведь Малышев сам говорит, что в XVI в. только начинался процесс товаризации. Надо заметить, что „товаризация“ хозяйства и „капитализация“ хозяйства — два различные понятия. Помещичье хозяйство действительно товаризуется в XVI в., но отнюдь не капитализируется. Капитализироваться оно начало только в конце XVIII в., когда барщина впервые стала поперек развитию производительных сил в сельском хозяйстве, что и вызвало переход от барщинной системы труда к наемному труду, переход, имевший очень затяжной характер.

Теперь дальше. Малышев указывает, что вот, мол, в России торговый капитал привел к возникновению крепостничества. Я это принимаю, но с такой поправкой: в эпоху до XV в. крепостничество уже существовало в более слабой форме, а в XVI—XVII вв. под влиянием товарно-денежных отношений, под влиянием развития торгового капитала оно усилилось. Так было и в Германии в XVI—XVII вв. Но не так было в ряде других западноевропейских стран — в Нидерландах, Англии, Франции,— где торговый капитал не только расслаивал мелких производителей, крестьян и ремесленников, но и разорял феодальное дворянство, заставляя его освобождать за деньги зависимых от него крестьян, а затем и передавать свои земли в буржуазные руки.

Вот в чем было значение торгового капитала в передовых капиталистических странах Западной Европы. Почему произошла такая разница в деятельности торгового капитала на западе и на востоке Европы, Малышев недостаточно выяснил. Мне думается, что ответа на этот вопрос надо поискать прежде всего у Маркса. Все дело здесь в характере общественного разделения труда. У нас принято рассматривать процесс общественного разделения труда в одной форме — в форме отделения ремесла от добывающей промышленности, от сельского хозяйства. Но общественное разделение труда может происходить и в другой форме. Страна может распадаться на ряд отдельных районов, в которых хозяйство остается добывающим, но в которых виды хозяйственной деятельности становятся разнообразными. Маркс указывал на такую форму, так сказать, территориального разделения общественного труда, но не останавливался на ее выяснении подробно, так как он ставил своей задачей открыть законы развития капиталистического общества; а капиталистическое общество складывается раньше всего в тех странах, где процесс общественного разделения труда шел в порядке отделения мануфактуры от сельского хозяйства. В этих странах торговый капитал развивался быстрее и становился более мощным, а поэтому рано и брался за организацию капиталистического производства, которое и подрывало основы феодализма. Напротив, там, где процесс общественного разделения труда развивался в форме распада страны на скотовод-

ческие, земледельческие и охотничьи районы, там торговый капитал долгое время не брался непосредственно за перестройку производства. Оно оставалось прежним. Немудрено, что в тех странах, где товарами становилось всякого рода сырье, экономическое развитие шло чрезвычайно медленно. В этих странах не торговый капитал организовывал производство, а феодалы-земледельцы приспособляли свои хозяйства к рынку. Тема эта, однако, очень обширна и важна, о ней можно говорить очень долго и много, а мое время уже истекло. На этом я кончаю.

О. А. ЛИДАК.

Товарищи, во-первых, я должен отметить, что имеются противоречия между докладчиками Малышевым и Кудрявцевым; например, по вопросу об определении сущности феодализма у них нет единой точки зрения, и мне кажется, что на этом стоит остановиться.

Кудрявцев считает, что основа феодализма в соединении мелкого сельского хозяйства с мелким ремеслом, и я думаю, что это определение правильно. Малышев к этому еще добавляет, что нужно в эту систему хозяйства включить и городское хозяйство средних веков. Я с этим не согласен, потому что, хотя города средневековья и входят в общую систему феодального хозяйства, но они в то же время являются новым, чужеродным телом в организме феодального хозяйства. С возникновением городов и городских ремесл и торговли феодальное хозяйство постепенно начинает разлагаться, начинается разложение феодального способа производства. Возникновение города означает, что происходит общественное разделение труда, которое, как известно, способствует развитию технического разделения труда, что, в свою очередь, влияет на процесс развития орудий труда, а изменение орудий труда ведет к изменению способов производства и производственных отношений, что является основной движущей силой общественного развития. Поэтому я думаю, что возникновение городов и означает, что феодализм изживает себя и зарождаются новые производственные отношения, возникает новый способ производства. Конечно, сказанное не относится к мелким городам, мало чем отличающимся от поместья, не имеющим крупного экономического значения и являющимся, скорее, административными и военными, чем экономическими, центрами. Поскольку города экономически стали обособляться от феодальной деревни и приобретать самостоятельное экономическое значение, как торговые

и ремесленные центры, у них сразу возникает борьба против феодалов, которая в большинстве случаев кончается либо изгнанием феодала и провозглашением независимости, либо тем, что горожане просто откупаются от феодала и становятся в своей внутренней жизни вполне независимыми от феодала и его представителей. Поэтому я думаю, что по данному вопросу, скорее, прав Кудрявцев, а не Малышев.

Следующий вопрос — о формациях. В этом вопросе установка докладчиков, считающих, что нет средней промежуточной формации между феодализмом и капитализмом, правильна, и не прав Дубровский, выдвигая крепостничество, как особую формацию. Некоторые выступавшие товарищи правильно отказывались от признания крепостничества, а также и торгового капитализма, как особой общественной формации, но они в то же время ударились в крайность: если в прежних работах некоторых из них торговый капитализм существовал как особая формация, то теперь они склонны совершенно отрицать историческое значение торгового капитала, в силу чего получился перегиб палки. Мы слышали здесь предложения вместо эпохи торгового капитала, как эпохи переходной от феодализма к капитализму, назвать этот исторический отрезок времени эпохой мануфактуры; Томсинский тоже отказывается от эпохи торгового капитала и предлагает весь период XVI — XIX вв. назвать эпохой первоначального накопления. Я думаю, что эти взгляды неправильны, что неверно совершенно отрицать наличие эпохи торгового капитала и для обозначения этой переходной эпохи искать нового названия. Я думаю, что, строго определяя эту эпоху не как самостоятельную общественную формацию, а как переходную эпоху от феодализма к капитализму, как эпоху, в которой старый, феодальный способ производства постепенно разлагается и в недрах его развивается новый, капиталистический способ производства, мы должны признать право гражданства за этим термином, тем более, что торговый капитал в действительности выполнял роль побудителя и двигателя вперед общественного разделения труда и превращения натурального хозяйства в хозяйство товарное. Далее, торговый капитал, способствуя накоплению капиталов в массовом масштабе, создает благоприятную среду для возникновения и развития про-

мышленного капитала, и вообще он является „мощным рычагом в процессе образования предпосылок для промышленного капитала“ (Маркс). В виду этих соображений я высказываюсь за сохранение старого названия.

Малышев не прав, выдвигая положение, что носителем капиталистических элементов в нашем хозяйстве было барщинное хозяйство. Я думаю, что с этим положением Малышева согласиться нельзя. Я считаю, что не барщинное хозяйство являлось носителем капиталистических отношений, что не в барщинном хозяйстве зарождались элементы капитализма, а скорее в оброчном хозяйстве. Барщинное хозяйство по своей экономической сущности являлось феодальным хозяйством, а носителем новых отношений, если говорить о зарождении капитализма в сельском хозяйстве, являлось оброчное крестьянское хозяйство, платящее помещику денежный оброк.

В вопросе о прусском пути, по-моему, Малышев не прав, когда он считает, что начало прусского пути относится к XVI в. Здесь никакого прусского пути не было. Прусский путь означает не торговлю, а развитие капиталистических производственных отношений. Ленин в третьем томе собр. соч. подчеркивал неоднократно, что барщинное, вернее, отработочное хозяйство есть хозяйство феодального типа и что прусский путь означает как-раз переход от отработков к вольнонаемному труду в помещичьем хозяйстве.

Следующий вопрос, на котором я хочу остановиться, — это выступление Вознесенского. Я думаю, что он выступил здесь с большими претензиями против М. Н. Покровского. Что говорил здесь Вознесенский? Сегодня он значительно смягчил тон выступления против М. Н. Покровского. На прошлом нашем собрании он говорил, что, мол, Покровский десять лет развивал теорию, которая в корне неправильна, что, мол, все, за исключением его, с этой теорией были согласны. Вознесенский заявил, что он в продолжение десяти лет имел свою собственную теорию, якобы идущую от Маркса и отличную от неправильной теории Покровского. Оказывается, что мы, грешные люди, считающие теорию Покровского марксистской, в течение десять лет заблуждались, не знали даже о существовании подлинно марксистской исторической теории. Товарищ Вознесенский,

если у вас была эта правильная теория, зачем вы ее спрятали, почему вы не сказали, что теория Покровского неправильная, не марксистская? Почему вы не обогатили марксистскую науку этой подлинной, идущей от Маркса теорией?

Конечно, у М. Н. Покровского есть некоторые перегибы, но из всех историков Покровский, как всем известно, является основоположником марксистской методологии в русской истории. Он создал свою школу историков-марксистов; мы, молодые историки-марксисты, его ученики, можем им гордиться. Он боролся со всякими извращениями на историческом фронте. Прокладывая путь действительно марксистской исторической науке, ему приходилось бороться не только против буржуазной науки, но и против псевдомарксизма, против плехановщины и рожковщины. Вдруг оказывается, что Покровский был не прав, что в исторической науке марксистские взгляды защищает не Покровский, а Вознесенский. Путем таких фокусов расправиться с Покровским, конечно, никому не удастся; человек, выступающий с таким заявлением в нашей среде, вызывает только смех, поэтому, чтобы не быть смешным, не следует брать на себя таких претензий.

Здесь многие товарищи выступали с очень большими претензиями; например, Пригожин, который хотел рассказать всю историю, рассказать обо всех формациях и всех эпохах, обещал дать обо всем этом ясное представление, но, несмотря на свои несомненные ораторские способности, все же поставленных задач не разрешил. То, что было положительного в речи Пригожина, об этом до него сказали предыдущие товарищи. В одних вопросах он безбожно запутался, в других, как это ни странно, повторял Дубровского; очевидно, это получилось потому, что он поставил перед собой невыполнимую задачу, хотел объять необъятное, в результате чего получилось скольжение по поверхности.

Несколько слов по поводу выступления Шахназарова. Относительно того, что он говорил о Милюкове, я с ним не согласен. Шахназаров считает Милюкова крупным историком, говорит, что у Милюкова в жизни были две крупные ошибки. (*Голос*: Научные, не политические). Милюков в нашей среде не может считаться крупным историком. У него не две ошибки,

а вся его концепция есть сплошная ошибка. У него нет собственных исторических взглядов. У него есть амальгама, смесь разных буржуазных теорий. И когда говорят, что у него только две крупные ошибки, можно подумать, что у него все остальное — маленькие ошибки. Милюков представляет собою такого эклектика, у которого нет ничего своего, ни в смысле исторических взглядов, ни в смысле социологическом. Последняя ошибка Милюкова, о которой говорил Шахназаров, это не ошибка, а просто зацепка за историю, чтобы лишний раз перед буржуазной Европой лягнуть большевиков и оправдать политику русской буржуазии в эпоху Октябрьской революции и гражданской войны.

Кончаю. Мне кажется, что в результате дискуссии мы придем к уточнению наших взглядов на исторический процесс, но, безусловно, нам придется здесь много поработать, чтобы в новом аспекте осветить целый ряд исторических фактов, событий из конкретной русской истории.

Я думаю, что в итоге дискуссии мы придем к положительным результатам.

И. Д. ШАХНАЗАРОВ.

С генеральным положением Малышева относительно того, что крепостничество не представляет собой самостоятельной общественной формации, следует полностью согласиться. Я думаю, что в добавление к тем данным, которые он приводил из Маркса, Энгельса и Ленина, нужно также четко установить то обстоятельство, что и Покровский не рассматривает крепостничества *как особую общественную формацию.* В самом деле, в своем дореволюционном четырехтомнике Покровский прослеживает и подчеркивает эволюцию крепостничества, но ничего не говорит о том, что это новая общественная формация. Напротив, на протяжении всего курса он говорит о „феодальных отношениях в древней Руси“, о „феодальной реакции конца XVI в.“, о „новом феодализме XVIII в.“. В послереволюционной „Русской истории в самом сжатом очерке“ Покровский дает характеристику русского феодализма и затем переходит к разложению феодализма и крепостному хозяйству. Последнее у него является не новой общественной формацией, а характеризуется усилением старых явлений, бывших налицо еще в эпоху феодализма—усилением барщины и оброка.

Теперь, дальше, по вопросу о том сражении, которое идет между всеми нами, здесь присутствующими, и отсутствующим Дубровским. Отсутствие Дубровского не мешает нам сказать, что в основном прав Малышев и неправ Дубровский. Но на таком собрании, как наше, мы не должны проходить мимо того факта, что ошибка ошибке рознь. Например, у относительно крупного буржуазного историка Милюкова на двух этапах его деятельности были две ошибочные теории. Первая, старая теория Милюкова, это теория контраста, которая положена в основание его „Очерков по истории русской культуры“; вторая „теория“ Милюкова, созданная им в эмиграции и противоположная первой, гласит, что в сущности в России ни государство, ни

высшие классы не были сильными, что силу представляла собою анархическая крестьянская масса. Я не буду останавливаться на политических подоплеках и первой и второй его „теорий". Они общеизвестны. Но дело в том, что обе ошибки Милюкова русскую буржуазную историографию ничему не научили, никаких уроков ей не дали, не содействовали, да и не могли содействовать дальнейшей эволюции буржуазной историографии.

Если мы возьмем ошибку Дубровского, ошибку, конечно, жестокую, то мы должны сказать, что в конечном счете она принесла нам колоссальную пользу, потому что она заострила наше внимание на тех проблемах, на которых мы до сих пор не заостряли нашего внимания. Она заставила еще раз пересмотреть и уточнить ряд основных марксистских положений в их конкретном приложении к ходу русского исторического процесса.

Затем, сражаясь с Дубровским, всячески подчеркивая его ошибку в отношении к крепостничеству, мы не должны забывать, что говорит Дубровский о торговом капитале. У него в книге, в соответствии с Марксом и Лениным, есть определенные указания на то, что торговый капитал не представляет собою самостоятельной общественной формации. Правда, вместо торгового капитала у него выскакивает, как самостоятельная формация, крепостничество. Но не следует бить человека дважды за одну и ту же ошибку. (*Томсинский*: добрый ты человек). Добрее тебя, во всяком случае.

Соглашаясь в основном с Малышевым, я хотел бы остановиться на следующих его отдельных положениях. В третьем тезисе у Малышева феодальное хозяйство и помещичье крепостное хозяйство квалифицируются как потребительские. Малышев подчеркивает, что и феодальное, и крепостное хозяйства имели своей „целью производство потребительских ценностей, а не меновых". Но ведь, если Маркс характеризует феодальное хозяйство как потребительское, то он гораздо чаще применяет к нему термин „натуральное хозяйство". Ленин в книге „Развитие капитализма в России", говоря о крепостном хозяйстве, постоянно называет его натуральным хозяйством. И Маркс, и Ленин при этом имели в виду сделать ударение *на*

производственной стороне феодального и крепостного хозяйства. Маркс прямо говорит: „Натуральное хозяйство предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта“ [1].

В отношении помещичьего крепостного хозяйства все дело как-раз и заключается в том, что тут и земля, и рабочая сила, и орудия производства, и семена не покупаются, а производятся в самом хозяйстве; иначе говоря, „условия хозяйствования... производятся в самом хозяйстве“. Затем основой и феодального и крепостного хозяйства является мелкое крестьянское хозяйство. Производственные отношения и там и тут покоятся на эксплоатации мелкого производителя с помощью внеэкономического принуждения.

Таким образом, в производственном отношении между феодальным и крепостным хозяйством принципиального различия нет. Сам Малышев имеет в виду доказать, что крепостное и феодальное хозяйство по сути дела представляют одно и то же. Поэтому, и принципиально, с точки зрения необходимости сделать ударение на производственной стороне крепостного хозяйства, и практически, с точки зрения развиваемого самим Малышевым основного положения о близости крепостного и феодального хозяйства, было бы правильнее квалифицировать крепостное хозяйство как натуральное.

Теперь по вопросу о прусском пути. В высказываниях по этому вопросу, я думаю, прав Вознесенский, а не Малышев. (*Лозинский*: Речь шла об условиях зарождения прусского пути). Правда, Малышев в своих печатных тезисах, именно — в четвертом тезисе, очень осторожно говорит о прусском пути развития по отношению к России. Но в своем же собственном устном докладе и в своем недавнем выступлении по поводу доклада Томсинского Малышев высказывается более решительно о прусском пути как ведущем свое начало еще с XVI—XVII вв. Конечно, ленинизм не догма, а метод. Но все-таки следует быть более осторожным с расширенным толкованием ленинских положений. Дело в том, что, когда Ленин говорит о прусском пути, он имеет в виду именно *капиталистическую*

[1] „Капитал“, т. III, ч. II, стр. 332.

организацию производства помещичьего сельского хозяйства. Что сельское хозяйство было товарным и раньше, что и прусский и русский помещики продавали хлеб еще при крепостном хозяйстве, Ленин, конечно, отлично знал. Вопрос о прусском пути выдвигался Лениным по отношению к позднейшему времени, когда помещик стремится расстаться или уже расстался и с крепостными, и с барщиной и начинает *капиталистически организовывать именно производственную базу своего хозяйства.* С этой точки зрения полезно припомнить мнение Ленина, что даже в XX в. победы прусского пути еще нет. Вспомните по этому поводу письмо Ленина Скворцову-Степанову, написанное в 1909 г. Я думаю, что правильнее было бы сказать, что прусский путь в России стал развиваться в XIX в. на основе разложения крепостного хозяйства, а не в XVI—XVII вв. на основе формирования крепостного хозяйства и крепостного права. Ведь XVI—XVII столетия характерны именно как эпоха усиления и формирования крепостнического, *натурального в своей производственной основе, хозяйства,* характерны усиленным развитием барщинного труда, увеличением количества крепостных, работающих в имении помещика *на основе внеэкономического принуждения.* Как же можно в таком случае относить прусский путь, путь капиталистической организации помещичьего сельского хозяйства, хотя бы в его начальной фазе, к XVI—XVII вв.? Конечно, догматизма следует остерегаться; конечно, известная подготовка для прусского пути развития имелась в предшествующих этапах русской истории. Но — это одно дело, а отнесение самого прусского пути к XVI—XVII вв.— другое дело. (*Голос с места*: Что предопределило прусский путь?).

Необходимо остановиться и на седьмом тезисе Малышева. В этом тезисе он абсолютно правильно указывает на то обстоятельство, что, по Марксу, в эпоху феодализма имели место и отработочная и продуктовая рента и что обе эти формы ренты являлись выразителями одних и тех же производственных отношений. Но дело в том, что Малышев, опровергая Дубровского, оперирует теми же материалами, что и Дубровский— Марксом и Энгельсом. Конечно, указания Маркса и Энгельса бесконечно важны и ценны в методологическом отношении. Но все-таки следовало бы, после того как пущены в ход и

Маркс, и Энгельс, пустить в ход и русскую историю, следовало бы остановиться на фактических данных русской истории, на особенностях развития русского феодализма. У Малышева в тезисах по этому поводу ничего нет.

Правда, следует признать: в коридоре, или, говоря высоким стилем, в кулуарах, он мне сказал, что считает, что в России в эпоху феодализма преобладал оброк, а не барщина. (*Малышев*: Об этом я сказал). Но в тезисах у него об этом ничего нет, в докладе об этом также не говорилось, а, если говорилось то мельком.

С этим вопросом связано выступление Пригожина. Пригожин напоминает, что Маркс установил по отношению к феодализму, как наиболее раннюю и типичную форму ренты, ренту отработочную. На этом основании он говорит, что и в русском феодальном обществе отработочная рента должна была быть господствующей формой ренты. Действительно, во II части III тома „Капитала" Маркс говорит об отработочной ренте как о первичной и простейшей, говорит о ее дальнейшем превращении в продуктовую и денежную. Однако, в этой же II части III тома, как-раз в разделе об отработочной ренте, говоря о ней, в ее связи с экономической структурой общества, Маркс высказывается следующим образом: „Один и тот же экономический базис—один и тот же со стороны главных условий—благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаружить в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств". Следовательно, Маркс прямо говорит о необходимости индивидуального, эмпирического подхода к каждой данной стране, о возможности „бесконечных вариаций и градаций" в формах феодальных отношений. Поэтому утверждение Пригожина, что и в русском феодальном обществе должна была преобладать барщина (отработки), мне кажется, как-раз является не эмпирическим, а отвлеченным положением.

Второе положение Пригожина заключается в том, что в писцовых книгах должны найтись подтверждения того, что барщина в феодальной Руси преобладала. Но ведь все несчастье

в том, что писцовые книги появились во второй половине XV в. и в XVI в., а классическая пора русского феодализма (если вообще можно считать, что Россия переживала феодализм в его классическом виде) приходится на XII—XIV вв. Следовательно, если по писцовым книгам и можно установить преобладание барщины, то это будет характеризовать не „классическую" пору русского феодализма, а позднейшее время. В отношении же этого позднейшего времени, конца XV, XVI и XVII вв., никто и не отрицает преобладания барщины. Напротив, все дело как-раз в том, что барщина, чем дальше, тем больше развивается. Что же касается XII—XIV вв., то, конечно, тут имели место и оброк и барщина, но барщина, судя по всем отрывочным данным, не имела преобладающего значения.

Затем я должен остановиться на некоторых тезисах Вознесенского. Вознесенский и в прошлый раз и сегодня выдвинул положение о необходимости выделения мелкобуржуазного и мануфактурного способов производства. Но дело в том, что мелкобуржуазное производство, в конечном итоге, было мелким производством, характерным для эпохи феодализма. Если оно существовало в позднейшее время, то представляло собою не что иное, как пережиток феодальных экономических отношений.

Затем мануфактурный способ производства. Действительно, у Маркса в „Коммунистическом манифесте" есть такое выражение: „мануфактурный способ производства". Но, если взять полностью все, что говорит здесь Маркс, то ясно, что для Маркса мануфактурный способ производства—не какой-то особый способ, а начальная фаза капиталистического способа производства. Если так диференцировать способы производства, как это делает Вознесенский, то можно найти еще больше способов производства. Однако, я думаю, нам нужно договориться относительно того, что в ходе развития современных европейских народов мы имеем только два основных способа производства: мелкое—феодальное и крупное—капиталистическое. Все остальные способы производства связаны с этими двумя основными и представляют собой либо пережитки феодального способа производства, либо подготовку капиталистического способа.

Следующее обстоятельство, на котором я хотел остановиться, это вот какое. Вознесенский считает, что русская торговая буржуазия формировалась и богатела не в связи с крепостным правом и не на базе эксплоатации крепостного крестьянства, а путем широкой эксплоатации черносошных крестьян севера и инородцев окраин. Но, во-первых, и черносошные крестьяне и националы были все теми же мелкими производителями, которые всячески эксплоатировались торговой буржуазией. Во-вторых, как-раз в пору их усиленной эксплоатации происходило вместе с тем в XVI—XVII вв. и их закрепощение. В-третьих, купцы богатели не только на эксплоатации черносошных крестьян и националов, купцы покупали продукты у дворян, продукты, представляющие собой прибавочный продукт, выжимаемый помещиком, которым он делился с торговым капиталистом. Следовательно, мне кажется совершенно ясным, что торговая буржуазия развивалась в России на базе эксплоатации мелких производителей, закрепощенных или закрепощаемых. Поэтому я не могу согласиться с тем, что торговая буржуазия в России развивалась не в связи с крепостничеством и не на базе эксплоатации закрепощенных или закрепощаемых мелких производителей (*Томсинский*: Понятное дело).

Затем я не могу согласиться с Вознесенским еще в одном вопросе. Он говорит, что купцы нуждались в дворянах, а дворяне не нуждались в купцах. Что значит—„дворяне не нуждались в купцах“? Это отвлеченная, не жизненная, не диалектическая постановка вопроса. По отношению к истории XVI—XVII вв. ни в коем случае недопустимо такое резкое одностороннее противопоставление дворян купцам. Они вместе эксплоатировали мелких производителей — крестьян, были тесно связаны друг с другом и нуждались друг в друге. В связи с этим неправильной является и ссылка на подводную повинность. Конечно, подводная повинность играла известную роль. Но неужели она сыграла такую колоссальную роль в ходе исторического развития России, что дворяне, благодаря подводной повинности, совершенно не нуждались в купцах? Это, по-моему, преувеличение. Все сказанное ни в какой мере не исключает того, что между дворянством и торговой буржуазией было наличие и известного рода противоречий, подчас очень острых.

Наконец, последний вопрос. В прошлый раз Вознесенский как-будто признал, что заслуга Покровского заключается в „открытии“ торгового капитала в России; но, вместе с тем, он заявил о своем несогласии с Покровским в определении роли и взаимоотношений дворянства и торговой буржуазии. Вслед за этим Вознесенский сказал, что по этому вопросу у него происходили часто дискуссии с изучающими русскую историю, так как они исходили от Покровского, а он от Маркса. Я думаю, что такая постановка вопроса неприемлема. Мне кажется, что дело обстоит как-раз таким образом, что именно Покровский шел за Марксом, когда он „открывал“ в России торговый капитал.

У Маркса есть общеизвестные определенные указания, что торговый капитал развивался путем грабежа, путем насилия, морского разбоя и т. д. У нас торговый капитал, в силу географических условий, не пользовался в больших размерах методом морского разбоя, но он широко использовал все остальные методы для насильственной эксплоатации и грабежа народных масс. Покровский четко и конкретно проследил в ходе русской истории все это и показал, как торговая буржуазия и дворянство совместно эксплоатировали, закабаляли и грабили мелкого производителя.

Покровский тут идет не только за Марксом, но и за Лениным. Ленин в „Развитии капитализма в России“ показал роль торгового и ростовщического капитала в отношении XIX в. Покровский, исходя от Ленина, пошел дальше, в предшествующие эпохи русской истории и явно показал все то, что делал торговый капитал на протяжении всего хода русского исторического процесса.

В связи с этим, некоторые полагают, что Покровским слишком выпячена роль торгового капитала. Я думаю, что он это правильно сделал. Возьмите всю буржуазную историографию. Даже Соловьев в своих двадцати девяти томах, в сущности, ничего не говорит о роли торгового капитала. У Ключевского мы видим шаг вперед в деле анализа социально-экономических явлений, в деле анализа крепостного права и крепостного хозяйства. Но у него вы тоже видите на арене русской истории, главным образом, дворянство и крестьянство,

видите правильное или неправильное построение об их взаимоотношениях, но колоссальной роли торгового капитала и он не замечает.

Если мы все это примем во внимание, то ясно, что Покровский поступил правильно, выпятив роль торгового капитала. При этом, конечно, следует согласиться, что у Покровского имеются некоторые перегибы, встречаются и неудачные выражения, могущие дать повод к недоразумениям. Кроме того, конечно, русская марксистская историография на Покровском не остановится. Она и сама по себе пойдет дальше. Она внесет и ряд коррективов, дополнений и изменений в его построения. Но, в основных, кардинальных проблемах русской истории за Покровским следуют все те, кто подходит к изучению русской истории с марксистским методом. В частности, и тут у нас, за Покровским идет Малышев, когда он выступает против Дубровского. Томсинский, отличающийся самостоятельностью и смелостью в анализе проблем русской истории, когда он говорит об эпохе первоначального накопления в отношении России, он идет не только за Марксом и Лениным, но идет и за Покровским, потому что анализ русской колонизации, анализ роли торговой буржуазии — эти анализы Покровского подготовили почву для выводов о первоначальном накоплении в России.

Да и что значит вообще тезис: „я шел за Марксом"? Маркс дал методологию истории, но Маркс не изучал специально русскую историю. Первыми конкретно применили методологию Маркса к русской истории, дали подлинный марксистский анализ русской истории Ленин, а вслед за ним Покровский, который во всеоружии методологии Маркса и Ленина специально отдал себя изучению русской истории. Поэтому итти за Марксом в отношении русской истории — это значит итти за Покровским. Мне припоминается по этому поводу, что такой гигант, как Достоевский, гигант не в политико-публицистическом; конечно, а в художественном смысле, как-то сказал: „Мы все вышли из гоголевской шинели". Перефразируя слова Достоевского, мы, русские историки, можем сказать: „Мы все вышли из построений и методов Покровского, мы все идем по тем просекам, которые в русской марксистской историографии были прорублены Покровским".

С. Г. ТОМСИНСКИЙ.

Ученики М. Н. Покровского, в том числе и я, неоднократно выступали против своего учителя. Однако, спор между нами и М. Н. никем никогда не рассматривался как спор между марксистами и немарксистами. Это была внутренняя дискуссия, которая помогала разрешить ряд вопросов. Надо подчеркнуть, что даже ошибки М. Н. Покровского больше содействовали изучению марксизма, чем десятки правильных положений его немарксистских противников.

С. В. Вознесенский заявил, что „одни шли от Покровского", а он „шел от Маркса". Мы могли бы радоваться такой находке, если бы эта находка не упала с карамзино-чичеринской телеги. Вознесенский приветствует здоровую реакцию Дубровского против покровщины. Реакция, даже здоровая реакция, всегда является ответом на революцию. Мы, марксисты, предпочитаем даже больную революцию здоровой реакции. С тем бо́льшим основанием мы приветствуем ту огромную революцию, которую М. Н. Покровский произвел в исторической науке.

Не случайно Вознесенский поддерживает Дубровского и нападает на „зомбартианца" Томсинского, хотя он меня и не называет. (*Вознесенский*: Представьте, я вас совершенно не имел в виду.) Вы — типичный последователь Зомбарта, так как выступаете с „открытием", что торговый капитал не был заинтересован во внеэкономическом принуждении. Чье это открытие: Зомбарта или Маркса? Зомбарт отличается от Маркса тем, что рассматривает процесс первоначального капиталистического накопления, как идиллию. Вознесенский „прикрашивает" историю для того, чтобы „доказать", что торговый капитал не был заинтересован во внеэкономическом принуждении: он ссылается на купцов Строгановых, которые действовали на севере среди черносошных крестьян. Допустим, что, кроме купцов Строгановых, у нас никого не было; но разве

в строгановских имениях не было крепостных крестьян? Разве богатство Строгановых не выросло на беспощадном разорении, закабалении и экспроприации крестьян и „инородцев“ Сибири? Все это, как известно, делалось при помощи государственного аппарата (между прочим, у Строгановых был великолепно налажен собственный аппарат).

Если мы спустимся с севера на юг, передвинемся немного южнее, где климат благодатнее, чем в имении Строгановых, но где суровее общественные отношения, то увидим исключительное господство внеэкономического принуждения. Бояре, помещики и купцы Морозовы, Романовы, Одоевские и тысячи других выросли и разбогатели не без помощи государственного аппарата, военных команд, экзекуций и карательных экспедиций.

С. В. Вознесенский занимается историей не один десяток лет и явно фальсифицирует ее только для того, чтобы „опровергнуть“ „не марксиста“ Покровского, в исторической системе которого (как и в системе Маркса) внеэкономическое принуждение занимает определенное место. Итак, наши купцы-крепостники были чуть ли не либералами. И это утверждает историк, занимавшийся историей Екатерининской законодательной комиссии! Разве купцы в этой комиссии требовали свободы торговли, отмены внутренних пошлин, раскрепощения крестьян?! Наоборот! Они хотели стать такими же крепостниками, как и дворяне, хотели получить неограниченное право владеть рабами... Если купечество не было заинтересовано во внеэкономическом принуждении, то почему оно не боролось, не объявило войну крепостникам? Оно должно было драться, должно было противопоставить себя крепостникам. Стоит ли говорить о гг. Гучкове и Родзянке, как о представителях купечества, которые были против внеэкономического принуждения, о Пуришкевиче, как о выразителе интересов крепостников, тосковавшем в Государственных думах о том времени, когда крестьяне были закрепощены!

Меньшевики „учили“, что наша революция воспроизводит, повторяет буржуазные революции Западной Европы, что исторический процесс России повторяет историю Европы: как там, так и у нас происходит борьба купечества, буржуазии

с феодалами. На деле у нас было далеко не так: наша буржуазия в XX в. была так же реакционна, как купцы в Екатерининской законодательной комиссии в XVIII в.

С. Р. Вознесенский „идет не от Покровского, а от Маркса", но попадает... к Зомбарту: он не согласен, что торговому капиталу было выгодно сохранить феодальную систему эксплоатации и организации. Он с удивлением спрашивает: кого купец мог эксплоатировать, помещика, что ли? Оказывается, что, кроме помещика, никого в России не было; он не понял, что купец вместе с помещиком стригли мужика, что купец, мог извлекать тем больше прибыли, чем крепче сидел помещик. Даже и не марксисты в свое время поняли, что помещик ограбил, крестьянина, завоевал и присвоил себе его землю.

Раздробленное крестьянское землевладение, распыленные крестьянские *товаропроизводители не были* в состоянии разрушить, разгромить централизованный помещичий государственный аппарат, опиравшийся на крупное помещичье землевладение, которому нужна была мужичья рабочая сила, крестьянский инвентарь, крестьянская земля. Довольно странно „марксисту" ставить вопрос так, что торговому капиталу не выгодно было сохранить феодальную систему... Маркс неоднократно указывает, что торговый капитал был заинтересован в сохранении, консервации старого способа производства. Новоиспеченный марксист не может согласиться с М. Н. Покровским, что торговый капитал гулял у нас „в шапке Мономаха"; он не соглашается с тем, что купечество не могло бы завоевать Сибирь, проглотить Украину, вырезать Башкирию и т. д. без помощи помещичьего аппарата.

Итак, историк, рисующий накопление капитала, как идиллию, идет не от Маркса, а следует по стопам В. Зомбарта. Историк, забывающий о мужике, возвращает нас к карамзино-чичеринской школе, которая пыталась доказать, что мужик был закрепощен в интересах всего государства и своих собственных.

Прошлый раз Вознесенский сказал, что купец и крепостник—классовые враги[1]. Маркс в „Немецкой идеологии" указывает,

[1] На этой точке зрения стоит и некий проф. Н. Пчелин (Известия педагогич. факультета, 1929 г., т. XVI. Баку), опирающийся в своих доказательствах на проф. Готье, Петрушевского и Струве.

что промышленник был одновременно и купцом. Если промышленник был одновременно купцом в Германии в XVII в., где общественные отношения не были столь развиты, почему купец и землевладелец не могли быть одним лицом в России, в стране более отсталой, чем Германия? Вспомним купцов и землевладельцев Строгановых, Морозовых, Романовых и тысячи подобных им „строителей“ помещичьего государства.

Наконец, о мелкобуржуазном способе производства С. В. Вознесенского. Следует ли данной аудитории напомнить слова Ленина о „народном производстве В. В.“ и прочих эпигонов народничества?

Если Вознесенский далеко отодвинулся от Рожкова к Карамзину, то еще дальше Дубровский отодвинулся от Маркса, близко подойдя к Рожкову.

Надо дать политическую оценку выступлению Дубровского, так как нет научных выступлений вне политики, вне классовой борьбы. Ленин неоднократно говорил о феодально-крепостнических остатках накануне революции 1905—1907 и 1917 гг., о пережитках феодализма, о помещичьих латифундиях, о национально-сословных ограничениях и т. д. Если вырвать из всей системы феодально-крепостнических отношений феодальную систему, пережитки феодализма и оставить только крепостничество без феодализма, то мы не получим тех глубоких пережитков, остатков феодализма, о которых говорил Ленин, тогда окажется, что накануне наших революций классовые противоречия были гораздо мягче, чем на самом деле. „Схема“ С. М. Дубровского подводит нас, таким образом, к „культурному“ капитализму Струве и Рожкова. Вот что получается, если принять крепостничество, как отдельную самостоятельную общественную формацию, которая противостоит феодализму так же, как капитализм крепостничеству. У Дубровского получается определенная тенденция — смягчить классовые противоречия накануне 1905—1907 гг., поднять крепостничество на бóльшую высоту, чем оно находилось на самом деле. Вспомните учение Рожкова о „культурном капитализме“, о „демократической революции“... Учение о „культурном капитализме“ привело Струве в лагерь белых, Рожкова — в лагерь меньшевиков. Всесоюзный съезд аграрников осудил право-оппортунистическое выступле-

ние Дубровского. И это не случайно. С. М. Дубровский не с сегодняшнего дня занимается историей аграрных отношений. И своей последней работой С. М. Дубровский поддерживает рожковщину.

Возьмем другое положение Дубровского и убедимся, насколько он в этой работе отошел от революционного марксизма. С. М. Дубровский считает, что дворянская революция играла ту же роль, что и буржуазная революция, что дворянство пришло к власти в итоге победоносной дворянской революции. Рожков считает „смуту" дворянской революцией, а М. Н. Покровский — крестьянской. Здесь огромная принципиальная разница: в первом случае движущей силой истории было дворянство, во втором — крестьянство. В первом случае прогрессивной силой был помещик, во втором — крестьянин. Вспомните Плеханова, у которого вперед смотрело только дворянство.

В эпоху „смуты" у Дубровского выпадает крестьянин. Поэтому автору „десяти общественных формаций" так сочувствует С. В. Вознесенский.

Воздавая дань рожковщине, Дубровский забывает историю. Можно ли считать „смуту" радикальной, победоносной дворянской революцией крепостников? Ни в коем случае! „Смута" была компромиссом между боярином, который не был в состоянии приспособиться к рыночным отношениям, и помещиком, который пытался выйти на рынок. Покровский имеет основание говорить (как и Энгельс) о новом феодализме, об оживлении феодальных отношений. Феодально-крепостническая система, крупные латифундии, помещичья вотчина победили, благодаря компромиссу, который состоялся под влиянием бурно нараставшего революционного движения крестьян... Здесь никакой дворянской революции не произошло. Под влиянием *крестьянской* революции помещик (как и вотчинник) пытался перестроить свое хозяйство, приспособить его к рынку. Когда же крестьянское движение было разбито, помещик „почивает на лаврах"; только незначительная группа дворян в XVII в. втягивается в рыночные отношения. Подавляющая масса дворян до конца XVIII в. сохраняет натурально-потребительское хозяйство.

Даже в Англии не было тех отношений, которых искал Дубровский. В 1648 г., как указывает Маркс, в Англии происхо-

дила борьба *нового* дворянства, перерождавшегося дворянства и буржуазии со старыми феодалами. В Англии, как и в России, дворянство приспосабливалось к новым условиям, но в России этот процесс происходил крайне медленно.

С. М. Дубровский смягчает и диктатуру царизма, так как считает его только диктатурой крепостников. Купечество у него совершенно выпадает. Купечество он, как и Вознесенский, противопоставляет крепостникам. „Культурная" буржуазия получает помощника в лице купца. Получается совсем как у меньшевиков, а не как у Ленина, который считал самодержавие диктатурой крепостников, но не противопоставлял купца (Гучкова, Родзянко) помещику-крепостнику (Пуришкевичу и т. п.).

Дубровский считает, что крестьянские революции происходили на грани феодализма и крепостничества, на грани двух общественных формаций. Это не выдерживает критики. С точки зрения Дубровского, хмельничина, разинщина, пугачевщина происходили на грани двух общественных формаций. Это не соответствует действительности. Каждое крестьянское движение было борьбой непосредственного товаропроизводителя, пытавшегося пробиться на рынок через помещичьи преграды. Эта борьба происходила тогда, когда целые новые области и районы втягивались в международный и внутренний товарооборот. Эти движения происходили в различное время. Разинщина — в феодально-крепостническую эпоху, пугачевщина — в эпоху начавшегося разложения феодально-крепостнических отношений... Разинщина и пугачевщина произошли в эпоху первоначального капиталистического накопления, которое в России затянулось на несколько столетий.

Процесс первоначального капиталистического накопления, по мнению Маркса, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условиях его труда; это — процесс, превращающий, с одной стороны, общественные средства производства и существования в капитал, и с другой стороны — непосредственных производителей в наемных рабочих. Далее он замечает, что „история (т. е. история экспроприации самостоятельного производителя — *Т.*) в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи". В классической

форме она только совершается в Англии. В своем письме в „Отечественные Записки“ в конце 1877 г он указал, что события, поразительно аналогичные между собой, но происходившие в исторически различной среде, приводят к совершенно различным результатам, но при изучении особенностей отдельных стран „никогда нельзя прийти к пониманию, пуская в ход повсюду и всегда ту же отмычку к какой-либо историко-философской теории“. Надо учесть и особенности развития России.

Маркс великолепно знал, что в эпоху первоначального накопления Португалия и Испания имели крепостных крестьян, применяли рабский труд в колониях, однако, он указывает, что „различные моменты первоначального накопления распределяются теперь между различными странами, а именно — между Испанией, Португалией, Голландией, Францией, Англией. Россия, как и Испания, имела крепостных и вела большие колониальные войны. В письме к В. Засулич основоположник научного социализма указывает, что экспроприация крестьян совершается не только изгнанием их с земли, но и тем, „если у них вырвать продукт их земледельческого труда сверх известной меры“. В России, как известно, в крепостную эпоху продукт крестьянского труда вырывался „сверх известной меры“. Не следует забывать огромную армию посессионных рабочих, которые фактически экспроприировались совершенно, лишались собственности в то время, когда они закрепощались.

И. Кулишер, кажется, является первым экономистом, который относит XVI-XVIII вв. к эпохе первоначального накопления[1], но он механически переносит на Россию западно-европейский процесс. Он, как и Зомбарт, видит источники накопления в подрядах, откупах, в торговле и промыслах. Он совершенно обходит процесс экспроприации крестьянской земли и стройную систему колониальной политики Московской Руси. В России первоначальное капиталистическое накопление происходило в своеобразной форме в барщинном и оброчном хозяйстве, где помещик сплошь и рядом присваивал даже часть необходимого продукта крестьянина. Первоначальное капиталистическое накопление „сверх известной меры“ происходило и в мануфактуре — в поташных, юфтяных заводах. Колоссальный источник

[1] „История русского народного хозяйства“, т. II, гл. XVI.

дохода давал планомерно организованный грабеж колоний. Огромные богатства Строгановых, Морозовых и т. п. выросли на колониальном грабеже. Крепостничество является не самостоятельной общественной формацией, а своеобразной формой процесса первоначального накопления капитала в России.

Считая крепостничество самостоятельной общественной формацией,Дубровский переоценивает прогрессивный характер крепостного хозяйства. Московское государство было отсталой, страной, в сравнении с Западной Европой. Технические усовершенствования, культурные новинки приходили к нам с большим опозданием. Они опаздывали и слабо прививались из-за крепостного режима. В эпоху разложения феодального хозяйства крестьянство (через „смуту“, хмельничину, разинщину и т. д.) пыталось прорваться, пробиться к капитализму, к свободным рыночным отношениям. Помещик - крепостник преграждал крестьянину путь и непосредственно сам на основе крепостной рабочей силы приспосабливал свое хозяйство к развивающимся рыночным отношениям. В итоге мы имеем хозяйство, которое развивалось крайне медленно и носило реакционный характер.

Считая крепостничество самостоятельной общественной формацией, С. Дубровский[1] проходит мимо таких важных источников накопления, как колониальные войны, и игнорирует накопление в мануфактуре и роль самой мануфактуры.

Итак, первоначальное накопление капитала происходило в России в своеобразных условиях в феодально-крепостной вотчине, начиная с XVII в. История XVII-XX вв. поддается следующей периодизации: а) феодально - крепостническая общественная формация XVII—XVIII вв., б) промышленный капитализм (с начала XIX в.). Крепостничество следует рассматривать как этап, как последнюю стадию феодализма в России.

О схеме Малышева. Чем она страдает? Недостаток его схемы в следующем: феодализм затягивается. Он не нащупывает перехода, он не устанавливает, когда количество переходит в качество; есть феодализм XVI в., феодализм XVII в. и, наконец, феодализм XVIII в. Ведь между ними есть грань. Неужели феодализм XVII в. не отличается от феодализма XVIII в.? Ведь

---

1 „Аграрные проблемы“, 1929 г., т. 2.

нельзя отвлечься от того факта, что в XVIII в. в России начинает быстро развиваться мануфактура, которая, по Марксу, является одним из этапов развития капитализма. Ленин устанавливает, что основой барщинного хозяйства было натуральное хозяйство. Малышев пытался доказать, что прав Покровский, а не Ленин. На самом деле схема Покровского не противоречит схеме Ленина. Натуральная основа крепостного хозяйства заключается в следующем. Отношения между помещиком и крестьянином были отношения натуральные: крестьянин получал зарплату в натуре, необходимый продукт был отделен от прибавочного во времени и пространстве, барщинное крестьянское хозяйство было натуральным, крестьянское хозяйство было слабо связано с рынком.

В общем, я согласен с А. Пригожиным, но неприемлемо его положение о причине внеэкономического принуждения в эпоху феодализма: крестьяне, мол, были закрепощены потому, что никто тогда не имел собственности. В „Немецкой идеологии" (стр. 256) Маркс пишет: „Главной формой собственности в феодальную эпоху является, с одной стороны, *земельная собственность, со связанным с нею трудом крепостных* (курсив мой—*Т.*), а, с другой—собственный труд при наличии мелкого капитала и труда используемых им подмастерьев". Следовательно, никак нельзя отрицать существование феодальной собственности.

Крестьянин фактически сидел на земле, но не был ее юридическим собственником. Помещик был ее юридическим собственником, но не был в состоянии освоить землю без крестьян. Опираясь на крупное землевладение и на мощный государственный аппарат, помещик мог разрешить это противоречие.

О схеме М. Н. Покровского о торговом капитале. Некоторые товарищи пытались легко разделаться с системой Покровского. М. Н. Покровский не рассматривал торговый капитализм, как особую общественную формацию. Когда анализируешь феодально-крепостнические отношения, то нельзя отвлечься от торговых отношений. Если отвлечься от торговых отношений, от торговли, то не поймешь внешней политики Московской Руси, касающейся захвата Сибири, Аляски, берегов Балтийского моря и т. д. В захвате Сибири, части Америки, Манчжурии непосредственно помещик был меньше заинтересован.

Схему Покровского, с его концепцией о торговом капитале, нельзя ликвидировать. Нужно внести значительные поправки. Сегодняшняя дискуссия не мало сделала в этом отношении.

Если Маркс говорит о том, что купеческий капитал как бы скользит по поверхности производства, то это не означает, что в феодально-крепостную эпоху он витает над производством, как древний еврейский бог Саваоф витал в первые дни мироздания над первобытном хаосом. В эту эпоху торговля была связана с производственными отношениями, хотя она не разрушила этих отношений и не была в состоянии их изменить в России.

В заключение — замечание о методе Дубровского. Он конструирует формаци не на основе фактов, а *исходит исключительно* из цитат. В таком случае его работа осталась бы ненаучной, если бы даже его общественные формации соответствовали исторической действительности.

В. П. ВИКТОРОВ.

Основные положения, развернутые, Малышевым в его докладе, совершенно правильны. Однако, общая концепция, правильно выдвинутая Малышевым, требует известной конкретизации. Правильно критикуя положение Дубровского об особой крепостнической формации, Малышев вместе с тем проходит мимо отдельных фактов, которые вносили в феодальный строй известные изменения. И, таким образом, тот переломный момент конца XVI в., которого никто из историков России не отрицает, в концепции Малышева как-то пропадает. Это объясняется тем, что он, дав правильную концепцию, не конкретизировал ее.

Вознесенский, продолжая концепцию Малышева, утверждает что нельзя говорить о возникновении крепостнических отношений в XVI в. Они, по его мнению, возникли гораздо раньше: в период между XII и XV вв. Выдвигая такой тезис, он, в конце-концов, отрицает тот переломный момент, который произошел в конце XVI в.

Если стать на позицию Вознесенского, то можно сказать, что в Англии не было промышленного переворота, потому что капиталистические отношения возникли гораздо раньше, чем произошел промышленный переворот (конец XVIII в.). Такая общая постановка вопроса не способствует изучению исторического процесса.

Перейду теперь к объяснению тех процессов, которыми характеризуется, как мне кажется, этот переломный момент.

Хотя в конце XVI в. способ производства не изменился, но организация производства, начиная со второй половины XVI в. начала изменяться и изменялась в течение довольно большого промежутка времени. Крепостнические отношения своими корнями уходят, конечно, в эпоху феодализма, но крепостное хозяйство развивается не с XII в., как говорил Вознесенский, а во второй половине XVI в., и достигает своего апогея в XVIII в.

Чем же объясняется рост закрепощения, рост крепостнических отношений в это время? У Маркса в главе о кооперации есть объяснение этого процесса, и это объяснение идет совершенно вразрез с положением, которое выставил Дубровский,— что крепостничество есть особая формация.

Маркс устанавливает два вида кооперации — простую и капиталистическую:

„Исторически она (капиталистическая кооперация) развивается как противоположность крестьянскому хозяйству и самостоятельному ремесленному производству, независимо от того, обладает ли последнее цеховой формой или нет. По отношению к этим формам капиталистическая кооперация *не выступает как особая историческая форма кооперации,* но самый принцип кооперации противопоставляется им как характерная для капиталистического процесса производства и составляющая его специфическую особенность историческая форма“ [1].

Затем дальше:

„В рассматриваемом нами до сих пор простом своем виде кооперация совпадает с производством в расширенном масштабе, но не образует еще прочной формы, характеризующей особую эпоху в развитии капиталистического способа производства. В лучшем случае приблизительно такое значение ей может быть приписано лишь в организованных по ремесленному типу первых зачатках мануфактуры и в том виде крупного земледелия, который по своему типу соответствует мануфактурному периоду, существенно отличаясь от крестьянского хозяйства лишь массой одновременно применяемых рабочих и размерами концентрированных средств производства. *Простая кооперация всегда является господствующей формой в тех отраслях производства, где капитал оперирует в широком масштабе, а разделение труда и машины не играют еще заметной роли*“ [2].

Как известно, Маркс появлению капиталистической кооперации придавал большое значение, как одному из внешних и важных показателей перехода от феодального способа производства к капиталистическому. Но Маркс указывает, что простая кооперация возникает на базе того способа производ-

[1] *Маркс* — „Капитал“, т. I, гл. II.

[2] Там же.

ства, тех орудий труда, которые существуют в эпоху феодализма. Мы знаем, что в основе феодализма лежит мелкое производство, но тогда, когда капитал в форме купеческого капитала (я на этом буду настаивать) проникает в земледелие, он переорганизовывает производство.

Что такое барская запашка? Что такое барщинное хозяйство? Барщинное хозяйство это и есть вид простой кооперации.

В самом деле, эта барская запашка, барщинное хозяйство не отличается от крестьянского хозяйства ни средствами производства, ни способом производства; она отличается только тем, что средства производства, которые употребляются в мелком хозяйстве крестьянства, на барской запашке концентрируются; кроме того, на барской запашке появляется рабочая сила в бо́льших размерах, чем это имело место в крестьянском хозяйстве.

И я думаю, что, говоря об изменениях во второй половине XVI в., мы в первую очередь указываем на расширение барской запашки с применением труда крепостных, при сохранении тех же способов производства; и это является одним из очень важных показателей происходящих изменений в хозяйстве России. Почему этот процесс происходит? Именно потому, что сельское хозяйство товаризируется, попадает под влияние купеческого капитала. И когда Вознесенский говорит о том, что есть группа историков, которая идет от Маркса, и есть группа, которая идет от Покровского,— это противопоставление Вознесенского неправильно.

Маркс в главе о купеческом капитале совершенно ясно говорит, что купеческий капитал не изменяет старого способа производства. Он создает крупный обмен на базе мелкого производства. Это утверждает и Покровский, и по меньшей мере странно делать такое противопоставление, какое сделал в своем выступлении Вознесенский.

Цитированное место из Маркса дает полное основание утверждать, что появление торгового капитала производит известные изменения в структуре сельского хозяйства. Значит ли, что наступает особая формация? Отнюдь нет, ибо всякая особая формация наступает только тогда, когда изменяется способ производства. Капиталистическое производство изменяет старый способ про-

изводства, торговый капитал этого способа производства не изменяет. Торговый капитал остается при тех способах производства, которые существуют в феодальном обществе, но, оставаясь на том же способе производства, известную организацию, известное перераспределение рабочей силы торговый капитал безусловно производит. И в этом отношении Покровский был глубоко прав, когда выдвинул проблему торгового капитала в изучении русской истории; он был глубоко прав потому, что показал, каким образом произошли в русском историческом процессе эти изменения, начало которых относится ко второй половине XVI в.

Еще одно замечание относительно постановки вопроса Малышевым. Он совершенно правильно указал, что вначале мы имеем отработочную ренту, затем продуктовую, а потом денежную (*Пригожин:* Наоборот), при чем он говорит, что в России появление отработочной ренты характеризуется разложением феодализма. *(Голос с места:* Правильно). Я думаю, что здесь Малышев не совсем прав. Отработочная рента имеется у нас в очень раннем периоде времени. Так, в грамоте митрополита Киприана, относящейся к концу XIV в., данной крестьянам Константиновского монастыря, как известно, совершенно точно указаны те обязанности, которые несут крестьяне, и там мы имеем совершенно точные указания относительно отработочной ренты. *(Голос с места:* Очень мало). Очень мало, но имеются безусловно. Мы можем на основании этой грамоты делать выводы, что это было явление не единичное, у нас есть все основания утверждать, что это было явление повторяющееся. Целый ряд грамот говорит о том, как отработочная рента сменяется продуктовой и дальше денежной. Может возникнуть вопрос: почему снова появляется отработочная рента? Я объясняю это тем же положением, которое только что выставлял. Проникновение торгово-ростовщического капитала в сельское хозяйство приводит к тому, что внутри сельского хозяйства создается простая кооперация, происходит известное изменение в структуре сельского хозяйства. В этих условиях отработочная рента выдвигается на первый план. Можно ли это рассматривать как разложение феодализма? Всякое проникновение капитализма в сельское хозяйство, конечно, разлагает феодальный способ

производства, но мы должны отметить, что процесс разложения феодализма в России растянулся на довольно большой промежуток времени (два столетия).

Чем же объяснить, что проникновение капитализма в сельское хозяйство так долго разлагало феодальные отношения? Вознесенский объясняет это тем, что Московская Русь представляет несколько районов и что разделение труда произошло между этими районами. Объяснение, которое можно признать, но оно недостаточно. Я считаю, что, на ряду с другими причинами, очень важную и существенную роль сыграло здесь отношение Московского государства к западно-европейским государствам.

Огромная заслуга М. Н. Покровского заключается в том, что он проблему развития барщинного хозяйства тесно связывает с проблемой внешнего рынка. Это совершенно правильная установка.

В течение довольно большого промежутка времени Московское царство, а впоследствии Российская империя, было поставщиком сырья для Западной Европы. Это положение поставщика сырья накладывало известный отпечаток. Западноевропейский торговый капитал соответствующим образом давил на экономику России, тем самым он, с одной стороны, товаризировал хозяйство, а с другой стороны—задерживал его развитие.

Если можно говорить об отдельных территориальных градациях для XVI и XVII вв., то о такой территориальной градации в XVIII в.,—когда один район был исключительно промышленным, другой — земледельческим, третий — скотоводческим,— говорить уже трудно.

Мы знаем, что в XVIII в. беломорский Север был районом сельского хозяйства. Я уже не говорю о центре или Юге, где сельское хозяйство развивалось, где не было скотоводческого хозяйства. Возьмите Украину, где сельское хозяйство было развито весьма значительно. Мы видим, что зерновая проблема в большей или меньшей степени существовала и тут и там. Правда, зерновая хлебная проблема в одном районе была одна, в другом районе — другая. Но эта проблема уже существовала. Известное отличие было, но если объяснить медленность развития только этим отличием, то тогда позвольте противопоставить

по аналогии Германию, где имеем тоже различную структуру хозяйства; на этой базе так долго крепостнические отношения сохраниться не могли. Я думаю, что связь Московского государства с Западной Европой, известное давление западноевропейского капитала — имеет большое значение в смысле сохранения элементов феодализма на столь продолжительный период, что о нем можно говорить не только применительно к XVIII в. и к началу XIX в., но и ко времени после реформы 1861 г.

Последний момент, который я хотел бы отметить — это то положение, которое выдвинул Кудрявцев. Он устанавливает — и в этом отношении его поддержали, — что период отделения ремесла и период появления ремесленного города является началом новой формации. *(Голоса с места*: Нет... В пределах феодальной формации определенный период... Спор о средневековьи...). Вы это рассматриваете как начало нового периода; это, конечно, ошибка. Появление ремесла нисколько не изменяет способа производства и поэтому совершенно неверно говорить о новом периоде.

Теперь несколько слов о термине „торговый капитализм". Вознесенский приписал термин „торговый капитализм" „эпигонам" Покровского. Я позволю себе сослаться на книгу Покровского „Очерки по истории русской культуры", где черным по белому написано — „торговый капитализм". Можно ли говорить, что этот термин вызывает весьма и весьма серьезные сомнения? Безусловно можно говорить о переходном периоде от феодализма к капитализму — периоде нарастания капитализма. Он определяется сохранением того же способа производства, который имеет место в эпоху феодализма. Этот старый способ производства разлагался. *(Шум)*. Мануфактура является моментом переломным, когда элементы капитализма проявляются в гораздо большей степени, чем в предшествующий период времени. Мы этот переходный период можем рассматривать как период, когда старый способ сохраняется; но, когда феодализм начинает разлагаться, он создает несколько иную структуру хозяйства, и таким образом подготовляется момент взрыва этого старого способа производства и переход к капиталистическим отношениям. *(Голоса с места:* Легче рассказать, чем доказать).

Н. В. КАШИН.

Я ограничусь несколькими замечаниями по поводу тех прений о торговом капитале, которым было посвящено уже несколько вечеров. Участники прений шествовали по своеобразной „дороге гигантов“, оперируя огромными понятиями целых веков, периодов, эпох. По какому бы поводу и с какой бы целью ни развертывался научный спор, всегда должен ставиться вопрос — в чем методологическая ценность спора? Здесь приводилось очень много цитат. Дубровский отмечает в своей книге, что Маркс особенно ценил не применение „отмычки“, в виде готовой философско-исторической теории к решению исторических проблем, а изучение конкретных исторических эпох и получение вывода на основе сравнения достигнутых результатов, т.-е. действие не отмычкой, а ключом для правильного их понимания. Я склонен думать, что в своем стройном докладе Малышев, иронизировавший над Дубровским по поводу употребления им „отмычки“, вопреки его же ссылке на Маркса, сам при случае вместо ключа действовал „фомкой“, хотя, к чести Малышева, это и случалось очень редко. Чаще склонны были грешить в этом отношении некоторые из участников прений, как, впрочем, и сам Дубровский в его книге. Как говорит М. Н. Покровский, „книги пишутся годами“. Навряд ли потребовались годы для той трети книги Дубровского, которая представляет собою перечень „готовых“ цитат из двух-трех глав работы Маркса, оказавшихся большинству присутствующих хорошо и коротко знакомыми. Короче, проще и поучительнее познакомиться с ними по первоисточнику.

Малышев, упрекая Дубровского в излишней склонности к произвольному притом употреблению цитат, сам непрочь употребить тот же прием. В доказательство отсутствия решительного различия между феодальным и крепостным хозяйством, Малышев ссылается на цитаты из книг М. Н. Покров-

ского. Но сам М. Н. Покровский в своей книге „Марксизм и особенности исторического развития России" целиком присоединяется к словам Гильфердинга о „поместье, продукте капиталистического преобразования сеньориального хозяйства", особо подчеркивая эти слова и прибавляя, что „если бы Гильфердинг изучал русскую историю, он не мог бы дать более четкой картины". Противопоставляя сеньориальное, феодальное хозяйство поместному, крепостному (так как для Восточной Европы путь этого преобразования шел, как указывает М. Н. Покровский, через закрепощение крестьян), Покровский указывает, очевидно, на значение этого преобразования не для того, чтобы не видеть между ними значительной разницы. При выборе цитат надо воздерживаться от искушения останавливаться на наиболее для себя выгодных. Следовало бы оговорить и замечания Покровского в четырехтомнике о „разрушении феодальной вотчины" в связи с переходом к денежной форме оброка, которая „была бы бессмыслицей при том хозяйственном строе, в рамках которого сложилась феодальная вотчина". Покровский говорит и о „крепостном хозяйстве", как выросшем из „феодальной вотчины" из „старого типа хозяйства" новом типе хозяйства. В первом же из своих тезисов Малышев указывает, что, по его мнению, для М. Н. Покровского „крепостное барщинное хозяйство... является хозяйством феодального типа". Мы видим, что Покровский противопоставляет „старый тип хозяйства" феодального новому, крепостному, не только как „крупную перемену", но и как „преобразование", которое приводило к „разрушению феодальной вотчины" в связи с появлением землевладельца на рынке, интенсификацией культуры, развитием крепостных форм организации труда и т. д. Малышеву следовало бы брать и такие „цитаты", во избежание перегиба палки в сторону преувеличенного сближения „феодального" и „крепостного" хозяйства,—сближения, могущего в вопросах исследования превратиться в методологический минус.

Так же обстоит дело и с цитатами Малышева из Ленина. Малышев придает особо важное значение употреблению Лениным терминов „феодальный" и „крепостной" подряд, как равнозначащих эпитетов. Это не особенно убедительно. Ленин подчеркивает „феодальный" характер русского помещичьего

землевладения не только середины, но и конца XIX в. и даже начала XX в., желая подчеркнуть противопоставление этого землевладения и хозяйства—капиталистическому. Можно указать, если придавать этому преувеличенно большое значение, что в других работах Ленин, наоборот, очень редко употребляет выражение „феодальное, крепостническое" и очень часто лишь термин „крепостническое". Ловя Ленина на слове, можно бы, пожалуй, утверждать, что Ленин отрицал и самый факт совершения в 1861 г. крестьянской реформы, называя помещичье хозяйство начала XX в. „крепостническим". Такой прием был бы, однако, малоубедителен.

Малышеву не было необходимости подкреплять свой интересный доклад подобного рода цитированием, и прав был Пригожин, начав с внушительного напоминания об источниковедении, основном требовании, предъявляемом к историку при изучении истории. Но в качестве источниковеда он немедленно перепутал анекдот о Сарре Бернар: старушка видела ее не в Париже, а в Киево-Печерской лавре; направо лежали мощи Саррочки, а налево Бернарочки. Полемизируя затем с Малышевым, Пригожин утверждал, что, судя по писцовым книгам XV в., насколько они ему известны, барщина предшествовала оброку или, по крайней мере, была значительно развита. Писцовых книг XV в., могущих свидетельствовать о развитии земледельческой барщины в XV в., еще не обнаружено. Их можно видеть разве лишь в той же лавре: направо писцовые книги XV в., а налево, чего доброго, и XIV в. Вряд ли, однако, от такого источниковедения будет большая методологическая польза.

Но сам Дубровский дал, по моему мнению, недосягаемый для критиков образец вольного обращения с конкретной историей. На стр. 97 его книги мы находим такого рода суммарное обоснование его точки зрения, не цитатой, что было бы сполагоря, а конкретной исторической обстановкой: „с открытием стран Нового Света и переходом центра тогдашней торговли на западное побережье Европы, экономическое развитие России пошло значительно медленнее, чем в тех странах, которые находились в центре развивающейся мировой торговли на почве грабежа Нового Света". „И в этом кроется основная причина медленного развития русского крепостничества, которое

продержалось больше, чем в Западной Европе, и вылилось в такие законченные формы, что у русского историка не может быть сомнения в том, что крепостничество являлось особой специфической формацией, отличной от феодализма".

На основании этого, очень конкретного, по мнению Дубровского, объяснения открытие Нового Света означало значительное замедление экономического развития московского государства в XVI в. Это замедление и было основной причиной создания в России настолько законченных и полных форм крепостного строя, что сомневаться в определении Дубровским крепостничества, как особой, отличной от феодализма, общественной формации не приходится никому, кто хочет получить от Дубровского звание русского историка. Исходный пункт рассуждения Дубровского вызывает все же сомнения. До сих пор русские историки не думали, что XVI в. был временем „значительного замедления" экономического развития России. До сих пор они думали совсем наоборот. Да и сам Дубровский тоже... думает „совсем наоборот". На стр. 163 той же книги мы читаем, что „хозяйственный подъем в Московской Руси в XVI веке, перерождение феодализма в крепостничество, создание диктатуры крепостников, несомненно, находились в связи с тем оживленным обменом, который начал устанавливаться с другими странами тогдашней Европы и Азии". Здесь исходной точкой для перерождения феодализма в крепостничество и оправдания схемы Дубровского служит не „значительное замедление" экономического развития России, а „хозяйственный подъем" в XVI в., не „переход центра тогдашней торговли", а „оживленный обмен с другими странами". А чтобы не было сомнений, Дубровский спешит тут же прибавить, что (см. примечание к стр. 163) „о замедленности развития России в XVII—XIX веках (первой половине) можно говорить лишь весьма условно" и „вряд ли оно намного уступало именно в этот период другим восточноевропейским странам, как тогдашние Германия, Австрия, Венгрия и некоторые другие", даже „в некоторые периоды обгоняя эти страны". Логика потрясающе убедительна: если развитие России в XVI—XVIII вв. замедлилось, то Дубровский прав, если же произошел хозяйственный подъем, то прав... Дубровский. Трудно сказать, на какой из этих двух страниц автор

книги думает „наоборот“ и когда он, наоборот, думает, но в методологическом отношении праздновать свои именины и на Антона и на Онуфрия строго запрещается. А после нескольких десятков страниц цитат дело кончилось именно таким празднованием.

Я позволю себе сказать, что спор о больших эпохах может иметь методологическую ценность лишь тогда, когда он прибавляет реальные знания к тому, что нам уже известно. Я не говорю о докладе Малышева, не претендовавшего на открытия и избегнувшего „изобретений“, но книга Дубровского, даже независимо от степени правильности или неправильности его утверждений, просто всей своей манерой аргументации, обоснований и доказательств вряд ли может дать что-либо новое в смысле ценности. Подобного рода спорные утверждения, которыми, впрочем, грешили и некоторые участники прений, могут, скорее, способствовать тому, что соответствующие эпохи становятся еще более запутанными, чем были.

Б. Д. ГРЕКОВ.

К сожалению, я не слышал самих докладчиков, так как тогда находился вне Ленинграда, и могу говорить только по поводу тех прений, на которых я здесь присутствовал. В частности, мне хочется сосредоточиться на том конкретном процессе, о котором идет речь и который рассматривался здесь с разных точек зрения.

Прежде всего мне не хотелось бы оставить без возражения положение, высказанное С. В. Вознесенским. Он думает, что никакого возникновения крепостного права не было и что „возникновение" выдумала буржуазная наука. Такого рода постановка вопроса кажется мне странной. Если крепостного права не отрицать вообще, а считать одним из фактов русской жизни, то оно когда-нибудь должно было возникнуть, так как едва ли можно признать, что крепостное право, не возникая, существует вместе с русским обществом изначала. С. В. Вознесенского смущает то, что в раннюю эпоху на Руси были элементы, напоминающие крепостное право. Но, когда мы сейчас говорим о крепостном праве, то имеем в виду один из этапов в развитии феодальных отношений, а не туманные аналогии в далеком прошлом. В своем понимании предмета С. В. Вознесенский очень близок к схеме Ключевского, который утверждал, что крепостное право возникло прежде, чем крестьяне стали крепостными, и выражалось в различных видах холопства, что на крестьян накинута была форма порабощения, сложившаяся прежде. Холопство полное и кабальное Ключевский считает первичными видами крепостного состояния в древней Руси. Задолженность крестьян превращала их состояние в положение кабальных людей. Это чисто юридическое построение, связывающее механически аналогичные юридические формы и оставляющее без объяснения самое главное и основное — именно то, что делало это

превращение крестьянина в крепостного целесообразным и неизбежным, не касается вопроса об эволюции данной общественной формации.

Когда мы сейчас рассматриваем возникновение крепостного права, мы ищем причины, время и обстановку распространения личной крепостной зависимости на крестьянские массы, до тех пор не находившиеся в таком положении. Мы имеем полное право искать эти моменты и говорить о „возникновении" явления, поскольку оно знаменовало собой наступление нового периода в истории русского феодализма.

Новые факты этого порядка бросаются в глаза и указывают на то, что именно в XVI в. нужно искать этот момент. Наши материалы свидетельствуют об этом довольно ясно, и с этими фактами необходимо считаться. Более старые, например, жалованные поместные грамоты, говорят в обращении к крестьянам о том, что крестьяне должны чтить своего помещика, слушать его во всем и платить ему оброк по старине; грамоты второй половины XVI в. говорят о том же, но совсем иначе: крестьянин обязуется на своего помещика пашню пахать и оброк платить, чем его помещик изоброчит. Здесь мы имеем расширение права помещика облагать крестьянина по своему усмотрению и официальное утверждение барщинных крестьянских обязанностей (отработочная рента). Изменение формуляра грамоты отражает перемену в подлинной жизни. Далее всем известны факты замены узаконенного Судебниками крестьянского выхода вывозом и превращение как выхода, так и вывоза в уголовные преступления, введение урочных лет для сыска беглых крестьян и борьба помещика за их отмену; наконец, вся ожесточенная классовая борьба вокруг вопроса о дальнейшей судьбе крестьянина, обостренная именно в XVI в. Ведь все эти факты, число которых можно и увеличить, приурочиваются, главным образом, ко второй половине XVI в. и, стало-быть, говорят о времени переходном: несомненно, в русском хозяйстве в это время произошло нечто новое, что и вызвало новости в форме эксплоатации крестьянства. Конкретные примеры, приводимые С. В. Вознесенским в доказательство своей мысли, не точны, относятся к области совсем иных отношений и быть полезными С. В. Вознесенскому не могут.

Закуп—это кабальный человек той поры, когда он еще не потерял права „явлено искать куп“ на выплату долга своему господину; половник и изорник имели право и возможность уйти от своего господина; холопство северо-восточной Руси, как и всякое другое, к данному предмету не имеет никакого отношения, поскольку мы ищем перемен в судьбах крестьянства, характеристика которого, сделанная С. В. Вознесенским, тоже вызывает возражения. Что это за „разряд населения, которого процесс феодализации еще не успел полностью захватить“? Из дальнейшего ясно, что это все „крестьянство, тогда еще сохранившее свой Юрьев день“. Неужели же только отмена Юрьева дня знаменует собою феодализацию? Неужели крестьянин, доставшийся помещику по жалованной грамоте до отмены Юрьева дня, не находился в феодальной зависимости? Не спасает положения и ссылка на междувладельческие договорные грамоты: во-первых, если землевладельцы вынуждены были для обеспечения себя рабочими руками договариваться о „неприеме“ крестьян, переходивших от них в Юрьев или другой день по обычаю, а потом и законом фиксированный день, то это прежде всего подчеркивает право крестьян на уход и реальное осуществление этого права, прекращение чего и обозначает новый период в истории крестьянства, называемый условным термином „крепостного права“. Построение С. В. Вознесенского может быть приемлемо только в том случае, если этот последний термин понимать гораздо шире, чем до сих пор, если всех сельских рабочих, попавших в ту или иную форму зависимости от своего господина, считать крепостными, тогда период крепостничества будет простираться от Рюрика до Александра II включительно. Едва ли, однако, такое расширенное толкование термина имеет преимущество перед существующим положением вещей. Если историки-марксисты, по мнению С. В. Вознесенского, находятся в плену у буржуазной историографии, то С. В. Вознесенский сам попадает в плен едва ли к лучшему представителю той же школы, именно к Самоквасову.

Много говорилось здесь о докапиталистических формах ренты. Отработочная рента, конечно, не возникла в XVI в., она существовала и раньше, но, во-первых, она являлась тогда либо

результатом экономического принуждения (закупы, серебреники-издельники) и была доступна только богатым людям (дворянин-помещик такой роскоши себе позволить не мог и, естественно, стремился к внеэкономическому принуждению крестьян), либо получалась в форме, так сказать, не имеющей будущего, в форме барщинных работ по ремонту жилых помещений хозяина, ловли рыбы к хозяйскому столу и т. п. услугах узкого потребительского значения. С развитием денежного хозяйства и превращением хлеба в товар мы можем наблюдать рост барской пашни, явные следы расслоения в среде сельского населения (бобыли) и даже признаки применения на барском поле свободного труда. Но эти последние признаки, зачатки капиталистических отношений, рано были убиты жестоким и всеобщим хозяйственным кризисом, осложненным военным разгромом значительной части страны. Естественно, что писцовые книги XV в. запечатлели в качестве обычного типа тип оброчного крестьянина и что дальнейшая эволюция ренты в московских условиях вылилась в форму роста барщины, на основе которой и возникло крепостное состояние крестьян (так было не только у нас в России, а и в соседней Польше, и вообще в европейских странах на восток от Эльбы, о чем в свое время весьма определенно говорили и Маркс и Энгельс).

Здесь в доказательство обратного приводилась в пример знаменитая грамота митрополичьему Константиновскому монастырю 1391 г. Неудивительно, что она вызывает массу толкований, но всякое толкование источника делается более производительным тогда, когда оно принимает во внимание конкретные факты связанные с появлением документа. Данная грамота возникла в результате протеста монастырских крестьян против попытки нового игумена изменить старину в системе крестьянских повинностей. Митрополит после тщательного расследования дела восстановлял данной грамотой старину. Действительно, здесь речь идет о натуральных повинностях крестьян: они должны ремонтировать монастырские строения и делать новые, рыбу и бобров ловить, ухаживать за монастырским садом и пр. Более зажиточные из них должны также „игуменов жеребей“ вспахать сообща. Но эта последняя повинность не занимает видного места среди прочих перечисленных выше повинностей

(жребий — это небольшой, обычного крестьянского размера участок земли), и в итогах, где еще раз вкратце формулировались все эти повинности, даже совсем пропущена.

Совсем другое впечатление производит грамота, данная тому же монастырю 200 лет спустя. Тут на первом и самом видном месте стоит работа крестьянина на монастырской пашне, принявшей теперь значительные размеры. Обязанность эта приняла форму регулярной крестьянской повинности, разверстанной среди крестьян по вытям (будущим „тяглам"). О размерах монастырской барской пашни можно составить некоторое представление по тяжести повинности унаваживать барское поле; каждая крестьянская выть должна была вывозить из барских скотных дворов на барское поле по 80 телег навоза. Сравнение двух разновременных грамот, относящихся к одному и тому же монастырю, дает яркое доказательство направления всего развивающегося процесса.

Совершенно отчетливо видна натуральная рента XV века и в другой грамоте, рисующей крестьянские повинности по отношению к Юрьеву Новгородскому монастырю. Здесь мы имеем исключительно ренту натурой, ни один крестьянин целой волости барщиной монастырю не обязан. Крестьяне обязаны отдавать монастырю часть своего урожая, возить этот хлеб в монастырь, в случае приезда к ним архимандрита кормить и дарить его самого и его спутников по определенной норме. В состав этого оброка частично входят и деньги—„архимандрич дар" в 5 гривен. Детальное изучение хозяйства Новгородского Софийского Дома приводит к тем же выводам, которые поддерживаются с разных сторон и другими исследователями (Рожков, Сергеевич, Никитский и др.).

В настоящей дискуссии много говорилось о роли рынка в процессе возникновения крепостных отношений. М. Н. Покровский произвел в наших представлениях об этом предмете целую революцию и совершенно основательно указал на важность внешнего рынка, но мне кажется, что есть полная возможность уточнить наше понимание и рынка внутреннего. А в связи с этим вопросом стоит и вопрос, затронутый В. П. Викторовым, об образовании хозяйственных районов России,—результат углубления общественного разделения труда. Мне кажется, что

В. П. Викторов склонен даже несколько уменьшать значение этого факта. Между тем процесс обособления районов в отношении производства и внутренней их связи через торговлю может быть отмечен, как прогрессирующее явление русской жизни, начиная, по крайней мере, с XVI в. Доказательства этому положению растут по мере расширения нашего изучения всего процесса в целом.

М. Н. МАРТЫНОВ.

Дубровский, определяя в своей книжке „К вопросу о сущности азиатского способа производства“ понятия о феодализме и крепостничестве, исходит из предположения, что в этом отношении он является новатором, не имеющим предшественников в исторической литературе. Однако, роль Дубровского в этом деле более скромная, чем ему это кажется. Еще до него старая историческая наука, в лице Павлова-Сильванского и Преснякова, говорила о феодализме и крепостничестве почти то же самое, что сказал Дубровский.

Дубровскому кажется, что „обычно при определениях феодализма оставляют в стороне свойственный ему способ производства и свойственные ему производственные отношения... Для феодализма характерен способ производства, основанный на соединении мелкого натурального хозяйства с домашней промышленностью“, и продовольственная рента. По его мнению, современная историческая наука при определении феодализма ограничивается указанием на существование в эпоху феодализма крупного землевладения, на связь землевладения с политической властью, на условность земельной собственности и на иерархические отношения.

Такое определение феодализма действительно свойственно некоторым историкам, но далеко не всем.

Когда в 1901 г. была опубликована работа Павлова-Сильванского о феодализме в древней Руси, то проф. Тарновский в рецензии на эту книжку отметил, что слабым местом ее является слишком поверхностный анализ феодальной вотчины. Повидимому, Павлов-Сильванский учел этот недостаток своей работы, так как в новом исследовании о феодализме в удельной Руси, вышедшем в 1911 г., он значительную часть своей работы посвящает вопросу об общине и боярщине. В этой работе Павлов-Сильванский чужд „обычного“ определения феодализма. „В сред-

ние века, — говорит он, — только небольшая часть имения состояла в непосредственном хозяйстве землевладельца, а значительная, бо́льшая часть его обрабатывалась крестьянами *как самостоятельными хозяевами.* Крупное землевладение феодальной эпохи, таким образом, соединяется с очень мелким хозяйством... *Это мелкое хозяйство* крупного имения *составляет основную отличительную черту феодального производства* от производства капиталистического".

По существу Павлов-Сильванский точно так же охарактеризовал феодализм, как и Дубровский.

Возьмем другой вопрос — о крепостничестве, в определении которого Дубровскому также кажется, что он сказал новое слово. Дубровский определяет крепостничество как особую общественную формацию, так как крепостничество имеет особый, присущий только ему способ производства, именно, барщинный способ производства, а также особые присущие ему классовые отношения и особые производственные отношения в виде отработочной ренты.

По выходе в свет статьи Беляева „Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение", а также книжки Веселовского „К вопросу о происхождении вотчинного режима", в нашей исторической литературе был поднят вопрос о том, возможно ли применять термин „сеньория" и „вотчинный режим" к характеристике того хозяйства и тех социальных отношений, которые были в древней Руси в XV и XVI вв. На этот вопрос проф. А. Е. Пресняков дал ответ, который, по существу, вполне совпадает с точкой зрения Дубровского. В рецензии на книжку Веселовского „К вопросу о происхождении вотчинного режима" Пресняков упрекает Беляева и Веселовского в том, что они смешивают понятия феодального строя и крепостного режима, и считает, что между феодализмом и крепостничеством есть „принципиальные различия и по строю хозяйственных отношений, и по классовой структуре, и *по выраставшей из них* государственности".

Сознательное игнорирование или, быть-может, недостаточное знакомство с исторической литературой вопроса, не говоря уже об источниках, являлось, повидимому, одной из причин того, что Дубровский пришел в вопросе о крепостничестве к выводам,

которые находятся в полном противоречии с характеристикой крепостничества, данной в трудах значительного количества русских историков. Еще Павлов-Сильванский не видел в крепостничестве особой общественной формации, считая, что феодальный способ производства необходимо противопоставлять не крепостничеству, с которым у него много общего, а капиталистическому способу производства. С. Веселовский как феодальные отношения, так и крепостнические объединяет в однородный тип социальных отношений, который он называет одним общим именем „вотчинного режима“. М. Н. Покровский смотрит на крепостничество, как на „новый феодализм“.

Между тем Дубровский рассматривает крепостничество как особую общественную формацию, с особым способом производства и с особыми, лишь ему присущими, производственными отношениями. Таким особым способом производства является, по Дубровскому, барщинное хозяйство, а особыми производственными отношениями—отработочная рента.

Дубровский находится в прямом противоречии с историческими фактами, говоря, что „отработочная рента была присуща лишь крепостному хозяйству“.

Эта ошибка Дубровского стала ошибкой и Малышева, который, вполне правильно рассматривая крепостничество не как особую общественную формацию, а лишь как стадию в развитии феодализма, следует за Дубровским в вопросе о производственных отношениях, существовавших при крепостничестве.

Основной недостаток доклада Малышева заключается в двойственном определении крепостного хозяйства. С одной стороны, Малышев считает, что крепостное хозяйство в XVII—XIX вв. „выступает в качестве поставщика сельскохозяйственного сырья на внутренний и внешний рынок“, т.-е. с самого начала является товаропроизводящим. С другой стороны, *в это же самое время* крепостное хозяйство является, по его мнению, хозяйством потребительского типа и „выступает хозяйством, имеющим целью производство потребительных ценностей, а не меновых“ (тезис 2).

Эта двойственная, в представлении Малышева, сущность крепостного хозяйства побудила его указать и на две взаимно

исключающие друг друга причины возникновения крепостного хозяйства. Как хозяйство товаропроизводящее, крепостное хозяйство возникает, по его словам, под влиянием развития торгового капитала в России до XVI в. (тезисы 10 и 11), но как хозяйство потребляющее оно появляется вследствие аграрного кризиса в России в XVI в. (тезис 12). Такие два взаимно исключающие друг друга определения крепостного хозяйства, повидимому, бросились в глаза самому Малышеву, когда он попытался дать эволюцию крепостного хозяйства. Указав на крепостное хозяйство, как на товаропроизводящее, *а в то же время* и потребительное, Малышев стремится показать, что крепостное хозяйство сначала было хозяйством потребительного типа и связь с рынком не изменяла этой сущности крепостного хозяйства, а затем в средине XIX в. (тезис 4) „русское помещичье хозяйство, проделав длительную эволюцию, выступает *как крупное товаропроизводящее хозяйство* на основе барщинной системы организаци труда".

Показав крепостное хозяйство и потребительным и товаропроизводящим, Малышев склонен признать крепостное хозяйство в средине XIX в. исключительно товаропроизводящим. Однако Малышев, повидимому, сделал это неохотно, подчиняясь необходимости примирить свои взгляды с марксистской оценкой природы крепостного хозяйства, как формы приспособления феодализма к развивающимся товарно-денежным отношениям. Приводимые им факты находятся в прямом противоречии с его взглядом на крепостное хозяйство, как на товаропроизводящее хозяйство. Во-первых, когда крепостное хозяйство изменило по мнению Малышева, свою сущность? В средине XIX в., накануне своего нового преобразования, накануне крестьянской реформы, когда внеэкономическое принуждение, являющееся, по Ленину, основным признаком крепостного хозяйства, перешло в „экономическое принуждение". Такой кратковременный характер существования крепостного хозяйства, как товаропроизводящего, является не простой обмолвкой во взглядах Малышева. Факты, приводимые им для того, чтобы показать потребительный характер крепостного хозяйства, убедительно свидетельствуют о том, что, в сущности, никакого изменения („линяния", выражаясь словами Малышева) природы крепост-

ного хозяйства в России не было. Показателем потребительного характера крепостного хозяйства является, по Малышеву, барщинная система, которая развивается, по его мнению, вдали от городов и торговых путей. Согласимся на время с Малышевым в том, что барщина развивалась именно в таких районах России. Но когда это было? На этот вопрос у нас имеются точные, исключающие всякие сомнения, данные.

По данным генерального исследования второй половины XVIII в. и материалам редакционных комиссий 50-х годов XIX в., разработанным Семевским и Игнатович, этот процесс шел с 60-х годов XVIII в. до 50-х годов XIX в. Таким образом. теория говорит Малышеву, что в это время идет процесс „линяния", между тем как суровые цифры упрямо говорят, что никакого „линяния" нет, что попрежнему торжествует крепостное хозяйство потребительного типа. Малышев не был способен обосновать процесс „линяния", и вследствие этого та двойственная характеристика, которая дается им крепостному хозяйству, заканчивается победой определения крепостного хозяйства, как хозяйства потребительного типа. Такое впечатление создается от доклада Малышева у историков России. Поэтому нам понятны положительные отзывы Вознесенского о докладе Малышева. Вознесенский склонен преуменьшать развитие товарно-денежных отношений в нашем сельском хозяйстве в крепостное время и готов даже „падение" крепостного права объяснять тем, что помещики пропили своих крепостных.

Определение крепостного хозяйства, как нового этапа в развитии товарно-денежных отношений, есть определение Покровского и Энгельса, определение же крепостного хозяйства как хозяйства потребительного типа и по существу и по терминологии является бюхеровским пониманием крепостного хозяйства.

Подавленный бюхеровским „ойкосом", Малышев не смог приблизиться к живой истории крепостного хозяйства XVI—XIX вв., хотя нельзя сказать, чтобы тот материал, откуда русские историки-марксисты черпают свои знания по русской истории, не указал пути исследования крепостного хозяйства.

М. Н. Покровский в книге „Очерк истории русской культуры", где он подвел итоги своим наблюдениям над ходом русского исторического процесса, так определяет эволюцию

крепостного хозяйства: „Боярин древнейшей эпохи еще не хозяйничает: он только, как он делал и раньше, собирает плоды чужого хозяйства — только не путем прямого захвата, а более мирно, зато и более систематично... С выделением ремесла картина *резко* изменилась. *Хлеб стал товаром*, который можно продать, можно прямо или через посредство денег обменять на продукты обрабатывающей промышленности. Боярин начинает интересоваться хозяйством. Уже сменившие новгородских бояр в конце XV в. московские помещики пахали на себя вчетверо и впятеро больше их предшественников"... Этот боярин еще *работает* на узкий местный рынок, но, начиная с XVIII в., помещик уже работает на широкий внешний рынок, в результате чего помещичье хозяйство в начале XIX в. превратилось в „хлебную фабрику".

У М. Н. Покровского крепостное хозяйство с самого начала до конца не „линяет", оно рождается как товаропроизводящее хозяйство и существует так же, не изменяясь в качественном отношении. В процессе своего развития, по Покровскому, крепостное хозяйство увеличивает свою связь с рынком и благодаря этому барщинная система широко распространяется на богатом черноземе, в то время как оброк развивается в нечерноземных губерниях, постепенно вытесняя там барщину.

Противоречия не оставляют Малышева и в другом важном вопросе — об отработочной ренте в феодальном и крепостном хозяйстве. Малышев, несомненно, не удовлетворен разрешением этого вопроса Дубровским, который считает, что феодальному хозяйству присуща натуральная рента, а крепостному хозяйству — отработочная рента. Идя от Маркса, Малышев констатирует, что отработочная рента „не только логически, но и исторически более раннее явление, нежели рента натурой" (тезис 7). Однако, при изучении характера ренты в России Малышев признает, повторяя Дубровского, что „в период феодального хозяйства преобладала натуральная рента (точнее, продовольственная — *М. М.*) и намечались *только ростки* барщины, при чем господствовали мягкие формы личной зависимости" (тезис 10).

Малышев вновь выступает перед нами в качестве двуликого Януса. Несомненно, что вопрос о характере ренты в период

феодального хозяйства в России является одним из мало изученных вопросов. Однако, новый исследователь этого вопроса, Б. Д. Греков, на работы которого ссылался Малышев, далеко не способствовал внесению ясности в разрешение этого вопроса.

В своих очерках по истории хозяйства Новгородского Софийского дома Б. Д. Греков, следуя за Соколовским, категорически утверждает, что „нашими исследователями давно уже был подмечен факт, что ни в XV в. ни в известной части XVI в. собственной запашки у крупных и средних землевладельцев как в Новгородской, так и Московской области еще нет“.

Однако, ряд русских историков говорит несколько иначе. Рожков в своем исследовании „Сельское хозяйство в Московской Руси в XVI веке“ на вопрос о том, „существовала ли боярская пашня и, если существовала, то каковы ее относительные и абсолютные размеры“, отвечает, что „в служилых вотчинах и поместьях „боярская пашня“ была обычным явлением в XVI в.“ На существование „господской земли“ в XIV—XVI вв. указывает также Павлов-Сильванский.

Сергеевич удивляется тем исследователям, которые, подобно Соколовскому, отрицают собственное хозяйство помещиков. „Трудно понять,— говорит он,— как некоторые исследователи утверждают, что „особенного хозяйства не было у помещиков“.

Какое же значение имела крестьянская барщина на господской земле в XIV—XVI вв. в период старого феодализма? Действительно ли отработочная рента была присуща, как говорит Дубровский, лишь крепостному хозяйству, или же она была и в феодальном хозяйстве? На этот вопрос исследователи землевладельческого хозяйства XIV—XVI вв., как Сергеевич, Павлов-Сильванский и Дьяконов, отвечают положительно, отмечая вместе с тем незначительность размеров барщинной системы и объясняя это явление небольшими размерами самой господской запашки. Сергеевич справедливо указывает на скудость материалов по этому вопросу. „Спрашивается,—задает он вопрос,— работали ли крестьяне на господских запашках? Отвечать на этот вопрос не легко, потому что писцам не было случаев говорить об этом“. Однако, случайные указания писцов как в новгородских, так и в московских книгах, заставляют его прийти

к выводу, что та барщина, которая констатируется новгородскими писцовыми книгами XV—XVI вв., не была новостью для московских помещиков, получивших конфискованные земли новгородских землевладельцев. Они знали барщину и имели ее у себя раньше, чем пошли на неплодородные новгородские земли. Несомненно, что изучение вопроса о барщине должно захватить прежде всего владельческие хозяйства московского центра и, в первую очередь, междуречье Оки и Волги, где, по свидетельству Герберштейна, были плодородные места, а также настоящую житницу Московского государства—Рязанскую землю. Между тем, мы не имеем почти никаких материалов по Рязанской земле, а что касается междуречья, то наши сведения случайны и относятся, главным образом, к самому концу XVI в. Тем не менее, мы имеем полное основание оспаривать, как это и сделал Сергеевич в своем отзыве о работе Рожкова, мнения некоторых русских историков о том, что барщины в эпоху старого феодального хозяйства не было, а если она и была, то в самых незначительных размерах.

В этом отношении особую позицию занимает историк Новгородского Софийского дома Б. Д. Греков. Одним из ярких и неопровержимых доказательств того, что уже в конце XIV в. московский центр знал крестьянскую барщину, является известная уставная грамота митрополита Киприана Константиновскому монастырю 1391 г. Б. Д. Грекову кажется, что барщина занимает здесь столь „скромные размеры, что учитывать ее в качестве хозяйственного признака данного времени не представляется возможным". Чем мотивирует Б. Д. Греков такой решительный вывод? Его аргументы таковы:

1) Монастырь был небольшим, и его хозяйство было несложным.

2) Небольшое монастырское хозяйство рассчитано было *исключительно* на потребление монастыря, у которого других средств к существованию не было.

3) Среди барщинных обязанностей пашня занимала второстепенное место, что особенно видно по концу грамоты, где о пашне свидетели совершенно забыли.

4) Повинности крестьян нельзя рассматривать „в смысле позднейшей барщины", так как барщина тесно связана с кре-

постными отношениями, между тем как в это время отношения крестьянина к землевладельцу „больше, чем позднее, приближались к понятию „свободы“, если употреблять этот термин в противоположность состоянию „крепостной зависимости“.

5) Лишь новая грамота 1590 г. говорит о монастырской пашне, как о главнейшем предмете повинностей.

Нас не убеждает интерпретация Б. Д. Грековым этой грамоты. Во-первых, ниоткуда не видно, чтобы этот монастырь был небольшим, а его хозяйство несложным. Термин „игуменов жеребий“, который является главным аргументом Б. Д. Грекова, сам по себе не говорит о незначительных размерах монастырской пашни. Этот термин употребляется в документах того времени в смысле доли или участка. Так, например, в духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1406 г. читаем: „благословляю сына своего, князя Ивана, своею отчиной третью Москвы, своим жеребьем и с пошлинами и с путьми и збортою“... Едва ли кто-либо будет утверждать, что термин „жеребий“ здесь употребляется для того, чтобы показать ничтожность размеров доли старшего сына великого князя в торговых доходах, получаемых с Москвы. На этих доходах вырастало самодержавие московских государей! В таком же духе возможно толковать и „игуменов жеребий“ Константиновского монастыря.

Константиновский (или, точнее, Константино-Еленинский) монастырь был митрополичьим монастырем. На это указывает самый факт дачи уставной грамоты московским митрополитом Киприяном, а также и надпись на обороте грамоты, сделанная, повидимому, не раньше, чем в 1431 г., когда после смерти митрополита Фотия митрополитом был избран Иона: „Сее грамоты,—читаем там,—Иона митрополит всеа Руси не рушил, а велел игуменом и христианам по старине и по сей грамоте ходити о всем“.

Монастырь, подчиненный московскому митрополиту, едва ли мог вести самостоятельное хозяйство, рассчитанное „исключительно на потребление монастыря“. В существовании здесь барщины в различных ее формах был кровно заинтересован московский митрополичий двор. Московская область, как об этом сообщает автор первой экономической географии Московской Руси XV в. С. Герберштейн, была богата лишь зайцами и деше-

вой рыбой. Ни хлеба, ни хорошей рыбы она не имела, как не было в ней ни мехов, ни меду. А между тем в одном из плодородных оазисов междуречья Оки и Волги, под Владимиром, где находился Константино-Еленинский монастырь, всего этого было в изобилии. Поэтому митрополит заботился о развитии там сельского хозяйства и промыслов, вводя там монастырскую запашку и промысловые угодья, а также заставляя монастырских крестьян работать на барщине, продукты которой шли не только в монастырь, но и в митрополичий двор, в Москву. Конец грамоты, где приведены свидетельские показания монастырских бояр, можно понять в том смысле, что новостью в повинностях крестьян была не сельскохозяйственная барщина, а новая промысловая барщина на озерах, истоках и бобровой ловле. Сельскохозяйственная же барщина играет далеко не второстепенную роль в уставной грамоте. Ее обязаны были выполнять как зажиточные группы крестьян („большие люди"), так и крестьянская беднота („пешеходцы"). „Большие люди" были обязаны „игумнов жеребий весь рольи пахать възгоном и сеяти, и пожати, и свезти, сена косити десятинами и в двор ввести", а „пешеходцы" должны были „рожь и солод молоти". Еще Павлов-Сильванский, комментируя эту грамоту, указывал на то, что „это была барщина в теснейшем, позднейшем смысле слова: обработка господской земли крестьянами под наблюдением приказчика". Существование крестьянской барщины как формально, так и по существу не требует того, чтобы одновременно с нею существовали крепостнические отношения. Барщина является источником закрепощения крестьян, и поэтому, в первоначальной стадии своего существования, она возможна без крестьянской крепости в позднейшем смысле этого слова. Крепостные отношения рождаются и следуют хронологически за крестьянской барщиной, а не наоборот.

В то время, когда шел медленный рост барщины, крестьянин, главным образом, чисто экономическим путем, по-„румынски", ограничивался в своих правах, закрепощался и иногда бывал объектом хищнической эксплоатации со стороны землевладельцев, как это отметил еще Гербер Штейн. Государственная власть санкционирует этот экономический процесс закрепощения и иногда, по инициативе крупных привилегированных

землевладельцев, запрещает свободу перехода даже тех групп крестьян, которые, повидимому, благодаря своей зажиточности, не могли быть закрепощены экономически. Барщина еще задолго до установления крепостного права, которое формально необходимо приурочить к 1580 г., стучится в двери „внеэкономического принуждения".

Остановимся на последнем аргументе Б. Д. Грекова — на грамоте в Константиновский монастырь 1590 г. Значение этой грамоты не только в том, чтобы „точнее определить обязанности монастырских крестьян и, прежде всего, к монастырской пашне". Грамота 1391 г., главным образом, занимается вопросом об установлении различных видов крестьянской барщины и очень мало интересуется оброчными повинностями. На основании грамоты 1391 г. „большие люди" должны были „на Велик день и на Петров день приходить к игумену, *что у кого в руках*", а „меньшие люди" должны были давать на праздник яловицу, которая могла быть даже заменена тремя баранами. Продовольственная рента, как видно, была своеобразным „даром" для „больших" крестьян и крайне проста для „меньших". Проходит 200 лет. За это время — в 1431 г. — вновь была подтверждена грамота 1391 г., а затем, повидимому, жизненные условия так изменились, что потребовалось издание новой грамоты, которая на этот раз вполне точно определяет крестьянскую барщину, а также превращает оброк из „дара" в определенную повинность для всех крестьян. По грамоте 1590 г. крестьяне были обязаны, кроме барщины, давать архимандриту „оброку хлебного на год с выти по осьмине пшеницы, да осьмине конопель, по четыре гривенки масла коровья, по сту яиц, по два сыров кислых, по овчине, по два поярка, по сажени дров". Мелкий производитель за это время значительно вырос и поэтому землевладелец мог обложить его разнообразной продовольственной рентой, не отказываясь в то же время и от барщины.

Некоторые новые исследователи положения крестьян в эпоху феодализма уже становятся на путь признания как значительных размеров господской пашни, так и большой распространенности крестьянской барщины. В интересном этюде Бахрушина о „Княжеском хозяйстве XV и первой половины XVI в."

сообщается, что в XIII и XIV вв. княжеские хозяйства были небольших размеров и велись руками несвободных людей—холопов. В XV и начале XVI в. картина изменяется. Княжеская запашка была „очень разнообразна; в начале XVI в. Василий Иванович, дав обет основать Девичий монастырь, обещал приписать к нему одно или два села дворцовых, так, чтобы получилось 2.000 четвертей в двух полях". Труд холопов исчезает и заменяется на пашне свободными крестьянами „издельниками" или „серебряниками", а на промыслах — свободными оброчниками.

Новые документы, изданные Центрархивом, по истории княжеского хозяйства в XV в. дают возможность сделать вывод, что крестьянская барщина в виде обработки княжеских пожен, а также денежный оброк за пользование землей, были довольно распространенными явлениями на княжеских землях, пожалованных в центре Московской Руси Троицко-Сергиевскому монастырю.

Все это, мне кажется, дает нам право прийти к выводу, что в XV и начале XVI в. старому феодальному хозяйству были присущи те же производственные отношения, которые характерны для нового феодального, крепостного хозяйства. Малышев, повидимому, не без колебаний последовав в этом вопросе за Дубровским, ошибся, говоря, что при феодальном хозяйстве не было барщины, а были лишь „ростки барщины". Старое феодальное хозяйство знало настоящую барщину, которая впоследствии, во время крепостничества, приобретает доминирующее значение в производственных отношениях.

Г. С. ЗАЙДЕЛЬ.

Я, товарищи, постараюсь говорить возможно короче. Меня интересует, главным образом, методологическая сторона вопроса. Приходится поэтому прежде всего остановиться на совершенно неправильной постановке проблемы Кашиным. После того, как мы два вечера спорили по вопросу о роли торгового капитала на Западе и у нас в России, выступил Кашин и свел весь спор к нулю. Он спрашивал с недоумением, — о чем, собственно, идет спор, из-за чего люди дерутся, перебрасывают века как мячики и, вообще, какой смысл в нашем споре из-за слов. В самом деле, не собираются ли товарищи здесь для того, чтобы заменить универсальную „отмычку“, над которой так издевался Маркс, простой „фомкой“, которой можно по-воровски разрешить любую историческую проблему?

Недоумения, высказанные здесь Кашиным, показывают, что ряд товарищей, называющих себя марксистами, не понимает значения установления правильной терминологии, которая вместе с тем является и методологическим уточнением. Напомню о том, что именно методологическая установка, являющаяся одновременно и терминологической, обычно проводит грань между буржуазными и марксистскими учеными. Тот спор, который ведется у нас, не является спором из-за пустяка, не является простым перебрасыванием веками, как мячиками, а представляет собой предварительное и непременное условие для установления правильной периодизации исторического процесса. Только исходя из правильной периодизации этого последнего, можно заняться конкретным исследованием отдельных этапов исторического процесса, без риска ненужного нагромождения голых фактов. Кризис буржуазной исторической науки заключается именно в том, что она уперлась в тупик отсутствия общеприемлемой методологии. Это неуменье подойти с какой-то методологически точной установкой к историческим событиям

является такой бедой буржуазных историков, что вопросы методологические, как это видно из последних писаний Зомбарта и др., начинают волновать иностранных ученых. Тот, кто знаком с последней статьей Зомбарта, знает, что он прямо признает, что даже такая книга, как известная работа Роджерса „История сельского хозяйства и цен“ не дала и одной десятой доли того, что могла бы дать, если бы автор подходил к изучению исторических процессов с какой-нибудь теорией. Отсутствие теории у целого ряда крупных ученых является препятствием к тому, чтобы дать правильный ответ на поставленные ими вопросы, несмотря на колоссальное количество материалов, которое они собрали. Зомбарт и пытается установить теорию „экономической системы“, при помощи которой можно было бы изучать исторические процессы. Кризис буржуазной исторической науки заключается именно в этом отсутствии теории, методологии, и выход из этого тупика, в котором очутилась историческая наука на Западе, самые вдумчивые из буржуазных ученых пытаются найти в применении общезначимой теории. А Кашин, просидевший здесь два вечера, довольно неудачно иронизирует над тем, что мы уточняем нашу марксистскую терминологию и методологию.

Если буржуазные историки не могут выйти из тупика, то это происходит не только потому, что они не владеют теорией, но и потому, что, признав необходимость теории, они отворачиваются от единственно правильной теории — марксистской. Мы, историки-марксисты, находимся в значительно более счастливом положении. У нас теория есть, и мы нуждаемся только в познании ее, в правильном пользовании марксистским методом, потому что в нашей стране, в стране диктатуры пролетариата, ни о каких других методах не может быть и речи. Для нас, в конце-концов, правильное понимание этого метода является условием sine qua non, без которого изучать исторические процессы невозможно. И поэтому я думаю, что те споры, которые сейчас происходят у нас в разных областях общественных наук, имеют огромное значение и значительно облегчают нам путь непосредственной подготовки к большим конкретным исследованиям в области всех общественных наук и особенно—исторической. Грядущие исследования могут быть

плодотворными только тогда, когда мы разрешим основные методологические проблемы.

Перехожу теперь к одной весьма важной проблеме, которая занимает нас сейчас — к вопросу о периодизации западно-европейской истории. Если мы возьмем периодизации, которые даются буржуазными учеными, то увидим, что они в корне отличаются от периодизации Маркса. Я не буду утомлять вас конкретным изложением существующих периодизаций. Напомню, между прочим, что такой крупный ученый, как Рожков, считавший себя марксистом, дал периодизацию, которая ничем не отличается от периодизации буржуазных историков. М. Н. Покровский справедливо указал на то, что только устанавливаемый Рожковым капиталистический период является выдержанным с точки зрения принципа экономического, все же остальные периоды, которые в историческом процессе устанавливал Рожков, были им взяты с разных точек зрения. Одни периоды были взяты с точки зрения индивидуальной, другие—с точки зрения психологической и т. д. Одним словом, общего стержня, который мог бы дать указания о правильном делении исторического процесса, мы у Рожкова не имеем. Если мы возьмем схемы, которые дают нам Шмоллер, Зомбарт, Бюхер и др., то мы увидим, правда, между ними некоторую разницу; но общее между ними то, что они дают нам такую схему, такой принцип деления — периодизации,— при котором выпадает основная сила исторического процесса — классовая борьба. Эта сила выпадает у всех буржуазных историков.

Было бы, товарищи, очень любопытно проследить и сравнить все эти схемы между собой, и тогда мы убедились бы, что почти все буржуазные и примыкающие к ним историки обычно придерживаются такой периодизации, которая не дает возможности объективно ответить на важнейшие вопросы, выдвигаемые конкретным историческим ходом событий. В самом деле, если рассматривать людей вообще, а не классы, то, само собой разумеется, мы получаем фаталистический, фантастический, от какой-то вне людей стоящей силы зависимый исторический процесс. Любопытно, что Зомбарт, в свое время давший периодизацию, основанную на производственном принципе, сейчас, в своей последней работе, пересматривает этот производствен-

ный принцип и в качестве дополнения вводит новое понятие— так называемый „хозяйственный дух". Выдвигая понятие „экономической системы", Зомбарт понимает под этим „способ удовлетворения хозяйственных потребностей, который может быть рассматриваем как нечто единое и в пределах которого каждый составной элемент хозяйственного процесса отличается особой характерной чертой". Расчленяя понятие „экономической системы" на составные признаки, Зомбарт устанавливает три следующих: 1) „хозяйственный дух"—по Зомбарту, это „общая сумма целей, мотивов и принципов, определяющих поведение людей в хозяйственной области"; 2) методы экономической организации, отображающие формы экономической жизни; 3) характер технических приспособлений, участвующих в производстве. Нетрудно вывести из этого, что Зомбарт выступает здесь перед нами в качестве самого плоского эклектика. И неудивительно также, что этот „буржуазный Маркс" сейчас полон самого горького пессимизма и мрачно предсказывает конец капитализма, что означает для Зомбарта конец цивилизации вообще: ведь одряхлевший „хозяйственный дух" совершенно нечем заменить, если исходить из эклектической похлебки, преподносимой нам в настоящий момент Зомбартом.

Кстати, замечу, что на схеме Зомбарта отразилась точка зрения Вебера, который также, как известно, на первый план выдвигает „дух" капитализма. Своим подчеркиванием исключительно индивидуальных особенностей явлений Вебер приходит, конечно, к отрицанию закономерности в истории. И у нас находятся, с позволения сказать, „марксисты" типа Неусыхина, которые (см. статью Неусыхина в „Под знаменем марксизма") считают Вебера последователем Маркса, „углубившим" и „развившим" в ряде случаев марксистский метод. Неудивительно поэтому, что Неусыхин пытался Петрушевского, на основе веберовской идеалистической методологии давшего в своей книге „Очерки из экономической истории средневековой Европы" по существу антимарксистский манифест,—также зачислить чуть ли не в ученики Маркса. На самом деле и Петрушевский, и Вебер, и идущий от него Зомбарт в своих писаниях скрывают как-раз важнейшую пружину исторического процесса—классовую борьбу. Поэтому у Зомбарта, как и у других буржуаз-

ных историков, мы в основах периодизации не находим важнейшего: *способа эксплоатации.*

Зомбарт, один из наиболее умных буржуазных апологетов, понимает, что буржуазная историческая наука зашла в тупик и выхода из него ищет правильно в направлении приложения общезначимой теории к историческим формам, но „теория", которую он дает, такова, что наиболее важные моменты смазываются, скрываются, исчезают, и все это приводит Зомбарта к тому, что выхода из тупика фактически он не находит. Выход этот, по Зомбарту, заключается в том, что, повидимому, все—и историческая наука, и капитализм, и вся цивилизация вообще,—должно погибнуть. А марксист Кашин два дня сидит и слушает споры по важнейшим методологическим вопросам, а потом выходит и провозглашает „ничтоже сумняшеся", что наши споры являются спорами из-за пустяков. Не ясно ли, что марксист Кашин гораздо хуже Зомбарта представляет себе огромное значение правильной методологии в приложении к историческому процессу.

Теперь, товарищи, по поводу С. В. Вознесенского, который не постеснялся здесь заявить, что, он, мол, идет от Маркса, а все остальные идут от М. Н. Покровского. „Толстый" намек на то обстоятельство, что Покровский либо не марксист, либо плохой марксист. Если мы посмотрим, какую периодизацию дает этот „верный ученик" Маркса, С. В. Вознесенский, то увидим, что его периодизация ничем не отличается от периодизации любого буржуазного ученого. У Вознесенского мы имеем признаки чисто экономического свойства, например, такой признак, как промышленный капитализм или аграрный капитализм, но, с другой стороны, он неизвестно по какому признаку выделяет в отдельный период систему добывающей промышленности. Эта система добывающей промышленности противопоставляется другой системе промышленности, которая существует, очевидно, в последнее время. Позволительно спросить, где тут классовая структура, способ эксплоатации, классовая борьба? У Вознесенского, претендующего на единственно верное истолкование марксизма, важнейшее пропадает. Его схема, по сути говоря, в лучшем случае некритически повторяет рожковскую, а в общем ничем не отличается от схемы любого

буржуа. Нет, товарищ Вознесенский, не вам поправлять схему М. Н. Покровского, являющегося подлинным продолжателем Маркса в деле создания русской марксистской историографии! Мы никому не позволим заменять марксистскую схему русского исторического процесса, данную М. Н. Покровским, эклектической похлебкой. Вот почему, товарищи, мы так упорствуем в вопросе о том, как определить эту самую „экономическую систему", о которой говорит Зомбарт, или, если правильно выражаться, какой признак положить в основу деления социально-экономического процесса, на каком основании мы можем установить правильную периодизацию основных эпох, через которые проходит исторический процесс, в частности, европейский исторический процесс.

Как установить правильный принцип деления? Я думаю, товарищи, что те из нас, которые до сих пор не обращали внимания на определение того, что такое общественно-экономическая формация, по сути говоря, не понимали всей важности марксистской методологии. Когда некоторые историки, устанавливающие периодизацию, дают ее по способу распределения или по способу обмена, или по способу потребления, они думают, что открывают какие-то новые Америки. Они не понимают, что когда Маркс говорит о производстве, как об основе, как о стержне общественного развития, он в это производство включает и распределение, и обмен, и все прочие вещи, о которых пишут достаточное количество толстых томов не только буржуазные ученые, но и такие называющие себя марксистами люди, как П. П. Маслов, недавно выбранный членом Академии Наук. П. П. Маслов свою периодизацию истории хозяйства пытается противопоставить системе Бюхера, на самом деле почти в точности ее повторяя, так как он не понимает, что распределение и обмен являются моментами производства и, определяемые этим последним, уже сами, в свою очередь, определяют потом производство. „Распределение в самом поверхностном понимании,— пишет Маркс,— представляется распределением продуктов и, таким образом, далеко отстоящим от производства и по отношению к нему *якобы самостоятельным.* Однако, прежде чем распределение становится распределением продуктов, оно есть: 1) распределение *орудий производства* и

2)— что представляет собою дальнейшее определение того же отношения — распределение членов общества по различным родам производства (подведение индивидов под определенные производственные отношения). Распределение продуктов есть, очевидно, результат этого распределения, которое включено в самый процесс производства и которое обусловливает организацию этого последнего. *Производство*, рассматриваемое *независимо от этого заключающегося в нем распределения*, есть, очевидно, пустая *абстракция*, в то время как, наоборот, распределение продуктов дано, само собой, вместе с этим распределением, первоначально составляющим момент производства" [1] (курсив Маркса — *Г. З*).

Таким образом, исследуя структуру общества, мы должны в первую очередь отправляться от производства. Следовательно, правильно разрешить вопрос и определить, какие принципы могут быть положены в основу периодизации истории, мы можем только тогда, если пойдем от того же производства. Вот почему Маркс говорит прежде всего о *способе производства*. Этот важнейший признак он кладет в основу периодизации, которая дана в его „К критике политической экономии". Маркс, как известно, говорит только о четырех „прогрессивных эпохах", в основу которых положены следующие способы производства: азиатский, античный, феодальный и капиталистический. Что же понимает Маркс под способом производства, что определяет собою, по Марксу, этот способ производства? Покрывает ли собою способ производства всю общественно-экономическую формацию, или является стержнем, определяющим эту формацию; наконец, является ли способ производства чем-то, что определяет любую общественную формацию? На этот вопрос можно ответить только подойдя к нему с точки зрения духа марксистской теории. Что можно понимать под способом производства? Пригожин сделал здесь ряд ценных указаний, когда пытался определить, что такое общественно-экономическая формация. Я не буду повторять определения Пригожина, скажу только, что по некоторым деталям мне придется с ним спорить; но в основе он прав, когда говорит, что под общественно-экономической

[1] *Маркс* —„К критике политической экономии. Введение". Изд. И-та Маркса и Энгельса, стр. 31.

формацией нужно понимать такую общественную систему, в которую входят следующие признаки: способ производства, следовательно, способ эксплоатации, классовая структура общества, форма общества и государства и возвышающаяся над нею идеология.

Что сказано по этому вопросу у Маркса и что он понимает под способом производства? Способ производства определяет, по сути говоря, две вещи: технические отношения и производственные отношения. Но тут возникает следующий вопрос: почему Маркс говорит всего о четырех способах производства? Ведь первобытное коммунистическое общество является обществом с каким-то определенным „способом производства“, а между тем Маркс не говорит о первобытном коммунистическом способе производства. Маркс также не говорит о социалистическом или коммунистическом способе производства. Почему? Потому что, поскольку речь идет в данном случае о бесклассовых обществах, т.-е. об обществах, в которых нет производственных отношений, в широком смысле этого слова, т.-е. *классовых*,— самый термин „способ производства“ неприменим. Отсюда я делаю вывод, что Маркс сознательно и вполне правильно брал четыре антагонистические формы существования и развития общества, потому что под способом производства он понимал нечто такое, что относится, главным образом, к так называемой „доистории“ человечества, т.-е. к классовому обществу вообще, а все, что было до классового общества и что будет после него, то не входит в понятие способа производства. Способ производства — это тот стержень, который определяет классовую общественно-экономическую формацию, и смены различных способов производства дают нам ключ к установлению периодизации, т.-е. последовательной смены общественно-экономических формаций.

Перехожу теперь к периодизации, даваемой Дубровским. Дубровский отделяет китайской стеной феодализм от крепостничества. Насилуя факты, насилуя цитаты из Маркса, Энгельса и Ленина, Дубровский утверждает, что крепостничество есть отдельная общественно-экономическая формация. Вообще он печет формации, как блины: у него их целых десять. Отделяя крепостничество от феодализма, Дубровский вполне последо-

вательно называет все крестьянские движения и войны революциями, которые, подобно красной ниточке, отделяют одну общественно-экономическую формацию от другой. Я говорю, что Дубровский вполне последователен, ибо перейти от одной антагонистической общественно-экономической формации—феодализма — к другой антагонистической — крепостничеству — можно, конечно, только путем революции. Но так как для Дубровского и социализм и коммунизм являются особыми общественно-экономическими формациями, так как он не устанавливает никакой *качественной* разницы между классовым и бесклассовым обществами, то, чтобы быть последовательным, он должен был бы декретировать *революцию* и при переходе от диктатуры пролетариата к социализму, и от социализма к коммунизму. Дубровский этого абсурдного вывода (который, если бы он был до конца логичен, он должен был бы сделать) не делает: кой-чему он все-таки у Маркса и Ленина научился.

А вот разницы между крестьянскими движениями, крестьянской войной и социальной революцией Дубровский не видит и видеть не хочет. Как известно, Энгельс сравнивал крестьянскую войну в Германии с неудавшейся буржуазной революцией. Но характерно, что Энгельс все-таки оставил старое название этому мощному движению в Германии,—крестьянская война. Мне думается, что он сравнивал это событие с революцией условно: ибо в борьбе против реакционной точки зрения Лассаля надо было особенно четко подчеркнуть, что крестьянские движения и войны — явления прогрессивные. Поэтому Энгельс совершенно правильно поступал, когда *уподоблял* крестьянскую войну в Германии неудавшейся буржуазной революции. Итак, *сравнение* Энгельса вполне закономерно и оправдано. Но стоит нам на минуту несколько извратить Энгельса и назвать крестьянскую войну в Германии и крестьянские движения эпохи разложения феодализма революциями (а это и делает Дубровский), чтобы попасть в плен совершенно механического понимания исторических явлений. Основная ошибка Кудрявцева, между прочим, состоит в том, что по этому вопросу у него тоже нет договоренности до конца. Крестьянские движения конца средних веков социальными революциями не являются. Чтобы движение было социальной революцией, необхо-

димы два элемента: замена одного способа производства другим и замена одного класса другим. В крестьянских движениях, даже в крестьянской войне в Германии, этих двух элементов нет. Новый способ производства — капиталистический — еще не народился в Германии в начале XVI в., крестьянство не было тем классом, который мог прийти к власти, а буржуазия не была еще классом, могущим вести за собой крестьянство и стать господствующим классом. Вот почему Маркс только начиная с нидерландской революции говорит об эре буржуазных революций. Таким образом, мы имеем у Дубровского неправильное механическое отожествление классовых и бесклассовых обществ, крестьянских движений и социальных революций. Отсюда — десять общественно-экономических формаций, отсюда выделение крепостничества в особую формацию с особым способом производства — крепостническим (так называемым „азиатским") и особым классом крепостников. Между тем, мы назвали бы сумасшедшим любого историка, который заявил бы, что империализм и промышленный капитализм являются совершенно разными общественно-экономическими формациями. А ведь разница между эпохой империализма и промышленного капитализма не менее, а более существенная, чем между феодализмом и так называемым крепостничеством.

Итак, крестьянские движения не есть социальные революции. В этом отношении грешат многие историки, конструируя так называемые *ранние и поздние* буржуазные революции. Это делает, например, наш почтенный Н. Н. Розенталь, у которого столько типов буржуазных революций, сколько было государств и чуть ли не княжеств в конце средних веков. На самом деле переходные эпохи,— а таковой является эпоха торгового капитала в Европе, совпадающая с эпохой разложения феодализма,— только в зародыше заключают в себе новые ростки, характеризуясь в общем важнейшими чертами разлагающейся общественно-экономической формации.

В связи с этим может быть поставлен вопрос о том, когда в Западной Европе начинается господство буржуазно-капиталистического способа производства и что нужно понимать под эпохой торгового капитала. Торговый *капитал* и торговый *капитализм* — вещи совершенно разные. Говорить об эпохе

торгового капитализма значит, по сути говоря, конструировать новую общественно-экономическую формацию, отличную от феодализма и промышленного капитализма. Дубровский понял, что это абсурдно, но фактически он подменил торговый капитализм крепостничеством. „Гони природу в дверь, она войдет в окно": механический подход к общественным явлениям всегда приводит к ошибкам и искажениям. Капитализм, по Марксу, понятие вполне определенное, имеющее в основе своей особый способ производства. Между тем, торговый капитал существует при каких угодно способах производства. „Разорение богатых земельных собственников ростовщиками и разорение ими мелких производителей,— пишет Маркс,— в одинаковой мере приводят к образованию и концентрации крупных денежных капиталов. Но в какой мере этот процесс уничтожает старый способ производства, как это имело место в современной Европе, и ставит на его место капиталистический способ производства — это зависит всецело от ступени исторического развития и связанных с этим обстоятельств"[1].

Итак, поскольку мы устанавливаем, что торговый капитал в древности существовал при разных способах производства и не столько приспосабливал их к себе, сколько сам к ним приспосабливался; поскольку мы, с другой стороны, можем констатировать, что в Западной Европе деятельность торгового капитала протекает в течение очень большого периода — от XI и вплоть до конца XVIII в., как господствующая форма капитала, т.-е. также при различных способах производства — феодальном и собственно капиталистическом, — можно прийти к следующему заключению. Торгового капитализма, т.-е. особой общественно-экономической формации в Западной Европе не существовало. Но этим вопрос не исчерпывается: если мы выбросим торговый капитал, то многого не поймем ни в истории Запада, ни в истории России. Обращаю ваше внимание на указание Мартынова, выступавшего по докладу Малышева, указание на то что у Малышева чуть ли не совсем пропадает не только торговый капитализм, но и торговый капитал. Когда я слушал доклад Малышева, я тоже был удивлен,— как можно

[1] *Маркс* — „Капитал", т. III, отд. V, стр. 132, перевод Базарова и Степанова. М. 1907 г.

почти не упомянуть о торговом капитале и не придать этому фактору никакого значения? У Дубровского торговый капитал играет роль „демиурга“ действительности, а Малышев впадает в противоположное преувеличение: он торговый капитал совсем снимает с весов. Может-быть, Малышев попробует здесь доказать, что торговый капитал не играл большой разрушительной роли и что он не был чрезвычайно значительной движущей силой в античную эпоху, в эпоху так называемого азиатского способа производства и в эпоху разложения европейского феодализма? — Навряд ли он сумеет привести здесь какие-нибудь аргументы в этом смысле. Наоборот, торговый капитал играет большую роль, он является причиной того, что в целом ряде стран,— но, конечно, не везде одинаково,— на основе расширения рыночных связей возникают явления *приблизительно* аналогичные. В частности, усиление отработочной ренты и на Западе и у нас является безусловным следствием развития торгового капитала. Но если мы станем на точку зрения Малышева, что отработочная рента является вторичной формой существования ренты, что сначала была продуктовая рента, то мы многих вещей не поймем. Если отработочная рента является вторичной формой ренты, то мы сразу сталкиваемся со следующим вопросом: при какой форме крестьянин являлся более свободным — при отработочной ренте или при продуктовой? Я думаю, что не нужно быть историком, чтобы ответить, что при продуктовой ренте он более свободен. Мы имеем прямые указания Маркса на этот счет. Отработочная рента, по Марксу, является ранней формой феодальных отношений. Она связана с „неразвитостью всех общественных принудительных сил труда... с примитивностью самого способа труда“, в то время как продуктовая рента, по Марксу, предполагает „более высокую ступень развития города и общества вообще“. Непосредственный производитель работает тогда „не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя“, а „под своей собственной ответственностью, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети“[1]. Раз так, то у Малышева,

---

[1] *Маркс* — „Капитал“, т. III, ч. II, стр. 270.

утверждающего для России противоположное, получается извращенный исторический процесс: сначала крестьянин был *свободен и не накоплял,* а потом стал *несвободен* и начал *накоплять.* Это — извращение того, что есть на самом деле: потому что, хотя мы знаем, что капитализм возник не из ренты, но крестьянские накопления так или иначе свою роль сыграли, а эти накопления производились при господстве денежного оброка, одной из форм продуктовой ренты. Если это так, то как можно перевернуть исторический процесс, поставить его на голову? О чем говорят те доводы, которые приводил здесь Б. Д. Греков? Снимается ли приводимыми документами вопрос о том, кто работал для удовлетворения потребностей помещика? По-видимому, работал не сам помещик: нам известны так называемые холопы, в других местах холопство принимало форму почти рабства. Но совершенно ясно, что приводимыми Б. Д. Грековым фактами вопрос о том, была ли в России в раннюю пору существования феодализма господствующей формой рента продуктами, еще не решается в утвердительном смысле. Русское „холопство" есть специфическая форма отработочной ренты. Те историки, которые, подобно Малышеву, принимают усиление барщины в эпоху разложения феодализма, в эпоху так называемой „рефеодализации", за доказательство того, что продуктовая рента предшествовала отработочной, просто не понимают значения торгового капитала. Не случайно поэтому торговый капитал у Малышева почти исчезает вовсе.

„Рефеодализация" ведь заключается в том, что тот самый помещик, который в первую эпоху натурального хозяйства нуждается только в том, чтобы были удовлетворены его личные потребности, теперь, в эпоху усиления рыночных отношений, начинает нуждаться в том, чтобы у него было больше запашки. Этот самый помещик, в момент, когда он попадает в зависимость от рынка, начинает стремиться к тому, чтобы уменьшать запашку у крестьян, а собственную запашку увеличивать за счет крестьянской. Так усиливается отработочная рента, но это уже отработочная рента, так сказать, *второго издания.*

Если вы выбрасываете торговый капитал, то получается, как видите, неправильный подход к вопросу о том, какая форма

эксплоатации господствовала в эпоху феодализма. Думаю—отсюда совершенно ясно, что торговый капитал, эпоху торгового капитала выбросить из нашего обихода нельзя. Мы тогда не поймем целого ряда вещей, целого ряда исторических событий не только в эпоху первоначального накопления, но и в предшествующий ей период, как у нас, так и в Западной Европе.

Теперь, товарищи, еще один вопрос — когда начинается капиталистический способ производства? Кудрявцев попытался дать ответ на этот вопрос, при чем, надо отметить, он впал в ряд преувеличений. Я думаю, что нельзя назвать техническим *переворотом* те изменения, которые мы имели в области техники в XIV—XV вв. Изменений в „исполнительном механизме" нового качественного значения мы в этот период не имели. Это преувеличение у Кудрявцева тесно связано с его недомолвкой по вопросу о крестьянских движениях, которые, как мы видим, Кудрявцев склонен зачислять, на манер Дубровского, по ведомству революций. На самом деле буржуазно-капиталистический способ производства начинает побеждать именно с момента Нидерландской революции: победа Нидерландской революции кладет грань эпохе феодализма. В связи с этим может быть поставлен следующий вопрос. Если буржуазный способ производства начинает складываться уже с этого времени, то что знаменует собой промышленный переворот? На этот вопрос ответ у каждого марксиста простой. Ведь дело в том, что сама мануфактура (можно условно говорить о мануфактуре античной—Маркс об этом кое-где говорит, но сомневаюсь, чтобы можно было, как это делает Пригожин, говорить о феодальной мануфактуре) возникает на основе высокого разделения труда. С другой стороны, разрушительное влияние торгового капитала уже привело к отделению производителей от орудий и средств производства и к сосредоточению последних в руках крупных собственников. Носители торгового капитала перестали быть купцами, посредниками, переросли в промышленных капиталистов, владеющих мануфактурами. Фабрика довершила этот начавший складываться капиталистический способ производства. Мануфактура, таким образом, безусловно является вехой, гранью, началом *нового буржуазного общества.*

Поэтому можно совершенно смело говорить о *мануфактурном периоде* капиталистического способа производства. Промышленный переворот довершает процесс полного разложения феодального общества и окончательно устанавливает новый капиталистический способ производства.

М. С. ГОДЕС.

И в обоих заслушанных докладах, и в выступлении многих товарищей совершенно не случайно одно из центральных мест заняла критика взглядов, развиваемых Дубровским в его последней книжке. Объясняется это отнюдь не только и не столько достоинствами его работы, которыми бесспорно некоторые ее главы отличаются, а главным образом тем, что ни в ком из нас не может вызвать сочувствия манера Дубровского обращаться с Марксом и другими классиками марксизма.

Я хочу свое выступление посвятить вопросу, мало еще затронутому в нашей дискуссии, а именно, „азиатскому" способу производства. Многое из того, что Дубровский говорит о национализации земли на Востоке, о водоснабжении, о роли кочевого окружения и, наконец, о государстве, мне представляется совершенно правильным, но путь, которым Дубровский идет к своим выводам, иногда, кроме протеста, ничего не вызывает. Раз навсегда необходимо мобилизовать наше общественное мнение против попыток подгонять Маркса или Ленина под свою точку зрения. А такие попытки обнаружил не один лишь Дубровский. И противники „азиатского" способа производства и его сторонники во что бы то ни стало стараются завербовать себе таких авторитетных единомышленников, как Маркс или Ленин. Мадьяр в введении к своей работе „Экономика сельского хозяйства в Китае" пишет: „Нет никакого сомнения в том, что, по мнению Маркса, в Китае колониальная политика разрушила именно экономическую основу азиатского производства. Нет никакого сомнения в том, что такие гиганты марксистской мысли, как Ленин и Плеханов, не только признали существование азиатского способа производства, но, как мы увидим ниже, развили Марксово учение о нем". Но „ниже" мы в той части, в какой это обещание касалось Ленина, ничего не увидели и увидеть не могли, потому что, если у Маркса или

Плеханова мы действительно встречаем высказывания об азиатском способе производства, то Ленин здесь приплетен совершенно зря.

Но у Мадьяра такие вольности встречаются очень редко, зато у Дубровского они составляют фундамент всего здания. На 22 странице его книги, обещающей стать печально знаменитой, мы находим буквально такое утверждение „Нигде Маркс не выделяет какого-либо особого „азиатского“ способа производства“. Маркс, по мнению Дубровского, часто употребляет термин „азиатское общество“, но нигде не говорит о специфически азиатском способе производства. Как же Дубровский обходит хорошо известное ему место из предисловия „К критике политической экономии“, где совершенно недвусмысленно сказано как-раз обратное его утверждениям? Он его вовсе не обходит, а просто расправляется с легкостью, прямо поразительной. По Дубровскому, Маркс в этом месте „азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства рассматривает не в узком смысле слова, как „способ производства“, а как целые „эпохи экономического формирования общества“.

Можно согласиться с Дубровским, что выражение „в общих чертах“ следует толковать в том смысле, что эта схема не охватывает всех способов производства, но что Маркс перечисляет здесь именно способы производства и главнейшие из известных ему, делается совершенно очевидным, как только мы стараемся понять эту фразу в связи со всем контекстом, а не вырываем ее для тех или иных произвольных манипуляций. В самом деле, вспомним то классическое место из предисловия, где дается определение способа производства: „В общественном отправлении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс

жизни социальной, политической и духовной вообще". Дальше Маркс, как каждому из вас хорошо известно, говорит о смене общественных формаций, и уже вслед за этим идет та фраза, которую Дубровский так легко от себя отбрасывает.

Если бы было верно, что больше Маркс нигде не говорит об азиатском способе производства,—хотя выражение „староазиатский способ производства" встречается и в первом томе „Капитала", а термин „восточное общество" Маркс, скорее, употребляет в смысле способа производства, а не наоборот, как в этом нас пытается убедить Дубровский,—то и в этом случае мы должны были бы со всею внимательностью отнестись к этому месту, ибо весь контекст, как и значимость предисловия в целом, обязывает нас думать, что мы имеем дело далеко не со случайной формулировкой.

Любопытно, что Дубровский не разъясняет нам, как он понимает выражение Маркса о прогрессивности перечисляемых им эпох. Или мы будем толковать эту прогрессивность, как последовательность, или же мы должны будем признать это выражение бессмысленным. Между тем, если бы Дубровский продумал этот вопрос, постарался бы действительно понять Маркса, а не подстричь его под свою гребенку, он мог бы найти ряд мест в работах Маркса, свидетельствующих о том, что для последнего азиатское общество не есть только конкретная эпоха существования общества, но и определенная фаза общественного развития вообще. Сошлюсь на некоторые из этих замечаний. „Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников, частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать на ряду с капиталистическим производством. В то же время они представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, когда первоначальное восточное общинное владение уже разложилось, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени"[1]. Или такое место: „Подробное исследование азиатских, особенно индийских общинных форм собственности могло бы показать, как из различных форм естественно

[1] *Маркс* — „Капитал" т. I, гл. 11, примеч. 24.

выросшей общинной собственности возникают различные формы ее разложения. Таким образом можно, например, вывести различные оригинальные типы римской и германской частной собственности из различных форм индийской общинной собственности"[1].

Из приведенных двух цитат явствует, что восточное общинное владение — база азиатского способа производства, по Марксу — служит ступенью к античному обществу. Не при всяких условиях восточное общинное владение перерастает в античный способ производства — было бы неправильным приписать эту мысль Марксу,— но там, где он возникает, это происходит на основе разложения „восточного" общинного владения. Термин „восточное" Марксом в таких случаях применяется не как географический, а как социально-исторический. Происхождение его объясняется тем, что на современном ему Востоке Маркс больше всего находил следов этой первоначальной формы собственности.

И в другом месте своей работы, по тому же вопросу об азиатском способе производства, Дубровский снова навязывает Марксу свое понимание этой проблемы. „Было бы смешно,— пишет Дубровский,— на всем протяжении Азии, в разные времена и в разные эпохи, исчислявшиеся тысячелетиями, искать только один способ производства". Автор дает обещание показать, какие способы производства сменялись, по Марксу и Энгельсу, в истории восточного общества. Ничего положительного на этот счет он не приводит, зато с привычной легкостью обходит многочисленные замечания Маркса о застойности азиатского общества. Напомню только одно из них: „Как ни значительны были политические перемены в прошлом Индии, ее социальные условия оставались неизменными с самой отдаленной древности до первого десятилетия XIX в. Ручной ткацкий станок и ручная прялка кормили обыкновенно десятки тысяч прядильщиков и ткачей и составляли основу структуры индусского общества". Как можно совместить смену общественных формаций и социально-экономических укладов с неизменностью социальных условий существования восточного общества — ведомо одному лишь магу Дубровскому. Последний считает смешным утвер-

[1] *Маркс* — „Введение к критике политической экономии".

ждение о неизменности способов производства на Востоке на протяжении тысячелетий, Маркс же в данном отрывке и во многих других, и не только об Индии, но и о Китае, говорит именно о тысячелетиях, связанных с сохранением одного и того же способа производства. Признать, что здесь явная коллизия, у Дубровского нехватает смелости, но этого качества у него достаточно для того, чтобы эту коллизию совершенно замолчать и при этом еще взять под свое покровительство Маркса и Энгельса.

Товарищи, слушавшие мой прошлогодний доклад об азиатском способе производства, знают, что я не являюсь сторонником этой теории, но мне думается, что, независимо от той точки зрения, которой каждый из нас может придерживаться, добросовестность в обращении с Марксом и Лениным в особенности, как и со всяким печатным словом вообще, является для всех нас одинаково обязательной.

Тот же Дубровский на нескольких страницах своей книжки многочисленными выдержками из произведений Маркса показывает, что соединение земледелия с домашней промышленностью на основе замкнутого натурального хозяйства составляло базу восточного общества. Только в дальнейшем Дубровский рассказывает нам, что, помимо этих непосредственных производителей, на Востоке были еще крупные землевладельцы, феодалы-помещики, пользовавшиеся восточным государством как орудием угнетения общин или мелких самостоятельных производителей. Это верно, но взято это положение не у Маркса.

По-моему, по вопросу об отношении Маркса к азиатскому способу производства мы должны прекратить споры о том, признавал его Маркс или нет. Иного ответа, кроме положительного, на этот вопрос не может быть дано. Наша задача заключается, скорее, в том, чтобы выяснить, почему Маркс в начале второй половины XIX в. должен был азиатское общество трактовать как особую общественную формацию. Ведь, в сущности, ни утверждение Энгельса о том, что Восток не дошел до феодальной собственности на землю, ни ряд замечаний по этому вопросу Маркса, более осторожного в этом случае, чем Энгельс, не оправдываются нашими теперешними представлениями о развитии земельной собственности на Востоке.

Необходимо помнить, что Маркс был в этой области в полной зависимости — разумеется, не идейной, а со стороны фактического материала — от уровня тогдашнего востоковедения. Сам он непосредственно исследованиями по истории Востока не занимался. Родовое общество — в тот период, когда Маркс впервые обратил внимание на Восток,— еще не было открыто. Феодальный строй считался в те времена специфически европейским явлением. С другой стороны, в общинном владении землей, как вообще в строе индусских общин, Маркс справедливо видел сильное оружие борьбы против буржуазных теорий о вечности института частной собственности. Этим объясняется и внимание, уделяемое Марксом этим общинам, а также преувеличения, отрицать которые было бы лишним.

Мы ни в коем случае не должны забывать, что развернутой и цельной картины азиатского способа производства Маркс нигде не дал. В нашей работе по изучению Востока, которая только что начинается, мы должны не слепо повторять все замечания, высказанные по этому вопросу и по разным поводам Марксом, а подойти к этому изучению с точки зрения Марксова учения об общественных формациях вообще. Был ли Маркс целиком прав в своих частных высказываниях по вопросам Востока или нет,— от этого марксизм как теория ни в малой мере пострадать не может. Больше того, отдельные замечания Маркса могут сыграть незаменимую направляющую роль в методологическом отношении; тем успешнее, тем скорее мы откажемся от теории азиатского способа производства как особой общественной формации.

Здесь не место подробно развивать эту мысль. Моя задача заключается лишь в том, чтобы показать, что вольное обращение с текстами не является приемом, использованным Дубровским исключительно тогда, когда он конструировал свою крепостническую формацию. В отношении истории России это убедительно обнаружено Малышевым. На основе приведенных мною примеров я хотел только показать, что этот прием у Дубровского — не исключение, а стиль. Вот этим стилем я и объясняю дружные и резкие выступления против книжки Дубровского.

Я уже указывал на то, что в трактовке роли водоснабжения на Востоке, роли восточной деспотии, как и в ряде других

вопросов, Дубровский в основном занимает правильную позицию. Если мы спросим себя, какой общественный строй господствовал на Востоке, или конкретнее, в Индии и в Китае, до установления господства европейского капитала, то единственно правильным ответом будет: феодальный строй. И та неизменность социального строя этих стран, о которой говорит Маркс, это неизменность феодальной общественной системы, это сохранение на протяжении многих столетий и даже тысячелетий феодальной системы эксплоатации как основной. Но трудности начинаются лишь после этого признания. Ведь мало сказать, как это делает Дубровский, что восточная деспотия есть не что иное, как феодальное или крепостническое государство. Феодальное государство на Востоке отличается многими существенными чертами от феодальной монархии в Европе; основная из них—это централизованный характер феодальной монархии на Востоке. Очень легко, конечно, разбить немарксистскую точку зрения на восточное государство, как на государство, выросшее на основе борьбы с кочевниками или выполнения ирригационных функций, но вопрос о том, в какой мере борьба с кочевниками и водоснабжение толкали феодальную монархию на Востоке в сторону централизации и в какой мере эта централизация обусловливалась частыми и мощными крестьянскими войнами в великих восточных деспотиях, особенно в Китае,—это проблема, которую мы не можем от себя отбрасывать и которая ждет еще своего разрешения. Второй вопрос, перед которым мы стоим,—это вопрос о формах земельной собственности на Востоке и об эволюции этих форм. Здесь нас интересует, в применении к Индии в особенности, насколько далеко зашло разложение общинного землевладения, как далеко зашел на основе этого разложения процесс развития частной собственности на землю. Нас интересует также вопрос о государственной собственности на землю. Существовала ли она постоянно и исключала ли она существование и частной собственности на землю,—это одна сторона дела. Другая сторона заключается в том, что нашей проверке подлежит вопрос, насколько под этим утверждением о государственной собственности скрываются реальные отношения и насколько мы здесь имеем дело с юридическими и идеологическими фикциями. Факты, во всяком

случае говорят о том, что в Индии, например, даже в эпоху расцвета мусульманского владычества, как и в эпоху мусульманских завоеваний, старые собственники на землю полностью не исчезали и не уничтожались. В Китае купля и продажа земли существовала до европейского влияния и независимо от него. Правда, Марксу принадлежит утверждение о том, что самое понятие частной собственности экспортировано в Индию европейцами, но все же вопрос о том, какую эволюцию собственность на землю проделала на Востоке и насколько успешно там внедрялись элементы частной земельной собственности,—является одной из важнейших очередных проблем нашего марксистского востоковедения, тем более, что нигде как в этой области, буржуазная наука не оставила столько предрассудков, а иногда и сознательных извращений.

Третья проблема, не менее важная и ждущая своей разработки, это вопрос о разделении труда на Востоке. Действительно ли там до европейских завоеваний господствовало сочетание промышленности и земледелия в домашнем производстве или же независимо от европейского влияния мы имели прорыв этой интегральности? Возникало ли на Востоке разделение труда между городом и деревней? Такое разделение труда является, по Марксу, первым условием прогресса. Если его не было или роль его была совершенно незначительна, тогда можно говорить о застойности социальных отношений на Востоке. Тогда история таких стран, как Индия и Китай, сведется к истории завоеваний, смен династий, но это не будет историей в подлинном марксистском смысле этого слова. Мне кажется, что внимательное изучение таких эпох, как Юаньская или Манчжурская в Китае, или эпохи расцвета и упадка Могольской империи в Индии, могло бы многое дать для решения этого вопроса. Я убежден, что такое изучение показало бы нам, что в Китае и в Индии процесс первоначального накопления, на основе распада феодальных отношений и зарождения новых форм производства, начался независимо от прямого влияния европейского капитала, правда, не без влияния оживления торговых сношений между Востоком и Европой. Беда Азии и двух величайших ее народов —индийцев и китайцев—заключается в том, что период завершения процесса первоначального накопления в Европе

застал Китай и Индию в первоначальной стадии этого процесса. Можно, конечно, не согласиться с мнением, высказываемым Роем, что Индия XVIII в. стояла перед промышленным переворотом, но игнорировать роль индийских промышленных центров, индийской мануфактуры и индийских кустарей, роль посреднического капитала в Индии XVIII в. мы не должны. В зависимости от решения этого вопроса, т.-е. вопроса о роли первоначального накопления на Востоке, будет решен и вопрос об исторической роли европейского капитализма на Востоке, в частности английской буржуазии в Индии. Произвело ли английское внедрение социальную революцию в Индии, оставалось ли господство англичан в стране еще до средины XIX в. „сплошным свинством" или же, наконец, мы сталкиваемся здесь с оригинальным случаем сочетания „сплошного свинства" с социальной революцией,— это тоже один из центральных вопросов, ждущих марксистского разрешения. Но все это проблемы, которые меньше всего могут быть разрешены кавалерийскими наскоками. Они требуют много сил и внимания со стороны всей нашей востоковедческой мысли, а главное — самого внимательного отношения к учению Маркса, Энгельса и Ленина об общественных формациях, без попыток подогнать их взгляды к своим построениям.

В заключение я позволю себе сделать краткое замечание по поводу одного места в докладе Кудрявцева. Он выступил с возражениями против „крепостнической" формации Дубровского. Но, выгоняя эту особую формацию в дверь, он в то же время в окно впускает нечто подобное ей, правда, пока еще недостаточно отчетливое, но потенциально содержащее в себе положение, весьма родственное теории Дубровского. В периодизации истории Европы Кудрявцев считает необходимым выделение особой эпохи торгового капитала, когда феодализм, по выражению Кудрявцева, перестает быть феодализмом, но капитализм еще нс сложился. Что переход одной общественной формации в другую, в частности феодализма в капитализм, не совершается мгновенно, что требуется длительный период перерастания одного в другое, когда на ряду с ростками новых производственных отношений существуют очень сильные пережитки старых, пока они не будут сметены социальной револю-

цией,— это азбучная истина. Но Маркс эпоху формирования капиталистических отношений называл эпохой первоначального накопления капитала, и заменять это очень расплывчатым термином „эпоха торгового капитала“ нет никакой надобности. Торговый капитал сопровождает не одну общественную формацию. Когда развитие торгового капитала в истории позднего средневековья базируется еще на феодальном способе производства, мы имеем еще в основных чертах феодальный период европейской истории. С появлением нового способа производства—мануфактуры—мы вступаем в первоначальную стадию капиталистического общества. Против „эпохи торгового капитала“— как будто бы безобидного термина—мы должны возражать потому, что именно за этой безобидностью скрывается псевдоним особой общественной формации. Обращение к псевдонимам свидетельствует или об отсутствии смелости, что можно было бы занять у Дубровского, или же об отсутствии логической последовательности.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО А. И. МАЛЫШЕВА.

Прежде всего о содержании понятия общественно-экономической формации. Выступление Пригожина по этому вопросу не прибавляет ничего нового к тому, что мною было изложено в докладе в связи с критикой неправильного понимания Дубровским специфических черт феодальной общественно-экономической формации. В основном он повторяет те же места из Маркса, по поводу определения содержания понятия общественно-экономической формации, которые приводил и я.

Дальше, Пригожин указывает, что я отрицаю ренту как „выражение определенных производственных отношений“ Нет, я не отрицаю того, что рента отработочная, продуктовая, денежная отражают собой определенные производственные отношения, но я вскрываю и эти определенные производственные отношения, чего не делает Дубровский. Вслед за Марксом, я считаю характерной чертой этих определенных общественных отношений отношения личной зависимости. Маркс пишет о феодализме: „Личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные воздвигнутые на этой основе сферы жизни. *Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, отдельным работам и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму*“.[1]

На основе отношений личной зависимости феодал присваивает *прибавочный труд* путем эксплоатации непосредственного производителя — крестьянина, а в какой форме — это зависит от целого ряда обстоятельств, связанных с уровнем развития общественного разделения труда, хозяйственной организации феодала, степени втянутости крестьянского хозяйства в рыночные отношения и т. д.,— точно так же, как, например, капиталист

[1] *Маркс* — „Капитал“. т. I. стр. 35.

выжимает прибавочный труд методом, который в политической экономии получил наименование производства абсолютной прибавочной стоимости, и методом производства относительной прибавочной стоимости, или так же, как капиталист выжимает прибавочный труд с формально самостоятельных производителей в домашней системе крупной промышленности. Все эти формы выжимания основываются на одном и том же типе производственных отношений, в основе которых лежит продажа рабочей силы, но они отражают разные этапы в развитии капиталистической системы организации эксплоатации. И при капитализме в земледелии господствует денежная рента, которая по внешности очень похожа на ренту денежную феодальную,—да иначе и не могло быть, ибо прибавочный труд берется с земледельческого производства,—но общественные отношения, при которых выжимается этот прибавочный труд, в корне отличны от феодальных. „Во всех более ранних формах—пишет Маркс,—землевладелец, а не капиталист, является непосредственным присвоителем чужого прибавочного труда. Рента (как ее понимают также физиократы) исторически (также у азиатских народов на высшей ступени развития) *является общей формой прибавочного труда, безвозмездно выполняемого труда. Здесь присвоение этого прибавочного труда происходит не посредством обмена, как у капиталиста; основой его служит насильственное господство одной части общества над другой*“ [1].

Вознесенский, поддержанный Лидаком, высказывается против включения ремесла в качестве составного звена в феодальный способ производства, в феодальную общественно-экономическую формацию. По их мнению, ремесло является как бы чуждым элементом в феодализме. На этой точке зрения стоит и Дубровский. Такая точка зрения есть прямое утверждение теории Бюхера, выделяющей город в особую ступень хозяйственного развития. Ведь, считая городское ремесло чуждым феодализму хозяйственным укладом, товарищи, я думаю, не будут оценивать ремесло как исходную основу капиталистического способа производства в недрах феодализма, ибо Маркс решительно подчеркивает принципиальное отличие начальных стадий капитализма, в виде простой капиталистической кооперации и ману-

[1] *Маркс* — „Теория прибавочной ценности“, т. III, стр. 310.

фактуры, от ремесла. Ремесленная техника, но не ремесленные организация труда и производственные отношения являются исходным моментом капитализма. В таком случае остается признать городское ремесло особым способом производства, особой общественно-экономической формацией, к чему логически должен придти и Дубровский, ибо считать, как это делает Дубровский, что ремесло составляет особый хозяйственный уклад в феодальной общественно-экономической формации или особый способ производства, не дающий своей общественно-экономической формации, может только человек, не понимающий учения Маркса об общественно-экономических формациях. По Марксу, каждый способ производства является в то же время основой общественно-экономической формации. Нет способа производства, не дающего особой общественно-экономической формации. По Дубровскому же (стр. 19 его книги), общественно-экономическая формация есть мирное сожительство различных хозяйственных укладов, различных способов производства, один из которых определяет данную общественно-экономическую формацию. По Марксу, в недрах данной общественно-экономической формации борются *остатки старой формации* (например, при капитализме—мелкое крестьянское хозяйство и ремесло как остатки феодальной формации), подчиняемые данной общественно-экономической формацией, *и зародыши будущей общественно-экономической формации.*

Итак, я считаю, что ремесло и ремесленно-торговый город являются составным звеном феодализма; в то же время они выступают в качестве силы, разлагающей феодальное хозяйство; в этом состоит диалектика развития феодальной общественно-экономической формации. Поэтому совершенно странным является обвинение меня Пригожиным в том, что я натурализирую феодализм и тем самым приближаюсь к Бюхеру (по поводу русского феодализма я скажу ниже). Пригожин считает, что я не рассматриваю феодализм, как хозяйственную систему, в которой происходит переход от натурального хозяйства к денежному. Я пошел дальше этой общей фразы и вскрыл сущность этого перехода. По моему мнению, термин „натуральное“ хозяйство неприменим к феодализму, поскольку уже с очень ранней эпохи мы имеем выделение ремесла, т.-е. процесс общественного

разделения труда, образование рынков, товарообмена. В то же время к нему неприменим термин „денежное“ хозяйство, так как я считаю, что Маркс никогда не характеризовал экономическую сущность данной хозяйственной формы по вторичному признаку — обмена. Феодальное хозяйство — не натуральное и не денежное. Это хозяйство, производящее потребительные ценности (по терминологии Маркса), что не исключает участия как помещика, так и крестьянских хозяйств в обмене. Это гораздо точнее и яснее, нежели термин натуральное или денежное, ибо первое предполагает безобменное, замкнутое ойкосное хозяйство (Бюхер), второе же может привести к мысли, что феодальное хозяйство — товаропроизводящее. Оно не было ни тем, ни другим. Сущность эволюции феодального хозяйства и заключается в постепенном перерастании как помещичьего, так и крестьянского хозяйства из потребительского в товаропроизводящее, — раньше под воздействием ремесла, а затем — в особенности под воздействием начальных стадий капитализма.

Пригожин, Томсинский, Мартынов и др. считают, что я делаю уступку Дубровскому, когда утверждаю, что в эпоху русского феодализма (до XVI в.) преобладала рента продуктовая, при одновременном существовании в качестве зародышей ренты отработочной и денежной. Пригожину нет дела до фактов, он думает, что схема может с успехом их заменить и все объяснить. На самом деле факт остается фактом, и, вопреки мнению Мартынова, я считаю, что на основании того материала, который историки до сих пор имели в поле своего научного зрения, можно определенно сказать, что преобладала рента продуктовая. Мартынов ссылается на книжку Рожкова „Сельское хозяйство в XVI в.“, но там Рожков говорит о конце XV в. и XVI в., а вот мы имеем другое мнение Рожкова, относящееся, собственно, к феодальному периоду: Во II томе его „Русской истории“ на стр. 26 мы читаем: „Переходя от форм добывающей промышленности к изучению форм сельскохозяйственного производства, необходимо прежде всего остановиться на вопросе о барской запашке. Пересматривая относящийся сюда материал, не трудно убедиться, что в XIV в. барская запашка кое-где попадалась и на землях бояр и слуг вольных, и во владениях церковных учреждений, и, наконец, в дворцовых имениях князей. На ряду

со всем этим встречаются неоднократные указания на отсутствие барской запашки в имениях разных владельцев. Вообще можно сказать, что чем раньше, тем реже и меньше размерами была барская запашка, и даже в конце периода она не была распространенным явлением... Но мы имеем множество свидетельств, ставящих вне всякого сомнения преобладание оброчной системы над „изделием". Это, без сомнения, суммирование всего известного историкам материала, в этом нам порукой имя Рожкова, без сомнения, крупнейшего эрудита для эпохи до промышленного капитализма.

Ссылка Мартынова на Сергеевича и других авторов разрабатывавших Новгородские писцовые книги, подводит нас вплотную к выяснению размаха вовлечения крестьян в барщину. Сергеевич и др. действительно говорят о наличии собственной запашки у бояр новгородских в конце XV в. до „сведения" их Московским великим князем, *но они в то же время подчеркивают, что эта запашка обрабатывалась людьми феодала, т.-е. холопами. „В писцовых книгах,* — читаем мы у Сергеевича, — *есть совершенно ясные указания на то, что старое хозяйство (новгородских бояр) велось руками холопов.*[1]

А Ключевский устанавливает, что в XV в. „пахотные холопы-страдники уже являются в составе сельского населения старинным и значительным классом, хозяйственный и юридический быт которого успел прочно установиться".[2]

Нельзя считать за исторически данное смену форм ренты от отработочной к натуральной и от натуральной к денежной, — у Маркса это, скорее, логическая систематизация по типам, нежели историческая картина разворачивания форм ренты. На мой взгляд, отработочная и натуральная формы ренты сосуществуют с очень отдаленных времен, и преобладание одной над другой зависит от целого ряда исторических, географических и других моментов, определяющих уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве, характер их, степень развития общественного разделения труда и т. д. Формы ренты имеют двоякое происхождение. Продуктовая рента идет

[1] *Сергеевич* — „Древности русского права", т. III, стр. 47.

[2] *Ключевский* — „Опыты и исследования", стр. 323.

от военных сборов, добровольных приношений и т. д. свободных крестьян-общинников своим военным вождям и пр. Затем, в процессе феодализации, она превращается в ренту, уплачиваемую в силу отношений личной зависимости. Рента отработочная идет от работы рабов в хозяйстве вождей и воинов. Рабы — исторически первый эксплоатируемый класс, они первые работники на барщине, опираясь на них и мог вождь-воин материально выделиться из среды общинников-крестьян, опираясь на них, он мог совершать процесс феодализации свободных крестьян, превращая добровольные приношения в продуктовую ренту. И только в процессе дальнейшей феодализации происходит втягивание крестьян, наравне с холопами, в барщину. В Европе этот процесс был ускорен тем, что на германское развитие в сторону феодализма ускоряющее и усложняющее влияние оказал римский процесс феодализации. Из слияния крестьян, холопов и римских колонов и образовался крепостной крестьянин Западной Европы эпохи феодализма.

В России процесс феодализации шел медленнее, и только к XV в. намечается втягивание крестьян в барщину и сближение их с холопами, а следовательно, и превращение их в крепостных. Русский феодализм до XVI в. — ранний феодализм, находящийся в процессе формирования. Следовательно, ответить Дубровскому на его теорию нужно не отрицанием факта преобладания продуктовой ренты в России до XVI в., а выяснением сущности русского феодализма, как незаконченного в своем формировании и, следовательно, не могущего служить основанием для построения на нем теории феодализма как общественно-экономической формации. В докладе я указал на причины позднего формирования феодализма и на его захолустный характер.

Дальнейшее развитие форм ренты пошло по следующему направлению: с одной стороны, ростки денежной ренты увеличились за счет ренты продуктовой в районах, где из пор крестьянских хозяйств стало выделяться ремесло и т. д., с другой стороны, за счет этой же продуктовой ренты растет барщина; однако в течение XVII в. продуктовая рента играет все же большую роль и только в XVIII в. делается подчиненной по отношению к денежной в северном районе и барщины — в черноземном.

Первый вопрос, в связи с развитием форм ренты, который я поставил и пытался разрешить, заключается в следующем: чем объяснить странное (с точки зрения опыта западноевропейской истории) явление — развитие денежной ренты в России за счет продуктовой происходит при одновременном усилении крепостной зависимости, внеэкономического принуждения, тогда как на Западе, как правило, переход к денежной ренте связан с эмансипацией крестьян, о чем говорит и Маркс в разделе о денежной ренте. То объяснение, которое я дал, не встретило здесь возражений.

Возражение встретило мое объяснение причин развития барщинного хозяйства и экономическая характеристика сущности этого хозяйства.

Конечно, барщинное хозяйство получило широкое распространение в связи с развитием торгово-денежных отношений в XVI — XVII в. в. Это особенно ярко показал М. Н. Покровский. *Барщинное хозяйство есть превращенная форма феодального хозяйства под воздействием торгового капитала.* Но здесь остается невыясненным — почему развитие торгово-денежных отношений в России привело к консервации барщины, тогда как, например, в Англии и Франции — к ликвидации барщины? Причины нужно искать в низком уровне экономического развития России в эпоху феодализма до XVI в., а затем в медленном темпе и своеобразном характере развития общественного разделения труда и торгово-денежных отношений в XVI — XVII вв. Поэтому я считаю помещичье барщинное хозяйство в его исходном этапе не хозяйством *товаропроизводящим*, а хозяйством, производящим потребительные ценности. Помещик начал развивать барщину для того, чтобы удовлетворить свою потребность в деньгах, используя для этой цели открывшийся и медленно развивающийся рынок. Пошел он по этой линии в деле удовлетворения своих потребностей в деньгах в основном потому, что русский крестьянин-земледелец в эпоху до XVI в. не подготовил себя в качестве хорошего арендатора или плательщика денежного оброка, в силу слабого развития торгово-денежных отношений до XVI в., а после XVI в. слишком медленно приспосабливался к рынку; к тому же он был разорен войнами и классовыми битвами конца

XVI и начала XVII вв. Помещик использовал крестьянина как рабочую силу. В этой своей экономической сущности, как хозяйство потребительского типа, барщинное хозяйство является прямым продолжением феодального, так же, как и по системе производственных отношений и организации труда.

Но, связавшись с рынком с целью продажи части своей продукции (при чем нужно подчеркнуть, что для среднего помещика это была незначительная часть в XVII и XVIII вв.) *для удовлетворения своих потребностей в деньгах,* помещик „увязал" в рынке, захватывался рыночными отношениями, все большую и большую часть продуктов стал выбрасывать на рынок и постепенно превращался в товаропроизводителя.

Мартынов возражает против такого трактования происхождения, сущности и эволюции барщинного хозяйства. Он считает (и в этом он сходится с Меерсоном [1]), что крепостное барщинное хозяйство с самого начала возникает как *товаропроизводящее* и никакой эволюции в течение XVII—XX вв. не претерпевает. В этом своем утверждении он ссылается на М. Н. Покровского. „У М. Н. Покровского,—говорит он,—крепостное хозяйство с самого начала до конца не „линяет", оно рождается как товаропроизводящее хозяйство и существует так же, не изменяясь в качественном отношении". Мартынов превратил Покровского из диалектика в схематика, подстриг его под Меерсона. Мартынов напрасно взялся за интерпретацию Покровского: он его не понимает. Покровский, вслед за Лениным, не считает крепостное барщинное хозяйство с самого начала товаропроизводящим. Когда Ленин писал в „Развитии капитализма в России", что „до капитализма земледелие было в России господским делом, барской затеей для одних, обязанностью, тяглом — для других", то этим он подчеркивал потребительский характер помещичьего хозяйства и считал, что „производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима". Между прочим, за это критиковал Ленина г. Скворцов, стоявший на точке зрения крепостничества как особой общественно-экономической формации.

---

[1] См. „Вестник Комакадемии", т. XIII, статья Меерсона „Ранняя буржуазная революция в России".

Собственно, к этому выводу должны прийти и Меерсон и Мартынов, ибо нельзя же считать феодализм хозяйством товаропроизводящим; следовательно, крепостничество, будучи, по мнению Мартынова (и Меерсона), товаропроизводящим, должно быть принципиально отличным от феодализма (Скворцов считал, что термин государь-вотчинник, который Ленин употребляет для характеристики крепостника-помещика, неприменим к этому помещику, а только к феодалу до XVI в.), но в то же время крепостничество не капитализм, следовательно, — это новое, неизвестное истории экономическое образование. М. Н. Покровский, вслед за Лениным, считает,[1] что превращение помещика из барина в сельского хозяина произошло в начале XIX в. Мартынов совершенно не понял приведенной им в выступлении следующей цитаты из Покровского: „Боярин древнейшей эпохи еще не хозяйничает: он только, как он делал и раньше, собирает плоды чужого хозяйства — только не путем прямого захвата, а более мирно, зато и более систематично... (к сведению Мартынова, Пригожина и других: Покровский тоже считает, что продуктовая рента преобладала до XVI в. и барщинные отношения интенсивно развиваются только с XVI в. вместе с переходом к трехполью и развитием торгово-денежных отношений *А. М.*). „С выделением ремесла,—пишет дальше Покровский,—картина резко изменилась. Хлеб стал товаром, который можно продать, можно *прямо* или через посредство денег обменять на продукты обрабатывающей промышленности. Боярин начинает интересоваться хозяйством. Уже сменившие новгородских бояр в конце XV в. московские помещики пахали на себя вчетверо и впятеро больше их предшественников... Этот боярин еще работает на узкий местный рынок, но с конца XVIII в. и особенно с начала XIX в. помещик уже работает на широкий внешний рынок, в результате чего помещичье хозяйство превратилось в „хлебную фабрику".

Отсюда Мартынов делает вывод, что помещик с конца XV в. выступает как товаропроизводитель. А у Покровского, в полном согласии с Лениным, помещичье хозяйство превращается в „хлебную фабрику" только в конце XVIII в. и в начале XIX в.

[1] См. „История России в XIX в.", изд. Гранат, статья М. Н. Покровского „Крестьянская реформа".

Развитие товарного хозяйства, появление на рынке хлеба как товара еще не значит, что хозяйство, производящее этот хлеб, стало сразу товаропроизводящим. Продукт сначала в обмене, на рынке, становится товаром и только потом начинает производиться как товар. Мартынов, повидимому, не знаком с диалектикой развития товарного хозяйства, как оно дано у Маркса в III т. ч. I „Капитала“ в главе „Из истории купеческого капитала“.

В назидание Мартынову я должен привести одно место из этой главы: „Самостоятельное купеческое имущество, как господствующая форма капитала, означает обособленность процесса обращения от его крайних членов, а эти крайние члены — сами обменивающие производители. Эти крайние члены остаются самостоятельными по отношению к процессу обращения, как и этот процесс по отношению к ним. Продукт здесь становится товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не производство товаров движением последних образует торговлю... Денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости“. [1] Что это, Бюхер, товарищ Мартынов?

Сельское хозяйство медленнее всего товаризируется. С самого начала выступает как товаропроизводящая городская промышленность, как только она отделяется от земледелия. „Такова природа дела,— пишет Маркс,— что как только городская промышленность как таковая отделяется от земледельческой, ее продукты с самого начала являются товарами и, следовательно для их продажи требуется посредничество торговли“. [2]

Чем дальше, тем все больше торговля начинает разлагать внутреннюю структуру помещичьего хозяйства, приспособленного для производства потребительных ценностей; хозяйство помещика именно „линяет“, оно превращается в товаропроизводящее. И Маркс указывает основное звено, посредством которого рынок, торговля втягивает помещика в свою орбиту и

[1] *Маркс* — „Капитал“, т. III, ч. I, стр. 253.

[2] *Маркс* — „Капитал“, т. III, стр. 256.

превращает в товаропроизводителя: это происходит потому, „что наслаждение и потребление она ставит в бо́льшую зависимость от продажи, чем от непосредственного потребления продукта". Именно в погоне за наслаждением, за деньгами, русский помещик втягивался в рыночные отношения.

Медленность эволюции русского помещика из потребителя в товаропроизводителя на протяжении XVI—XIX вв. связана с медленностью расширения внутреннего рынка для сельскохозяйственных продуктов, ибо барщинное хозяйство и возникло как приспособление к этому внутреннему рынку, оно и держалось на нем. Открытие массового хлебного рынка в конце XVIII в. и в начале XIX в. должно было стимулировать превращение помещичьего хозяйства из потребительского в товаропроизводящее, на что указывают и Ленин и Покровский, но вместе с тем был поставлен вопрос и о барщинной системе. Для Мартынова не стоит проблема (как, впрочем, она не стоит и для Меерсона) — как могло существовать в течение двухсот с лишним лет *товарное производство* на основе *барщинной системы* организации труда и чем вызвана ликвидация барщины в XIX в., если произошло только количественное расширение рынка.

Мартынов не свел концы с концами. У меня же они сведены. Крепостное (барщинное) хозяйство есть своеобразная форма разложения феодального потребительского хозяйства под воздействием медленно растущих торгово-денежных отношений (рынка для сельскохозяйственных продуктов), есть своеобразная форма овладения феодального сельского хозяйства капитализмом. Этапы овладевания: от потребительского в товаропроизводящее на основе барщинной системы организации труда, затем изживание этой барщинной системы через отработки и т. д. Прусский путь внедрения капитализма в русское сельское хозяйство, как он вскрыт Лениным, для периода после 1861 г. уходит корнями в XVI в.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО А. Е. КУДРЯВЦЕВА.

Малышев в своем заключительном слове настолько заострил спорные вопросы, что хоть снова начинай дискуссию. Когда я слушал его доклад, то мне казалось, что между нами особых расхождений нет, но после его заключительного слова возникает ряд серьезных сомнений в правильности его концепции. Но, как ни берет меня соблазн, я удержусь от высказываний на темы, им затронутые, и, может-быть, попутно коснусь их дальше.

Оглядываясь назад, на истекший месяц, в течение которого длилась наша дискуссия, я должен констатировать, что она коечто нам дала. Я лично придаю огромное методологическое значение этой дискуссии, поскольку она вносит ясность в понятия и терминологию, господствующие в нашей среде.

За это время здесь пришлось услышать много перлов остроумия. Некоторые из них не лишены интереса, а от других прежде всего необходимо отмежеваться. Таким, например, было выступление Кашина, которому Зайдель дал уже справедливую отповедь. Проявленное Кашиным несколько легкомысленное отношение к нашим спорам решительно ничем не оправдано, тем более, что сам-то он, увлекшись остроумием и уподобив нас гигантам, ворочающим формациями и эпохами, как камнями,— никаких положительных утверждений не противопоставил. Совершенно иначе я отношусь к выступлению Пригожина. Правда, он развивал свои положения в подлинно американских темпах, затронул слишком много проблем, не развив их сколько-нибудь основательно, иногда заезжал не в ту эпоху, в какую нужно было, но все же он высказал ряд очень ценных методологических соображений, в частности по вопросу об определении самого понятия общественной формации. Если же обратиться к другим оппонентам, то их критические замечания были более или менее основательны, хотя и не всегда бесспорны; что же касается положительных утверждений и собственных

концепций, то в них немало было расплывчатого, эклектического. В одном, во всяком случае, и докладчики и все выступавшие были единодушны и солидарны — это в критике построений и замыслов Дубровского. Наличие такого единого фронта против извращений марксистско-ленинского подхода к историческому процессу следует признать положительной стороной нашей дискуссии.

Перехожу теперь к существу затронутых вопросов. У многих оппонентов, на мой взгляд, замечалось излишнее пристрастие к определениям и недостаточное внимание к доказательствам от конкретного исторического процесса. Здесь много злоупотребляли цитатами, разрешите и мне еще раз злоупотребить одной цитатой. Обещаю, что это будет единственный раз. У Энгельса в подготовительных работах к „Анти-Дюрингу" есть одно любопытное место, как-раз по вопросу о ценности определений:

„Определения,— пишет он там,— не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются неудовлетворительными. Единственно реальным определением оказывается развитие самой сути дела, и оно уже не есть определение. Для того, чтобы выяснить, что такое жизнь, мы должны исследовать все формы жизни и представить их в их взаимной связи. Но для практического применения краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемом определении часто бывает полезно и даже необходимо, и оно не может вредить, если только от него не требуют, чтобы оно давало больше, чем оно может выражать".

Мне думается, что в этой цитате заключаются ценные для нас указания. Мы много занимались определениями, и в частности Пригожин дал ценное и правильное определение, что такое общественная формация. Но не переоцениваем ли мы роли и значения таких определений. Я, по крайней мере, сужу по Малышеву. Он нам прочитал превосходный доклад, его мысль работает необычайно четко и ясно, но даже и на его аргументации чувствуется, насколько и он находится под властью слишком общих формулировок. Отсюда — неизбежно упрощенный подход к историческому процессу, недооценка или упущение многих важных его моментов. Без определений обойтись нельзя,

но едва ли их можно считать надежными орудиями познания. Для этого они слишком общи, отвлеченны, схематичны, и у иного исследователя является желание просто прикладывать готовые определения к конкретному и многообразному содержанию исторической действительности. Гораздо важнее для нас не определение, а качественная характеристика эпохи, ряд обобщений, выведенных из анализа конкретной действительности. Но эта характеристика должна отвечать определенным методологическим требованиям, на которые я и указал в своем докладе. Она должна отражать в себе не только определяющее значение способа производства, но и весь комплекс проявлений исторического процесса. Она должна учитывать диалектический ход развития в пределах формаций, что непосредственно связано с проблемой исторической периодизации.

Наконец, крайне важно установить и географические рамки, в пределах которых данная формация развивается. Отсюда вытекает проблема единства европейского исторического процесса, его внутренней связанности. По этому пункту меня упрекнул Н. Н. Розенталь в том, что я недостаточно диференцирую европейский исторический процесс по странам. Очевидно, так вышло в моем изложении, по существу же я всегда подчеркиваю своеобразия отдельных линий развития. От этого ведь и качественная характеристика и цельных формаций и отдельных периодов становится более содержательной, так как открывается широкая возможность для сопоставлений в пределах европейского целого. Крайне важно было бы затронуть и упущенный мною в докладе вопрос о неравномерности развития по отдельным странам. Приходится, однако, констатировать, что в прениях это положение об общности и единстве исторического процесса не нашло достаточного отклика, и выступление Розенталя оказалось одиноким, при чем он, возражая мне, сам грешит в обратном направлении,— в недооценке общности процесса. Но, может-быть, еще больше страдает этим грехом Малышев, проглядевший связи и зависимости в исторических судьбах Западной и Восточной Европы.

Перехожу к проблеме периодизации и к отдельным историческим периодам. Два слова о феодализме. Как я уже указывал в своем докладе, наши концепции о феодальной эпохе,

особенно после работ Дойша и Петрушевского, необходимо пересмотреть и заново продумать. Ведь и у Дойша с Петрушевским, и у Бюхера, против которого они ополчаются, одинаково отсутствует диалектический подход к этой эпохе. Одна сторона всюду усматривает наличие развитого обмена вплоть до „вотчинного капитализма, и другая, в лице Бюхера, окрашивает всю огромную по хронологическому охвату эпоху в однотонный цвет натурально-хозяйственной концепции. Проблема исторической периодизации этой эпохи несомненно должна внести ясность в этот вопрос. С Бюхером нам не по пути не только потому, что он не учитывает самого существенного — способа производства. Он слишком упрощенно трактует вопрос о замкнуто-натуральном хозяйстве, игнорируя исторические факты.

Попутно я отвечу здесь и тов. Пригожину, который упрекал меня в неправильном истолковании слов Маркса об отделении города от деревни. Будто бы эти слова не имеют отношения к XI—XII вв. Позвольте ответить вам другой цитатой из Маркса, взятой мною из его письма к Анненкову. Там он пишет буквально следующее: „Прудон так мало понял вопрос о разделении труда, что даже не упоминает о разделении между городом и деревней, которое в Германии, например, произошло, начиная с IX по XII столетие". Как видите, я правильно понял замечания Маркса.

Можно было бы привести ряд примеров и из истории других стран, которые позволяют фиксировать момент перелома на XI и XII вв. К этому времени феодальные общественные отношения получают наивысшее свое выражение, доказательством чему служит характерный факт полного оформления феодального права, закрепляющего установившуюся систему господства и подчинения. Вместе с тем, вопреки Бюхеру, эта высшая точка развития феодализма предполагает наличие денежного хозяйства. Иначе непонятным становится устойчивость сеньорий, в обстановке постоянных войн за территории и постоянной перекройки карты феодальной Европы. Но этот наивысший момент развития был вместе с тем и началом разложения феодального порядка. Правда, и город с его промышленностью принимает феодальный облик, но его стены начинают

размыкаться, при чем немаловажную роль в этом процессе сыграли коммунальные революции XI—XII вв.

В недавно вышедшем XXII томе сочинений Маркса и Энгельса напечатано полностью письмо Маркса, где он делится с Энгельсом своими впечатлениями от книги Тьерри. Ему особенно пришлось по душе, что французский историк расценивает это движение как движение революционное и подчеркивает огромную роль буржуазии.

Дальнейшие мои замечания относятся уже к периоду хозяйственного переворота. В своем докладе я подчеркивал революционный характер этого перелома в европейском развитии, что вполне гармонирует и с утверждением Пригожина о наличии в это время определенного скачка. Что касается возражений Г. С. Зайделя по вопросу о техническом перевороте, я готов с ним согласиться, что, может-быть, осторожнее этого термина применительно к данному периоду не употреблять. Но факты, отмеченные мною, едва ли можно опровергнуть. Если сравнить XII и XV—XVI вв.—разница в технике колоссальная и, что самое важное, технические завоевания создают базу для реорганизации самого производства. Выдвинутое мною понимание сущности хозяйственного переворота не вызвало особых возражений. Замечания, какие мне делались, имеют, скорее, в виду дальнейшее уточнение этого понятия. Но один упрек, сделанный Зайделем, я должен от себя отвести. Правда, я в своем докладе не остановился на характеристике революционных движений XVI в., и в частности на крестьянской войне, но я никогда не думал, что так называемая реформация есть буржуазная революция. Еще несколько лет назад мне пришлось на аналогичной дискуссии защищать одному против ряда товарищей положение, что это не революция, а социально-политический, революционный по своему характеру кризис, явившийся результатом хозяйственного переворота. И аргументация у меня приблизительно та же, какую я слышал сегодня в вашем выступлении. Я как и раньше, так и сейчас продолжаю стоять на этой точке зрения. И тогда же я утверждал, что первая буржуазная революция общеевропейского значения — это Нидерландская революция, на что указал и Маркс в своей статье „Итоги 48 года в Германии“.

Мне остается сказать несколько слов относительно эпохи торгового капитала. Думаю, что то противоречие, в котором упрекает меня Лозинский, только кажущееся. В чем я усматриваю сущность этого периода — как-будто ясно вытекает из моего доклада, и спор может итти только о термине. П. П. Щеголев предлагает назвать его мануфактурным периодом, но не будет ли такое наименование несколько надуманным и, главное, войдет ли оно в общий оборот. Нельзя сказать, чтобы оно полностью определяло данный период. Термин „первоначальное накопление" точно так же не покрывает всего содержания эпохи, как совершенно правильно заметил Г. С. Зайдель.

И встает вопрос — не остаться ли нам при старом названии и, может-быть, только изъять из обращения слово „капитализм", а употреблять термин — эпоха торгового капитала. Ведь и терминология имеет свою судьбу. Возьмите для примера — термин „средневековье". Как мы от него ни отмахивались, как ни воевали против него, указывая на его несуразность, но все же продолжали его употреблять, вкладывая в него уже другой смысл. Поэтому я склоняюсь к тому, чтобы остаться и при термине „торговый капитал", но в таком случае — тем более важно уточнить его содержание. По вопросу о понимании существа эпохи торгового капитала я остановлюсь на замечании А. М. Розенберга и П. П. Щеголева.

Выступление А. М. Розенберга осталось для меня не совсем понятным. Он, по-моему, допустил крупную ошибку, цитируя все ту же главу Маркса о купеческом капитале. Так цитировать нельзя. Если искусственно выдернуть то место, где Маркс говорит о консервирующей роли торгового капитала, то это будет верно только в применении к конкретным условиям времени и места. Расширительно же толковать это место не приходится. Если взять данную главу целиком, то окажется, что в различных условиях и роль торгового капитала весьма различна. В одних случаях он разлагает, в других консервирует старые отношения, а в третьих случаях, страшно сказать, он и реорганизует, чему наглядный пример дает история Англии.

П. П. Щеголев, разумеется, был прав, настаивая на необходимости анализа мануфактурного способа производства, и у меня с ним нет существенных разногласий. Я, к сожалению,

слишком мало затронул этот вопрос в докладе, и П. П. Щеголев до некоторой степени восполнил этот пробел. Прибавлю к его доводам еще следующие соображения. Совершенно очевидно, что мануфактуру никак нельзя приравнивать к таким способам производства, которые определяют собою содержание огромных по своему хронологическому охвату и многообразных по своим проявлениям общественных формаций. Самое понятие мануфактуры у Маркса, скорее, организационно-техническое, и, если взять всю сумму его высказываний о мануфактурном способе производства, то, очевидно, и термин „способ производства“ в применении к мануфактуре звучит у него иначе, чем в применении к феодализму или капитализму. Да и нет никакой надобности навязывать мануфактуре такие качества, какими она не обладает. И текст Маркса слишком ясен. Речь идет о переходной организации производственного процесса, в которой мы имеем и элементы ремесленного производства, и элементы машинизма. Мануфактура—коллективная живая машина, которая в дальнейшем заменяется мертвым механизмом машины, замещающей в своей рабочей части человеческие руки и превращающей самого рабочего в придаток к машине. Мануфактура и по времени своего распространения непосредственно примыкает к промышленному перевороту, являясь переходной ступенью к машинизму. Это ранняя фаза капиталистического способа производства, и, если бы мы выделили ее в особую формацию, то поступили бы механистически, поставив грань там, где ее поставить нельзя. Я обращу внимание только на одну характерную тенденцию, сквозившую в общем очень дельном выступлении. П. П. Щеголева. Характеризуя мануфактуру на основе анализа соответствующих мест Маркса и Ленина, он, не знаю, вольно или невольно, ориентировался на, так сказать, историческую инерцию. Он усиленно подчеркивал в мануфактуре моменты, общие с ремеслом. Но, если внимательно прочитать 12 главу I тома „Капитала“ Маркса, то у него этой односторонности в подходе к мануфактуре нет. Он, может-быть, еще настойчивее отмечает неразрывную связь со следующей вслед за ней машиной. Напомню, что и Ленин в своей работе „К характеристике народнического романтизма“ определенно называет мануфактуру ранней капиталистической фазой, вслед за которой наступила машинная фаза капитализма.

Мануфактура немыслима без капиталиста, который стоит во главе ее.

Повторяю, с П. П. Щеголевым у меня разногласий нет, но я потому обратил внимание на эту мелочь, что в других случаях она может привести и к более серьезным разногласиям. По существу говоря, всех нас можно разделить в этом отношении на две группы или категории. Одна склонна ориентироваться на историческую инерцию, а другая—на поступательное движение, на прогрессивные моменты исторического процесса. Такое разделение заметно сказалось в наших спорах и об эпохе торгового капитала, и особенно о понимании русского исторического процесса.

К глубокому сожалению, я лишен возможности, за недостатком времени, высказаться по докладу Малышева и закончу свое слово конкретным предложением.

Наша дискуссия не внесла, конечно, полной ясности в поставленные проблемы, хотя многое все же нам уяснила. Но, раз мы взяли на себя такую задачу, то это нас обязывает продолжать нашу работу и от общей постановки проблемы перейти уже к вопросам более частным и конкретным. Ряд тем напрашивается сам собой для работ нашей методологической группы. На некоторые я уже указал в самом докладе, а сейчас можно было бы назвать еще. Например, крайне важно было бы рассмотреть проблему купца и дворянина в эпоху торгового капитала, вопрос о социальной природе абсолютизма, проблему первоначального накопления и ряд других.

Позволяю себе высказать надежду, что мое предложение найдет в вашей среде соответствующий отклик, и мы не раз еще вернемся к затронутым на этой дискуссии вопросам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 1 рубль 60 коп.

